

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра политологии

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ ПОЛИТИКИ:
МИРОВОЕ И НАЦИОНАЛЬНО-
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЯ**

Материалы круглого стола
кафедры политологии юридического факультета
Белорусского государственного университета

Минск, 31 марта 2022 г.

Научное электронное издание

МИНСК, БГУ, 2022

ISBN 978-985-881-417-5

© БГУ, 2022

УДК 32.01(06)
ББК 66.0я431

Редакционная коллегия:

доктор политических наук, профессор *Н. А. Антанович* (гл. ред.);
доктор политических наук, профессор *С. В. Решетников*;
кандидат политических наук, доцент *С. Г. Паречина*

Рецензенты:

доктор исторических наук *И. И. Калачёва*;
кандидат политических наук, доцент *А. В. Горелик*

Актуальные проблемы теории политики: мировое и национально-государственное измерения [Электронный ресурс] : материалы круглого стола каф. политологии Белорус. гос. ун-та, Минск, 31 марта 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н. А. Антанович (гл. ред.), С. В. Решетников, С. Г. Паречина. – Минск : БГУ, 2022. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-985-881-417-5.

Представлены материалы круглого стола, посвященные развитию теории политики по следующим направлениям: теория государственного управления и государственной политики в белорусской политологии; научное обоснование связи теории политики и практики построения эффективного социального государства в Республике Беларусь; научное осмысление динамики мировых международных политических процессов.

Минимальные системные требования:

PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows XP/7/10;
Adobe Acrobat.

Оригинал-макет подготовлен в программе Microsoft Word.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Н. А. Антанович*

Подписано к использованию 29.06.2022. Объем 1,0 МБ.

Белорусский государственный университет.
Управление редакционно-издательской работы.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.
Телефон: (017) 259-70-70.
email: urir@bsu.by
<http://elib.bsu.by>

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Раздел 1. Развитие теории государственного управления и государственной политики в белорусской политологии	
<i>Антанович Н. А.</i> Принципы общественного устройства и специфика идеологии белорусского государства.....	6
<i>Абраменко Е. Г.</i> Эволюция парламентаризма в Республике Беларусь в XX – XXI вв.	14
<i>Бровка Г. М.</i> Соотношение понятий «политика», «стратегия», «тактика» в государственном управлении.	20
<i>Василевич Г. А.</i> Новая редакция преамбулы Конституции Республики Беларусь и основ конституционного строя как отражение политико-правового курса.....	23
<i>Макаревич Е. А.</i> Вспомогательные аппараты органов законодательной власти как механизм реализации политической власти.....	30
<i>Михайловский В. С.</i> Развитие неомарксистской политической теории (синергетический подход).....	34
<i>Паречина С. Г.</i> Цивилизационная идентичность и социокультурная самобытность белорусов.....	39
<i>Решетников С. В., Побережная О. Е.</i> О социальных концепциях публичной политики на рубеже XX – XXI вв.....	45
<i>Эфендиева С. М.</i> Личность в контексте политической социализации.....	52
Раздел 2. Научное обоснование связи теории политики и практики построения эффективного социального государства в Республике Беларусь	
<i>Белявцева Д. В.</i> Политика памяти как актуальное направление государственной политики в условиях информационных войн.....	57
<i>Денисюк Н. П.</i> Демографический потенциал Республики Беларусь.	64
<i>Земляков Л. Е., Шерис А. В.</i> Концепт политико-религиозной идентичности в современной Беларуси.....	69
<i>Ильина Е. М.</i> Государственная политика Республики Беларусь в сфере цифровой трансформации.....	75

<i>Калишук В. О.</i> Модели медиакоммуникации в контексте оценки эффективности деятельности государственных органов в социальных медиа.....	81
<i>Мамекин М. С.</i> Сучасны стан палітычных партый: сімптомы заняпаду ці прыкметы адаптаціі да новых выклікаў.....	86
<i>Махитарьянц К. Э.</i> Тенденции развития суверенного интернета...91	
<i>Орлова А. А.</i> Механизмы противодействия коррупции в системе государственного управления.....	94
<i>Садовский Д. Г.</i> Роль системного подхода в политической практике (на примере функционирования систем здравоохранения в условиях пандемии коронавируса COVID-19).....	99

Раздел 3. Теоретическое осмысление динамики мировых международных политических процессов

<i>Драгун Д. В.</i> Радикальный исламизм в международном политическом процессе.....	105
<i>Ли Цзинин</i> Китайско-российское сотрудничество в области культуры в контексте инициативы «Один пояс, один путь».....	111
<i>Лушников О. В.</i> Перспективы идеи Евразийской интеграции в XXI в.	115
<i>Невзоров О. Ю.</i> Российско-казахстанское межрегиональное бизнес-сотрудничество в условиях Евразийского Экономического Союза.....	121
<i>Острога Г. А.</i> Молодёжь как группа интересов климатической политики Европейского союза.....	127
<i>Слуцкая Л. В.</i> Этнополитические процессы: проблема определения понятия.....	131
<i>Щерба К. Д.</i> Международные интеграции: проблемы и перспективы развития.....	136

ВВЕДЕНИЕ

В издании представлены материалы круглого стола кафедры политологии юридического факультета БГУ, посвященные развитию современной теории политики по следующим направлениям: теории политической власти, государственного управления и государственной политики в мировой и в белорусской политологии; научное обоснование связи теории политики и практики построения эффективного социального государства в Республике Беларусь; теоретическое осмысление динамики мировых международных политических процессов. Теория политики – ядро современной политической науки, знание, содержащее обобщение истории политических идей и эмпирической политологии, обеспечивающее переход от абстрактных философских концептов к выявлению закономерностей развития политических институтов и политических процессов. Политическая теория раскрывает проблемы взаимоотношения должного и сущего в реальном политическом процессе в форме решения вопроса о соотношении нормативной и эмпирико-прикладной политической теории. В прикладном аспекте развитие теории политики значимо для концептуального осмысления политических процессов. Систематизация теоретических политологических знаний, отражающих актуальные политические процессы, позволяет осуществлять прикладной политический анализ. В системе политологического образования политическая теория призвана сформировать системное структурированное представление об основных концепциях в теоретическом осмыслении политики, помочь овладеть понятийно-категориальным аппаратом (концептуальным языком) описания мира политики.

В сборнике представлены публикации исследователей из Республики Беларусь, Российской Федерации, Азербайджанской Республики. В сборник включены доклады магистрантов и студентов юридического факультета БГУ по актуальным вопросам государственной политики и управления. На страницах данного сборника авторы смогли выразить свою точку, переосмыслить сложнейшие политические процессы современности, используя современный научный инструментарий. Некоторые положения и выводы имеют дискуссионный, полемический характер, отражают позицию автора статьи. Сохранена редакция в изложении материала авторами статей.

Материалы сборника будут использованы в учебном процессе с целью формирования мировоззренческих установок гражданственности, патриотизма, устойчивых ценностных ориентаций поддержки развития современного белорусского государства.

Раздел 1. РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В БЕЛОРУССКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 323.21

ПРИНЦИПЫ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА И СПЕЦИФИКА ИДЕОЛОГИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Н. А. Антанович

*Доктор политических наук, профессор кафедры политологии
юридического факультета БГУ, Минск, Беларусь
ninaant@rambler.ru*

В статье систематизированы принципы общественного устройства, формирующие идеологическую составляющую государства, показана их связь с ценностной системой. Специфика идеологии государства раскрывается через призму базовых принципов общественного устройства: справедливости, равенства, свободы, формы организации согласия в обществе, основных принципов конституционализма. Раскрыта суть указанных принципов. Рассмотрены важнейшие идеологические императивы, зафиксированные в Конституции Республики Беларусь.

Ключевые слова: идеология белорусского государства; принципы общественного устройства; ценности; справедливость; равенство; свобода; форма организации согласия в обществе; принципы конституционализма.

PRINCIPLES OF PUBLIC ORGANIZATION AND SPECIFICITY IDEOLOGIES OF THE BELARUSIAN STATE

N. A. Antanovich

*Doctor of Political Science, Professor of the Department of Political Science,
Faculty of Law, BSU, Minsk, Belarus
ninaant@rambler.ru*

The article systematizes the principles of the social structure that form the ideological component of the state, their connection with the value system is shown. The specificity of the ideology of the state is revealed in the interpretation of the essence of the following basic principles of social structure: justice, equality, freedom, the form of organization of consent in society, the basic principles of constitutionalism. The essence of these principles is revealed. The most important ideological imperatives fixed in the Constitution of the Republic of Belarus are considered.

Keywords: principles of social structure; values; ideology of the Belarusian state; justice; equality; freedom; form of organization of consent in society; principles of constitutionalism.

Государство как носитель верховной власти в обществе, центральный элемент политической системы, совокупность институтов и аппарат управления, обеспечивающих правотворчество, формируется на основе *принципов общественного устройства*, имеющих идеологическое значение.

Принцип (от греч. *первейшее*) – основа, постулат, базовое утверждение. Принципы общественного устройства опираются на определенную трактовку ценностей. Ценности придают смысл и значение социальному действию, определяют политическую и правовую культуру человека, а, следовательно, определенную модель поведения в социуме. Среди множества классификаций ценностей довольно широкое распространение получила ниже приведенная [см.: 1; 2]. *Традиционные ценности*: традиции, семья, жертвенность; любовь к своей земле. Они являются смысло-жизненными и витальными. *Общечеловеческие*: нравственность, порядок /властность, благополучие, работа, общение. *Современные*: самоценность жизни человека, свобода, инициативность, независимость. «Социокультурные типы базовых ценностей: традиционные и современные... Слой, нейтральный к данной типологии, – общечеловеческие. Это ценности порядка, благополучия, работы, нравственности и др. Их особенность состоит в том, что в различных типах обществ они принимают “окраску” своей среды: на первый план выступают то традиционные, то либеральные их компоненты» [1, с.18].

Для анализа принципов общественного устройства того или иного государства, формирующих его идеологическую составляющую, важно понятие *государственной состоятельности*. Под ней понимают способность государства достигать консолидации политического сообщества и управляемости общественными процессами, благодаря эффективному управлению. Государство, являющееся *состоявшимся* (в противовес несостоявшемуся (*failed*) или неустойчивому (*fragile*)), способно сформировать идею своего существования, направленную на:

- консолидацию общества и образ/цель его будущего,
- достижение согласия по базовым ценностям общественного развития и формирование нации как не только этнической, но *гражданско-политической общности*,
- институционализацию баланса соперничества и сотрудничества, механизмов разрешения конфликтов. Статья 14 Конституции Республики Беларусь закрепляет принцип *социального партнерства* [3].

Специфика идеологии государства раскрывается в трактовке сути *справедливости, равенства, свободы, формы организации согласия в обществе, основных принципов конституционализма*.

Справедливость – представление о должном положении вещей в обществе, требование соответствия вклада и воздаяния, преступления и наказания. Справедливость призвана выступать в обществе генератором добра / моральности, трудолюбия, стимулом конструктивной общественной деятельности. Государства демократического пути развития связывают справедливость с гуманистическими принципами уважения жизни и достоинства человека. Различают следующие виды справедливости: распределительная (к примеру, в оплате труда), компенсаторная (к примеру, надбавки за вредность), замещающая (к примеру, бесплатное жилье определенным категориям граждан), карающая (наказание за проступки и преступления).

Осознание справедливости базируется на понимании равенства и свободы.

Равенство – одинаковое (или сходное) обладание статусами, возможностями и правами, а также необходимыми жизненными благами. Различают индивидуальное, социальное, гражданское типы равенства.

Гражданское равенство – равенство перед законом, закрепляющее положение свободного и ответственного гражданина.

Социальное равенство – доступ к статусам и материальным благам, право на социальное обеспечение. Статья 47 Конституции Республики Беларусь закрепляет право на *социальное обеспечение* [3].

Свобода – возможность поступать сообразно своей воле, осуществлять выбор; отсутствие угнетения, условие личного развития, залог достоинства человека.

Форма организации согласия в обществе проявляется в достижении консенсуса по поводу базовых целей и ценностей, несмотря на различие интересов различных социальных групп. Указанный консенсус обеспечивает легитимность власти. Необходимы механизмы постоянного выявления общей воли, постоянной связи граждан и государственных органов различных уровней. В любом обществе существует напряжение между волей большинства и возможностью выражения воли для меньшинства.

Принципы конституционализма имеют универсальную и национально-государственную составляющие. К универсальным принципам относятся закрепление государственного суверенитета, утверждение источника власти в стране, гарантии прав человека и гражданина с учетом баланса прав и обязанностей, разделения властей и верховенства права, учета общепризнанных норм международного права, утверждение демократических правил (плюрализма и свободы объединений в рамках законодательных норм, выборности власти и доступа к должностям в государственных органах, получения и

распространения достоверной информации, сбалансированное соотношение представительства и прямого участия). Конфигурация и закрепление основ конституционного строя в конкретной стране служат достижению эффективности управления. Универсальные принципы должны реализовываться с учетом национально-государственных интересов.

Идеологические императивы, зафиксированные в Конституции Республики Беларусь.

Статья 4 Конституции Республики Беларусь с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. гласит: «Демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе *идеологии белорусского государства*, а также многообразия политических институтов и мнений».

История *государственности* (термин закреплён в Преамбуле Конституции) предшествует формированию *состоявшегося государства*, обладающего собственными характеристиками конституционного строя. Состоявшее государство – самостоятельный этап развития страны как суверенной.

В 2013 г. НЦЗПИ Республики Беларусь разработаны Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы (далее – Рекомендации), в которых отражены следующие основные положения, имеющие идеологическое значение и связанные с определением политического курса развития страны [4]:

– глобализация и ее воздействие на государственный суверенитет, а также национальную правовую систему (п.9, 13 Рекомендаций);

– разграничение ценностей политической и правовой систем западной цивилизации и традиционных ценностей незападных обществ. К традиционным ценностям в Рекомендациях отнесены ценности брака, семьи, любви к Родине, религии (п.10 Рекомендаций);

– особенности развития гражданского общества с указанием на слои граждан, которые заинтересованы в минимизации налогов, минимальном воздействии на них государственных институтов (п.11 Рекомендаций);

– закономерности национальной нормотворческой деятельности в сфере обеспечения прав и свобод личности, критика западной интерпретации гуманизма и системы социальных ценностей. О внешнем давлении и вмешательстве в дела суверенных государств, имеющих незападные системы ценностей, о культурно-исторической обусловленности концепции прав человека (п.12, 14 Рекомендаций).

В Конституции Республики Беларусь закреплены общечеловеческие, традиционные и современные ценности.

В Преамбуле Конституции с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. зафиксирована «приверженность общечеловеческим ценностям» [3].

Конституция закрепляет *традиционные* ценности семьи, трактовку брака как союза мужчины и женщины, необходимость заботы родителей о детях и детей о родителях (статья 32), содержание статьи 54 посвящено исторической памяти и патриотизму («сохранении исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм является долгом каждого гражданина Республики Беларусь»).

Содержание разделов 1 и 2 Конституции фиксирует современные ценности. Так, статья 21 провозглашает обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь в качестве высшей цели государства. Статья 32 посвящена гарантиям *прав молодежи* на духовное, нравственное и физическое развитие, создание условий для участия молодёжи в общественной жизни.

Фундаментальные исторические, политические и правовые ценности белорусского народа:

– гражданственность, патриотизм, национально-государственное самосознание и самоуважение народа, его стремление развивать свою культуру, традиции;

– суверенитет, конституционный порядок и законность;

– национальный интерес, национальная безопасность, территориальная целостность, миролюбие;

– социальная справедливость и благосостояние;

– высокая степень этно-национальной, расовой, конфессиональной терпимости;

– бережное отношение к природе и экологическое мышление.

В исследовании Белорусского института стратегических исследований (БИСИ) «Ценностный портрет современного белорусского общества», 2021 г. приводятся следующие данные результатов опросов общественного мнения в отношении государства и общества:

• Ценностное отношение к суверенитету и независимости белорусского государства.

• Ориентированность на сохранение *сильного государства и обеспечиваемых им социальных гарантий*.

• Социальный запрос на более мобильную и эффективную коммуникацию по линии «власть – общество».

• Ориентированность активной части общества на переход от парадигмы «сохранения» к запросу на развитие и образ будущего.

- Восприятие *патриотизма* через призму любви к белорусской культуре и преданности стране («культурный патриотизм») [5, с.20-21].

В Республике Беларусь реализуется модель, в рамках которой «концепт социального государства дополняется идеями государства равных стартовых возможностей и “государства-партнера”». Сотрудниками БИСИ отмечен «запрос граждан на сопричастность и самореализацию» [5, с.21].

Поскольку Беларусь занимает географическое положение на стыке цивилизаций (иногда исследователи указывают на положение между православно-византийским и римско-католическим регионами), важно сохранение культурно-цивилизационного кода белорусского народа. В этом плане большое значение имеет День народного единства, учрежденный Указом Президента Республики Беларусь № 206 от 7 июня 2021 г.

Конституция Республики Беларусь как правовая основа идеологии белорусского государства отражает следующие основные положения:

- о народе как источнике государственной власти и носителе суверенитета (Преамбула, статья 3),

- о сущности белорусского государства и государственном строительстве,

- о сути конституционализма и базовых принципах правовой системы, о стабильности – изменчивости правовой системы:

- о трактовке прав человека и гражданина,

- о развитии прямой демократии в форме референдумов и укреплении представительной власти – конституционное закрепление Всебелорусского народного собрания.

- принцип разделения властей с акцентом на представительной власти (Всебелорусское народное собрание),

- принцип верховенства права и соотношение норм национальной правовой системы и международного права (уточнение общепризнанных норм, определение соотношения национальных и наднациональных норм, определение их приемлемости),

- гарантии прав собственности,

- учет законодательных актов, направленных на сохранение конституционного строя и стабилизацию общества, ликвидацию угрозы национальной безопасности, законодательная база Республики Беларусь о противодействии экстремизму и недопущении реабилитации нацизма.

В Республике Беларусь сложился баланс конституционно-правового закрепления видов прав: гражданских, политических, социально-экономических, социально-культурных, а также баланс прав и обязанностей.

В западных странах превалирует концепция индивидуальных прав и свобод с акцентом на реализации гражданских и политических прав. При этом социально-экономические, социально-культурные права остаются на периферии внимания.

Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь публикует перечень основных *актов программного характера, имеющих приоритетное политическое и социально-экономическое значение для страны* (Директивы и Послания Президента Республики Беларусь, Послания Конституционного Суда, основные стратегии, концепции, доктрины и иные правовые акты, определяющие развитие страны, государственные программы социально-экономического развития и иные программы) [6].

О государстве и гражданском обществе как двух основаниях политической системы. В гражданском обществе преобладает механизм самоорганизации, в государстве – целенаправленного системного управления. Необходимы расширение потенциала реального местного самоуправления, развитие возможностей самостоятельного решения местных проблем и соответствующей им ответственности, развитие диалога власти и общества, автономных форм конструктивного гражданско-политического участия.

О подконтрольности и подотчетности госслужащих при формировании вертикали власти. Определить механизмы учета мнения общественности в законотворческом процессе. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (в п. 48) среди принципов обеспечения национальной безопасности: законность, соблюдение конституционных прав и свобод человека; гуманизм и социальная справедливость; *гласность*; соблюдение баланса интересов личности, общества и государства, их взаимная ответственность.

Библиографические ссылки

1. Глобализация и социальные институты : социологический подход / Н. И. Лапин [и др.] ; отв. ред. И. Ф. Девятко, В. Н. Фомина ; Ин-т социологии РАН. М. : Наука, 2010.

2. *Лапук И. В.* Ценностная трансформация современного белорусского общества (по результатам социологических исследований) // Журнал БГЭУ. Социология. 2021. № 1. С.90–99.

3. Конституция Республики Беларусь с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. Минск: Национальн. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022.

4. Рекомендации по теоретико-методологическим основам совершенствования правовой системы Республики Беларусь. Решение ученого совета НЦЗПИ Республики Беларусь от 23.04.2013. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normotvorcheskaya-deyatelnost/poleznaya-informatsiya/rekomendatsii-po-teoretiko-metodologicheskim-osnovam-sovershenstvovaniya-pravovoy-sistemy-respubliki/>. (дата обращения: 15.03.2022).

5. Ценностный портрет современного белорусского общества / С. М. Алейникова [и др.] ; БИСИ. Минск: Друк-С, 2021.

6. Перечень основных актов программного характера [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyedokumenty/osnovnye-akty-programmnogo-kharaktera-imeyushchie-prioritetnoe-politicheskoe-sotsialnoe-i-ekonomiche/>. (дата обращения: 15.03.2022).

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В XX – XXI вв.

Е. Г. Абраменко

*Кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии юридического факультета БГУ, г. Минск, Беларусь
eabramenko1979@gmail.com*

В статье рассматриваются этапы институционализации современного белорусского парламентаризма: 1) 1989- 1994 гг., 2) 1994-1996 гг.; 3) 1996 – 2022 гг.; 4) февраль 2022 г. – по настоящее время. Современный белорусский парламентаризм отличается от западноевропейского и имеет ряд особенностей, определяемых спецификой исторических традиций.

Ключевые слова: парламентаризм; Декларация о государственном суверенитете; Конституция Республики Беларусь; Верховный Совет; Национально собрание Республики Беларусь; Всебелорусское народное собрание.

EVOLUTION OF PARLIAMENTARISM IN THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE XXI-XI cc.

E. G. Abramenko

*D. in Political Science, Associate Professor, Associate Professor of Department of Political Science, Law Faculty, Belarusian State University, Minsk, Belarus
eabramenko1979@gmail.com*

The article considers the stages of institutionalization of modern Belarusian parliamentarianism: 1) 1989 - 1994; 2) 1994-1996; 3) 1996 - 2022; 4) February 2022 - up to the present. Contemporary Belarusian parliamentarianism differs from Western European parliamentarianism and has a number of features determined by specific historical traditions.

Keywords: parliamentarism; Declaration on State Sovereignty; Constitution of the Republic of Belarus; Supreme Soviet; National Assembly of the Republic of Belarus; All-Belarusian People's Assembly.

С политологической позиции можно выделить несколько этапов становления института парламентаризма в постсоветской Беларуси. Основным критерием периодизации может служить уровень воплощения в жизнь принципа разделения властей, а также разделения функций и полномочий между исполнительной и законодательной ветвями власти. На этой основе можно выделить следующие периоды:

1) 1989–1994 гг. Некоторые элементы парламентаризма в его классическом понимании были заложены в изменениях и дополнениях в

Конституцию БССР 1978 г. внесенными Законом БССР от 27 октября 1989 г. В Декларации Верховного Совета Республики Беларусь о государственном суверенитете Республики Беларусь, принятой 27 июля 1990 г., указывалось, что единственным источником власти в республике является белорусский народ. Верховный Совет – верховный орган власти, наделяется исключительным правом выступать от имени народа. Таким образом, Верховный совет становился высшим органом государственной власти. Помимо этого декларировалось введение принципа разделения властей, как неотъемлемой части построения правового государства [1]. Впоследствии данные нормы были закреплены Законом «Об основных принципах народовластия в Республике Беларусь» от 27 февраля 1991 г. Законом от 25 августа 1991 г. придал Декларации о государственном суверенитете силу Конституционного закона. В это же время в Республике Беларусь начала оформляться многопартийная система. Быстрому росту количества новых политических партий способствовали низкие требования закона «Об общественных объединениях». К 1994 г. в Республике Беларусь насчитывалось 24 партии.

4 марта 1990 г. первые в Беларуси прошли свободные парламентские выборы на альтернативной основе в Верховный Совет XII созыва. В состоянии общественно-политической трансформации парламент стал сферой борьбы между сторонниками и противниками реформ, новой и старой политической элиты. Наибольшие разногласия вызывали вопросы относительно формы правления (президентская республика или парламентская) и о профессионализации парламента.

Принятая 15 марта 1994 г. Конституция Республики Беларусь предусматривала в качестве парламента однопалатный Верховный Совет, по этой Конституции Беларусь становилась президентской республикой со значительными полномочиями парламента.

«Верховный Совет Республики Беларусь является высшим представительным постоянно действующим единственным законодательным органом государственной власти Республики Беларусь» (ст. 79) [2, с.14]. Он избирался сроком на 5 лет и состоял из 260 депутатов.

Несмотря на то, что 6 ст. Конституции закрепляла разделение властей, очевидным было доминирование Верховного Совета. Еще одной особенностью данного периода становления политического института парламентаризма являлась не полная профессионализация законодательного и представительного органа. В данный период становления политического института парламентаризма характеризовался попыткой заимствования готовых институциональных форм, которые на то время не были подкреплены отвечающими им политическими

практиками, а также без учета политической культуры общества, что привели к последующим институциональным конфликтам.

2) 1994–1996 гг. Прошедшие в 1995 г. выборы в Верховный совет XIII созыва показали значительную популярность политических партий в обществе. Безусловно, представительный и законодательный орган, который был сформирован на основе новых правил, выгодно отличался от своих предшественников и был ближе к профессиональному парламенту. Однако, доминирующее положение Верховного совета по отношению к исполнительной власти и Президенту Республики Беларусь заложенные в Конституции 1994 г. стали причиной острого политического кризиса.

Данный период характеризуется растущей политизацией парламента, которая вскоре начинает превалировать над его законодательной деятельностью. Верховный Совет, который с 1990 г. располагал монополией на власть, продолжал бороться за сохранение своих полномочий. В частности на протяжении почти 2 лет после избрания Президента постановления о введении в действие законов и международные договоры подписывались Председателем Верховного Совета. Статья 54 закона «О Верховном Совете Республики Беларусь» закрепляла положение о том, что не только законы, но и постановления Верховного Совета являются обязательными для исполнения на территории республики [3]. Таким образом, Глава государства утрачивал право вето, так как постановления подписывались Председателем Верховного Совета. В то же время вето Президента на принятые законы преодолевалось в 100 % случаев [4, с.132]. Конфликт между законодательной властью и Президентом завершился принятием изменений и дополнений к Конституции.

3) 1996 – 2022 гг. Данный этап характеризовался усовершенствованием конституционных механизмов регулирования отношений ветвей власти, а также накоплением опыта совместной работы исполнительных и законодательных структур, бесконфликтным взаимодействием законодательной и исполнительной ветвей власти, несмотря на прерогативы последней. Рассматриваемый политический институт стал представлять собой комплексную структуру законодательной власти, многофункциональную подсистему и составную часть разветвленной политической системы. На смену Верховному совету пришел новый орган – Национальное собрание Республики Беларусь, состоящее из двух палат: Палаты представителей и Совета Республики» (ст. 90) [5, с.26]. Палата Представителей представляет интересы всех граждан Республики Беларусь, а Совет Республики обеспечивает территориальное представительство.

Закон «О Национальном собрании Республики Беларусь» и регламенты палат, Избирательный кодекс, законы «О политических партиях и общественных организациях» и «О местном управлении и самоуправлении» создали комплекс формально-юридических оснований функционирования политического института парламентаризма.

Анализируя практику работы Национального собрания Республики Беларусь, можно констатировать, что Парламент наделен качествами, необходимыми для функционирования парламентаризма: 1) самостоятельность в системе разделения властей; 2) высокий уровень полномочий парламента при решении вопросов государственного управления; 3) деятельность депутатов парламента на профессиональной основе; 4) определенные формы и методы работы законодательного органа; 5) избрание депутатов на всеобщих свободных выборах для гарантии значительной степени представительности.

4) 2022 г. – начало нового этапа в развитии белорусского парламентаризма, связанного с внесением изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь.

Особенностью данного этапа является закрепление за Всебелорусским народным собранием статуса высшего представительного органа народовластия Республики Беларусь (ст. 89¹) [6, с.29]. Процесс подготовки, организации и проведения Всебелорусского народного собрания, обсуждение на нем вопросов развития белорусского государства и общества позволяют привлечь граждан к прямому участию в управлении делами государства. Данная оправдавшая себя форма управления является гарантией социально-политической стабильности страны.

Произошло перераспределение полномочий между ВНС и Национальным собранием Республики Беларусь. Конституция Республики Беларусь наделяет Всебелорусское народное собрание *контрольными полномочиями*: правом заслушивать Премьер-министра о выполнении программы социально-экономического развития, а также участием в процедуре импичмента Президента Республики Беларусь; *полномочиями в сфере государственного управления*: по предложению Президента, предварительно согласованному с Президиумом Всебелорусского народного собрания избирает Председателя и судей Конституционного Суда, Председателя и членов Центральной избирательной комиссии и освобождает их от должности; *полномочиями в военной сфере*: по предложению Президента принимает решение о возможности направления военнослужащих, сотрудников военизированных организаций, иных лиц за пределы Республики Беларусь для участия в обеспечении коллективной безопасности и

деятельности по поддержанию международного мира и безопасности; и др. Являясь высшим представительным органом, Всебелорусское народное собрание наделено *правом законодательной инициативы* [6, с.30-31, 37].

В отличие от Всебелорусского народного собрания, которое созывается не реже 1 р. в год Национальное собрание Республики Беларусь является постоянно действующим органом (Палата представителей и Совет Республики собираются на одну сессию в год, которая открывается в третий вторник сентября и закрывается в последний рабочий день июня следующего года) [6, с. 31, 34].

Всебелорусское народное собрание определяет стратегические цели развития государства, в то время как депутаты Национального собрания Республики Беларусь через рассмотрение обращений граждан, их непосредственный прием, изучение общественного мнения, а также работа в избирательных округах, взаимодействие членов Совета Республики с местными советами, позволяет: во-первых, более оперативно выявить недостатки действующего законодательства и обозначить проблемы, требующие законодательного урегулирования, во-вторых, контролировать деятельность органов местного самоуправления.

Новая редакция Конституции усилила разделение властей через решение о несовместимости мандатов: не только члены Совета Республики, но и депутаты Палаты представителей не могут быть одновременно членами Правительства (ст. 92). Произошло расширение контрольных полномочий Национального собрания Республики Беларусь через право ежегодно заслушивать информацию Генерального прокурора, Председателя Комитета государственного контроля и Председателя Правления Национального банка о результатах их деятельности (ст.97) [6, с. 33, 35].

Изменения коснулись и порядка формирования парламента, в частности Членом Совета Республики пожизненно с его согласия является Президент Республики Беларусь, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки (ст. 91). Данная норма позволяет обеспечить преемственность и последовательность проводимой политики.

Таким образом, современный белорусский парламентаризм отличается от западноевропейского и имеет ряд особенностей определяемых спецификой исторических традиций.

Библиографические ссылки

1. О государственном суверенитете Республики Беларусь: Декларация Верхов. Совета Респ. Беларусь, 27 июля 1990 г., №193-ХІІ // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. 1991. № 31. Ст. 536.

2. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь – Конституция Республики Беларусь : прынята на трынаццатай сес. Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь дванаццатага склікання 15 сак. 1994 г. Мінск : Беларусь, 1994.

3. О Верховном Совете Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 21 дек. 1994 г., № 3465-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.06.2007 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2010.

4. *Василевич Г. А.* Белорусское государство на рубеже веков. Минск: Право и экономика, 2008.

5. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). Минск : Амалфея, 2007.

6. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПОЛИТИКА», «СТРАТЕГИЯ», «ТАКТИКА» В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Г. М. Бровка

*Декан факультета технологий управления и гуманитаризации БНТУ,
к.п.н., доцент, г. Минск, Беларусь
gbrovka@bntu.by*

Понятия «политика», «стратегия», «тактика» нашли свое отражение в военной науке с начала 19 в. в трудах К. фон Клаузевица и в настоящее время являются фундаментальными категориями. С середины 1960-х гг. названные термины использовали в своих книгах американские ученые экономисты И. Ансофф «отец стратегического менеджмента» и Дж. О'Шонесси, что послужило их активному употреблению в менеджменте, но не привело к их единообразному толкованию. В политической науке происходит освоение комплекса этих понятий.

Ключевые слова: политика; стратегия; тактика; развитие; безопасность.

CORRELATION OF THE CONCEPTS OF "POLICY", "STRATEGY", "TACTICS" IN THE STATE ADMINISTRATION

G. M. Brovka

*Dean of the Faculty of Management Technologies and Humanity of BNTU,
PhD, Associate Professor, Minsk, Belarus
gbrovka@bntu.by*

The concepts of "policy", "strategy", "tactics" have been reflected in military science since the beginning of the 19th century in the writings of K. von Clausewitz and are now fundamental categories. Since the mid-60s of the last century, these terms have been used in their books by American economists I. Ansoff "the father of strategic management" and J. O'Shaughnessy, which served as their active use in management, but did not lead to their uniform interpretation. In political science, a complex of these concepts is being mastered.

Keywords: policy; strategy; tactics; development; security.

Усложнение современного мира, нарастающая полицентричность, одновременное наличие двух противоречащих друг другу парадигм развития: глобализации и протекционизма, ведут к необходимости междисциплинарного подхода в изучении политических институтов и процессов. Многомерность политики, необходимость осуществления эффективного государственного стратегического управления требует нового инструментария для прогнозирования, планирования, организации, мониторинга и контроля политического процесса. Такой

инструментарий на основе системного анализа удастся найти в кибернетике, биологии и других науках, в свое время осуществивших прорыв в накоплении знаний. Бурный рост транснациональных корпораций вызвал активный поиск инструментов и алгоритмов управленческих решений. Заимствование в интересах высшего звена менеджмента финансового, промышленного, торгового капитала из военной науки понятий «стратегия», «оперативное искусство», «тактика» позволило при всей неоднозначности последующих трактовок и неготовности гражданских руководителей и специалистов, сформировать концепцию «политики» и стратегического управления бизнесом. Несмотря на относительную молодость и несовершенство теории практика ее использования в менеджменте продемонстрировала позитивные результаты. Вышеназванные категории стали внедряться и в политическую сферу. В то же время неоднозначность подходов, трактовок, методов, отсутствие теоретического единства, определенности и достаточно проработанной структуры ведут к нечетким выводам и рекомендациям.

В этой связи представляется важным разработка в политической науке базовых понятий стратегического государственного управления и установление взаимосвязей между ними. К таким понятиям, по нашему мнению, относятся «политика», «стратегия», «тактика».

Проведенный анализ научной литературы демонстрирует, что мнения авторов представляющих разные отрасли знаний к определению указанных выше категорий различаются. Не вступая в полемику по поводу определения, что есть политика, стратегия и тактика, согласимся с авторами, придерживающимися позиции, что *политика – это концепт принятых высшим руководством долгосрочных решений, которые должны соблюдаться во всех функциональных направлениях*. Политика формирует руководящие цели и принципы. В конце 19 в. политика стала многомерным явлением, о чем свидетельствует разделение в западном мире понятий *polity – policy – politics*. Президент и правительство, к примеру, определяют через заявления и решения, на базе мнения социума, принципы, правила, ценности, которые должны реализовываться. И найти отражение в конкретных направлениях политики: внешней, оборонной, безопасности, инвестиционной, инновационной и т.п.

В этом случае *стратегия – означает долговременный план действий по их достижению*. Фактически стратегия отвечает на вопрос, куда направлено движение. Стратегия в лице высшего руководства страны определяет направление и темп развития. Стратегия реализует функцию «методологии управления», определяя в государственном управлении такие действия, как: анализ, прогнозирование, планирование,

организацию, мониторинг, контроль и др. Стратегия формирует общие цели движения, общие способы их достижения, реализуя их через программы, концепции, теории, нормативные акты.

Тактика представляет собой комплексный элемент стратегического процесса. Таких элементов в стратегии может быть множество. Фактически тактика отвечает на вопрос: как достичь поставленных политикой и отраженных в стратегии целей. *Тактика* – это метод и способ достижения цели, через совокупность управленческих решений, на определенном временном этапе, в среднем звене государственного управления. В тоже время, тактика – это часть науки государственного управления как системы знаний. Одной из задач стратегии и тактики является обеспечение совпадения фактических шагов с общей целью и результатом политического процесса. То есть без реализации задач тактики невозможно достижение целей стратегии. По мнению ряда авторов, в тактике находит свое отражение «реальная траектория движения к цели», зигзаги и неизбежные потери.

В целом следует констатировать, что понятия «политика», «стратегия», «тактика» в государственном управлении представляют собой диалектическое единство и борьбу противоположностей. Порой сложно разграничить, где заканчивается и где начинается политика и стратегия, стратегия и тактика. Возникают противоречия в формулировке цели и средства ее достижения, в соответствии стратегии и тактики. Это относится и к заложенному противоречию между развитием и обеспечением его безопасности. В этой связи задачей политики, стратегии, тактики государственного управления, например, в системе «инновационное развитие – инновационная безопасность» становится устранение объективно имеющих противоположностей, возникающих рисков и угроз. Создание условий для реализации национальных интересов в этой сфере.

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ ПРЕАМБУЛЫ И ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИКО- ПРАВОВОГО КУРСА

Г. А. Василевич

*Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного права
юридического факультета БГУ, г. Минск, Беларусь
gregory_1@tut.by*

В статье анализируется новое содержание преамбулы и основ конституционного строя Основного Закона Республики Беларусь. Обращается внимание на поступившие в адрес Конституционной комиссии предложения и замечания к проекту изменений и дополнений Конституции. Высказывается мнение, что они являются важным источником информации для нормотворческих и правоприменительных органов.

Ключевые слова: Конституция; изменения и дополнения Конституции; народное обсуждение проекта.

NEW EDITION OF THE PREAMBLE AND FOUNDATIONS OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM AS A REFLECTION OF THE POLITICAL AND LEGAL COURSE

G. A. Vasilevich

*Doctor of Law, Professor, Head of the Constitutional Law
Department of the Law Faculty of Belarusian State University, Minsk, Belarus
gregory_1@tut.by*

The article analyses the new content of the preamble and fundamentals of constitutional system of the Basic Law of the Republic of Belarus. Attention is paid to the suggestions and remarks to the Draft of amendments and additions to the Constitution, which have been addressed to the Constitutional Commission. An opinion is expressed that they are an important source of information for law-making and law-enforcement bodies.

Keywords: Constitution; amendments and additions to the Constitution; people's discussion of the draft.

Преамбула Конституции Республики Беларусь и раздел I «Основы конституционного строя» составляют важнейшую часть конституционного текста. Они определяют вектор и содержание конституционно-правового развития общества и государства. Правда в отличие от раздела первого Конституции изменения преамбулы

допускаются посредством принятия закона Парламентом. Раздел I может быть изменен только путем референдума.

В данной статье обратим внимание на появившиеся новеллы в преамбуле и разделе I Конституции, а также на те предложения, которые вносились в процессе обсуждения проекта.

Преамбула усилена рядом положений, которые подчеркивают желание народа, принимающего Конституцию, сохранить национальную самобытность и суверенитет (полагаем, что в данном случае суверенитет следует понимать в триединстве – народный, национальный, государственный), культурные и духовные традиции. Если в прежней редакции шла речь о стремлении утвердить права и свободы, то в новой редакции уже констатировался факт – утверждая права и свободы человека и гражданина, устои правового государства и социально справедливого общества. Конечно, это более сильная формула, которая налагает большую ответственность на государство и общество. Иные уточнения также важны, хотя в определенной мере взаимосвязаны, например, мир и гражданское согласие. В то же время норма о желании обеспечить благополучие граждан, процветание Республики Беларусь в последующем находит свое развитие в разделах I и II Конституции.

Касаясь преамбулы, обратим внимание на то, что часто упускается из виду: ее положения являются такой нормативной (обязательной для исполнения) частью Конституции, как и вся Конституция. Во время обсуждения проекта изменений и дополнений в Конституцию вносились и иные предложения, которые не вошли в текст, но которые отражают умонастроения определенной части населения. Так, гражданами внесены предложения указать, что истоки белорусской государственности находятся в Древней Руси, другие считали необходимым указать на традиции Полоцкого княжества и белорусско-литовской государственности. Было предложение исключить фразу «сознавая себя полноправным субъектом мирового сообщества», заменив ее фразой: «и признавая свою историко-правовую идентичность, как полноправного субъекта Русского Мира». Включить в преамбулу следующее положение: опираясь на стремление белорусской нации и всего белорусского народа к самостоятельному определению своей судьбы, выраженное в Уставных грамотах БНР, Манифесте временного рабоче-крестьянского правительства Беларуси 1919 г., Декларации о независимости ССРБ 1920 г. и Декларации о государственном суверенитете БССР 1990 г.». Поступали предложения дополнить преамбулу словами «заботясь о сохранении белорусского языка и культуры». Уже эти предложения свидетельствуют о некотором расхождении в политической ориентации граждан.

В разделе «Основы конституционного строя» выделим следующие принципиальные положения. В ст. 4 появилась норма о том, что демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства. То есть на конституционном уровне разрешен существовавший спор о том, какое использовать в текущей практике понятие – идеология белорусского государства или государственная идеология. Полагаем, что основу идеологии белорусского государства составляет правовая идеология, содержание которой предопределено конституционными принципами и нормами. Но важны и иные социальные регуляторы, которые будут влиять на содержание законов и иных правовых актов. Это культура, религия, история народа, его историческая память, нравы народа, обычаи, то есть все то, что Ш. Монтескье определял как общий дух народа [1, с. 306]. Все это предопределяет содержание идеологии белорусского государства при сохранении его характеристик как правового демократического социального светского. Конституция (ст. 4) предусматривает также многообразие политических институтов и мнений. То есть демократические устои сохраняются.

Указание в ст. 7 на то, что Конституция имеет не только высшую юридическую силу, но и прямое действие на всей территории Республики Беларусь должно сыграть свою позитивную роль в укреплении конституционной законности, обеспечении прав и свобод граждан, обеспечении надлежащего исполнения обязанностей гражданами, должностными лицами, юридическими лицами, иными субъектами правоотношений. Вместе с тем, здесь следует иметь в виду, что в случаях не очевидности расхождений между конституционными нормами и иными правовыми актами следует заручаться правовой позицией государственных органов, должностных лиц. Это может быть акт Конституционного Суда, ответ государственного органа, должностного лица на поступившее обращение. То есть ситуация не столь однозначная и посмотрим, как будет формироваться правоприменительная практика. В данном случае призываем к осторожности с тем, чтобы исключить какие-либо неблагоприятные последствия для лиц, которые решат самостоятельно сделать вывод о том, что надо применять непосредственно (прямо) конституционную норму, а не норму закона.

Более гибко изложена часть третья ст. 9. В ней сейчас нет перечисления административно-территориальных единиц. Хотя и ранее не упоминались поселки и сельсоветы, районы в городах. Указание на то, что административно-территориальное устройство государства определяется законом позволяет законодателю действовать в этой сфере более многовариантно. Насколько известно, пока не стоит вопрос об

административно-территориальной реформе, но, возможно, указанные изменения дадут больший простор для модернизации местного самоуправления [2, с. 91–145].

На фоне того, что происходит в мире, когда давно уже взят курс на пересмотр итогов войны 1941–1945 гг., умаление роли советского, в том числе белорусского, народа в победе над фашизмом, весьма ценным является закрепление в Основном Законе (ст.15) нормы, согласно которой государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Ее следует учитывать в увязке с положением, закрепленным в ст. 54, о том, что сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь. На наш взгляд, этот долг можно рассматривать как священную обязанность передавать из поколения в поколение те сведения о героической борьбе против гитлеровских захватчиков за свободу и независимость, которыми обладают участники войны (военнослужащие, партизаны, подпольщики), их дети и внуки, более старшее поколение, которое могло общаться с участниками войны, видеть и слушать их.

Некоторое сожаление вызывает исключение из статьи 13 нормы о том, что государство содействует развитию кооперации. Не следует думать, что прежде всего данная норма касалась организации и деятельности сельскохозяйственных кооперативов (ранее – колхозов). Это более широкое понятие и развивать кооперативные связи как на межгосударственном, так и внутригосударственном уровне необходимо и придется. В конституциях европейских государств также имеется указание на развитие кооперации.

Назовем какие были наиболее интересные предложения, не вошедшие в текст раздела I Конституции.

В ст. 1 предлагалось указать, что Республика Беларусь является инновационно ориентированным государством, закрепить, что Республика Беларусь народное союзное государство. Статью 3 предлагалось изложить в новой редакции: высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. Советы народных депутатов составляют политическую основу республики. Все органы государственной власти, за исключением Президента, подотчётны и подконтрольны Советам народных депутатов соответствующего уровня.

Отдельные граждане предлагали из статьи 4 исключить запрет на государственную идеологию. Указать, что государственная идеология Республики Беларусь разрабатывается на основе историко-культурного развития (наследия) белорусского народа и имеет директивный характер.

Государство строится на основе единой идеологии обязательной для граждан.

Белорусская партия левых «Справедливый мир» предлагала в ст. 7 предусмотреть норму о безусловном верховенстве Конституции.

Интересным было предложение о том, чтобы в ст. 8 закрепить, что «требования международного законодательства и договоров могут действовать на территории Республики Беларусь только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат Конституции, христианским ценностям и общепризнанным нормам морали и нравственности».

Вносилось предложение назвать Беларусь Советской Республикой Беларусь, которая признаёт ограничение своего суверенитета в пределах межгосударственных договоров, ратифицированных Верховным Советом СРБ, и приводит своё законодательство в соответствие с ними.

По мнению некоторых граждан, в ст. 9 следовало указать, что призывы к отчуждению территории Беларуси уголовно наказуемы.

Относительно гражданства высказывались полярные позиции. Одни граждане полагали недопустимым иметь двойное гражданство, другие настаивали на указании о том, что граждане Беларуси имеют право иметь и российское гражданство, так как у нас Союзное государство.

Изменение гражданства не избавляет гражданина от обязанности заботиться о родителях, а также о лицах, их заменяющих, и оказывать им помощь.

Рядом авторов был сделан акцент на формах собственности (ст.13). Предлагалось указать, что государственная собственность означает её общенародный, общественный характер. Государство гарантирует укрепление и развитие сектора экономики, основанного на государственной собственности, мощной социально ориентированной направленности всех её отраслей, при сохранении равных условий для развития и эффективного функционирования всех форм собственности. Любое частное предприятие является важной составляющей частью социально-ориентированной рыночной экономики и обязано руководствоваться в своей коммерческой деятельности интересами социально-экономического развития как отдельных граждан, так и всего общества в целом. Государство всячески поддерживает предпринимательскую деятельность, связанную с созданием, внедрением и распространением инноваций.

Другие предлагали выделить наряду с государственной коммунальную собственность.

Позитивно воспринято и вошло в текст Конституции предложение о том, что государство чтит память защитников Отечества в Великой

Отечественной Войне 1941–1945 гг., обеспечивает защиту исторической правды. Умаление или осквернение в любой форме значения подвига белорусского народа при защите Отечества, оправдание и реабилитация нацизма, фашизма и пособничества им в любой форме не допускается и преследуется по закону.

Расхождения были относительно места и роли белорусского и русского языков (ст. 17). Одни считали, что русский и белорусский языки равноправны. Запрещается принимать законы и подзаконные акты государственных и местных органов власти, предоставляющие преимущество одному из государственных языков в ущерб другому государственному языку. Другие высказывались за постепенный отказ от использования русского языка: применение русского языка в качестве государственного необходимо прекратить в 2035 г. Не запрещается разговаривать на любом иностранном языке.

В ст. 18 предлагалось исключить указание на такие цели как создание территории безъядерной зоной, а государство –нейтральным. Республика Беларусь является безъядерной территорией, а государство – нейтральным. Указать, что Беларусь является военно-политическим союзником Российской Федерации, развивает и укрепляет равноправные союзнические отношения с Российской Федерацией на основе Договора о создании Союзного Государства от 8 декабря 1999 г. и других соглашений, которые не противоречат Конституции Республики Беларусь. Запрещается любым организациям или отдельным лицам подрывать стремление народа Республики Беларусь выстраивать равноправные союзнические отношения с Российской Федерацией.

Однако было и противоположное мнение: на территории Беларуси не допускается размещение иностранных военных баз и нахождение военнослужащих государственных и частных военных подразделений иностранных государств», а также размещение оружия массового поражения (ст.18).

Также неоднозначный подход проявился в отношении символики: были предложения о закреплении в Конституции описания нынешней государственной символики, а также о легализации символов, которые использовались при создании БНР.

Таким образом, изменения и дополнения в преамбулу и раздел I Конституции обеспечивают ясную позицию воли народа. Высказанные в процессе обсуждения проекта являются хорошим ориентиром для работы с общественным сознанием, проведения социологических исследований и выработки решений, обеспечивающих консолидацию общества, процветания Беларуси.

Библиографические ссылки

1. *Монтескье Ш.* О духе законов. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1900.
2. Современные проблемы белорусского законодательства в условиях конституционных преобразований / под общ. ред. Г. А. Василевича, А. Ф. Вишневого, В. А. Кучинского, К. Л. Томашевского. Минск: Амалфея, 2022.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Е. А. Макаревич

*Магистр права, преподаватель кафедры политологии
юридического факультета БГУ, г. Минск, Беларусь,
makarevich-e@inbox.ru*

В статье анализируется деятельность вспомогательных аппаратов органов законодательной власти как механизм реализации политической власти. Приводится краткий ретроспективный анализ по теме исследования. Выделяются основные признаки вспомогательных органов и дается обобщенное определение этому понятию.

Ключевые слова: политическая власть; законодательная власть; органы управления; вспомогательные государственные органы; аппарат.

AUXILIARY APPARATUS OF THE LEGISLATIVE BODIES AS A MECHANISM FOR THE IMPLEMENTATION OF POLITICAL POWER

E. A. Makarevich

*Master of Laws, Lecturer at the Department of Political Science,
Faculty of Law, BSU, Minsk, Belarus,
makarevich-e@inbox.ru*

The study analyzes the activities of the auxiliary apparatuses of the legislative authorities in the context of the implementation of political power. A brief retrospective analysis of the research topic is given. The main features of auxiliary organs are highlighted. A generalized definition of this concept is given.

Keywords: political power; legislature; governing bodies; auxiliary government agencies; apparatus.

Деятельность парламентариев в большей части государств носит активный и многообразный характер и не ограничивается лишь законодательной функцией. Значительная часть времени депутатов уходит на подготовку законопроектов и поправок к ним, проведение заседаний рабочих групп, комиссий и депутатских объединений. Парламентарии принимают участие в политических и общественных акциях, встречах с иностранными делегациями. Уделяют особое внимание работе в своих избирательных округах и реагированию на обращения

граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. В подобных обстоятельствах особую значимость приобретает профессиональный аппарат, который обеспечивает все сферы деятельности современного законодателя. При этом работа сотрудников аппарата является достаточно сложной, что вызвано повышенными профессиональными требованиями и высокой мерой ответственности перед народом и государством

Отечественная и зарубежная наука пока не уделяют достаточного внимания проблемам деятельности вспомогательных парламентских структур. В Республике Беларусь данную тему затрагивают лишь единичные научные исследования. Вместе с тем актуальным является изучение такой категории, как вспомогательные аппараты законодательных органов. Определение их роли и места в деятельности непосредственно органа законодательной власти в контексте реализации политических решений.

В настоящее время совершенно очевидно, что вспомогательные органы существуют с момента возникновения государства и органов государственной власти. Одним из первых выделил и обосновал существование вспомогательных органов известный юрист начала XX в. Н. М. Коркунов. Он предлагал различать среди государственных органов два вида: решающие (органы государственной власти) и содействующие (вспомогательные органы) [1, с. 354].

Ретроспективный анализ показывает, что становление института вспомогательных органов имеет многолетнюю историю. К примеру, в период образования Русского нецентрализованного государства (XII-XV вв.) представительным и законодательным органом государства можно считать Боярскую думу. В этот период не только оттачивается отраслевое управление, но и формируется не уступающий мировым аналогам того времени представительный и законодательный орган – Земский собор. По мнению В. И. Шевелева, аппаратом Соборов были дьяки как думные (в Боярской думе), так и приказные (в приказах как отраслевых органах управления) [2, с. 205].

Важным в вопросе анализа деятельности вспомогательных органов является советский период. После принятия Конституции СССР 1977 г., содержащей впервые упоминание о Регламенте Верховного Совета СССР, данный акт был принят 19 апреля 1979 г. [3]. В отдельную главу Регламента были выделены вопросы деятельности аппарата и система расходов Верховного Совета СССР. Аппарат Президиума Верховного Совета СССР включал в себя Секретариат Президиума, Приемную Президиума, отделы Президиума – по вопросам работы Советов, юридический, по работе постоянных комиссий палат, международных

связей, наград, финансово-хозяйственный, опубликования актов Верховного Совета при Секретариате Президиумов. В составе подразделений аппарата могли быть образованы сектора, группы, иные подразделения.

Конституции, как правило, детально не регламентируют порядок образования и функционирования аппарата парламента и других его вспомогательных органов. Единого порядка формирования аппарата парламента не существует. Статус аппарата парламента и его сотрудников, их численность, структура и функции обычно определяются непосредственно депутатским корпусом. Детально порядок формирования вспомогательных органов и их деятельность (в зависимости от уровня органа) определяется регламентами парламентов, а также положениями о вспомогательных органах.

Полагаем целесообразным выделить основные признаки вспомогательных органов и, исходя из них, дать обобщенное определение этому понятию.

Во-первых, вспомогательные органы создаются при органах государственной власти (контрольно-счетные палаты при законодательных органах) или непосредственно в структуре органа государственной власти (аппарат законодательного органа субъекта) и состоят исключительно из государственных служащих.

Во-вторых, вспомогательные органы создаются для обеспечения деятельности органов государственной власти или его руководителей.

В-третьих, деятельность, структура, функции этих органов регламентируется актами, которые принимает орган государственной власти, для помощи которому они создаются.

В-четвертых, вспомогательные органы не имеют полномочий по изданию общеобязательных актов от своего имени.

Функции вспомогательных органов определяются в специализированных актах – положениях о данных органах, и их функции напрямую связаны с функциями, которыми наделяется орган государственной власти, для оказания помощи которому они создаются. Таким образом, функции, которые выполняют вспомогательные органы, направлены на решение государственно значимых задач. Следовательно, вспомогательные органы состоят из государственных служащих, которые оказывают помощь в решении органом государственной власти стоящих перед ним задач.

Исходя из вышесказанного, можно предложить следующее определение вспомогательных органов: это *государственные органы, состоящие из государственных служащих, обязанностью которых является обеспечение выполнения органом государственной власти своих*

полномочий, не обладающие правом издания нормативных актов от своего имени.

По степени важности и влиянию на деятельность законодательного органа государственной власти большее влияние имеют структурные единицы, деятельность которых связана с непосредственной помощью депутатскому корпусу в принятии решений и выполнении иных функций, имеющих государственно-властное значение.

Таким образом, специфика вспомогательных органов законодательной власти заключается в том, что с одной стороны они не являются актором принятия политических решений, их работники выполняют технические функции, но с другой стороны, освобождая парламентариев от рутинной работы, вспомогательные органы способствуют осуществлению законодателями своих функций политического и представительного характера. Участвуя в разработке нормативных правовых актов, обсуждении и реализации важных государственных решений, координируя подчиненные государственные органы, вспомогательные структуры оказывают существенное влияние на принятие тех или иных решения и по своей сути являются специфическим субъектом политического процесса.

Библиографические ссылки

1. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. Изд. 9-е. СПб. : Магазин Н. К. Мартынова, 1909..

2. *Шевелев В. И.* Аппарат Государственной Думы – представительного и законодательного органа Российской Федерации: теоретические, историко-правовые и политико-правовые аспекты организации и деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 23.00.02. Москва, 2003.

3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Интернет-проект «Конституция России». [Электронный ресурс] URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977>. (дата обращения: 17.05.2022).

РАЗВИТИЕ НЕОМАРКСИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ (СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

В. С. Михайловский

*Кандидат политических наук, заведующий кафедрой государственного управления юридического факультета БГУ, г. Минск, Беларусь
mikhailouskivs@bsu.by*

Обосновывается разработка политической теории синергетического неомарксизма как новое научное направление. Раскрывается исследовательская гипотеза междисциплинарного синтеза неомарксизма и синергетики. Приводятся примеры синергетико-неомарксистских концептуальных построений.

Ключевые слова: неомарксизм; синергетика; капитализм; идеология; экология.

DEVELOPMENT OF NEO-MARXIST POLITICAL THEORY (THE THEORY OF COMPLEXITY APPROACH)

V. S. Mikhailouski

*PhD in Political Science, Head of the Department of Public Administration, Faculty of Law, BSU, Minsk, Belarus
mikhailouskivs@bsu.by*

The development of the political theory of synergetic neo-Marxism as a new scientific direction is substantiated. The research hypothesis of interdisciplinary synthesis of neo-Marxism and synergetics is revealed. Examples of synergetic-neo-Marxist conceptual constructions are given.

Keywords: neo-Marxism; theory of complexity; capitalism; ideology; ecology.

Противоречия мирового развития актуализируют традиционное для политической мысли кратологическое измерение политики. Происходит возвращение научного интереса к марксистской теории и методологии. По советскому и российскому философу П. Г. Щедровицкому, отказ от марксизма означает для исследователя выпадение из «культуры мысли». Ученый писал: «Если я отбрасываю марксизм, то я отбрасываю весь европейский строй понятий» [1, с. 334]. Из научного дискурса не исчезает вопрос ангажированности использования классического марксистского подхода, выработанного на эмпирическом материале прошлых веков. Эта проблема снимается тем фактом, что марксизм никогда не стоял на месте и развивался как научно-исследовательская программа. Программная природа органична марксизму, который отстаивает историчность научной теории. Классический марксизм разрешил «шок» познавательного

столкновения с капитализмом XX в. лакатосовским путем – обновлением научно-исследовательской программы в рамках неомарксистского научного дискурса [2].

Неомарксизм формировался в начале XX в. как академическое непартийное развитие классического марксизма и альтернатива всей либеральной мысли. Неомарксизм включает в себя политико-теоретическую составляющую. В политической теории связь неомарксизма с классическим марксизмом проявляется в особом парадигмальном фокусировании на капиталистической природе происходящего. В защиту основ марксистской программы неомарксизм сгенерировал новый концептуальный аппарат, где основным вопросом стала проблема капиталистической гегемонии. Такой подход сделал неомарксизм новым инструментом критического познания «мягкой силы» в политике, но не позволил ответить на вопрос: почему капитализм как система публичного господства до сих пор жив? Вопрос политических причин продолжающегося воспроизводства капитализма находится в авангарде неомарксизма.

Наша исследовательская гипотеза заключается в том, что проблема неомарксистской подхода к познанию политических факторов капиталистической стабильности разрешается в рамках синтеза знания. Сложность капиталистического воспроизводства определяет поиск актуального методологического аппарата его изучения. Таким познавательным потенциалом обладает синергетика как теория сложных систем. Здесь мы продолжаем традицию французского философа-неомарксиста Л. Альтюссера, который отстаивал «сциентизм» всей марксистской научно-исследовательской программы. Мы исходим из того, что синергетика позволит перенаправить фокус неомарксистских политических исследований с изучения «смыслов и состояний» (критический компонент) на первоочередное изучение «процессов и структур» (сциентистский компонент) и в результате объяснить политические причины воспроизводства капиталистической гегемонии в XXI в. в рамках нового научного направления «синергетический неомарксизм».

Синергетический неомарксизм есть проект актуального современной науке, органичного традиции развития политологии и неомарксизма, а также соответствующего социогуманитарным интенциям синергетики междисциплинарного развития неомарксистской политической теории. Результатом синергетической деконструкции неомарксизма в политологии является разработка синергетико-неомарксистской политической теории как совокупности четырех концепций: концепция «капиталистического идеологического

минимализма», концепция «нелинейной политической самоорганизации капитализма», концепция «политической поддержки глобального капитализма», концепция «экологического слома капитализма».

Синергетико-неомарксистская *концепция «капиталистического идеологического минимализма»* может быть сформулирована следующим образом. В основе функционирования современного капитализма как исторически продолжающегося порядка находится идеологема «улучшения жизни» для недовольных капитализмом, практическая реализация которой функциональна для стабильности капиталистической системы, так как ближайшим, а, следовательно, наиболее вероятным вариантом разрешения недовольства капитализмом является состояние «довольства им». Концепция «капиталистического идеологического минимализма» решает основную проблему неомарксистской теории идеологии: преодолевает трактовку идеологии как тотальной гегемонии над всеми социальными практиками в интересах господствующего класса. Исходя из синергетического подхода, капитализм стабилен не в силу тотальной идеологической опосредованности, а в силу неустойчивого развития, но в рамках «аттрактора» функционирования. Капитализму нет необходимости все делать капиталистическим: транслировать свою сущностную «логику» на все возможные структуры социальности или обеспечивать универсализацию капиталистических отношений. Идеологическая эффективность капитализма в обратном процессе. Достаточно поддерживать интенцию всех структур социальности на улучшение в рамках структурной заданности прообраза финального состояния.

Суть синергетико-неомарксистской *концепции «нелинейной политической самоорганизации капитализма»* в том, что современный капитализм может демонстрировать наибольшую политическую борьбу в тех ситуациях, которые наименьшим образом угрожают его стабильности и наоборот. В этой нелинейной логике функционирования заключается дополнительный фактор капиталистической стабильности, позволяющий переключать режимы «открытого» и «закрытого» функционирования. Концепция «нелинейной политической самоорганизации капитализма» решает основную проблему неомарксистской теории политики: отсутствие детальной концептуализации политики как самостоятельного фактора капитализма, а не как сущности капиталистической гегемонии. На теоретических основаниях синергетики потенциал неомарксистской теории политики был направлен не на фиксацию политического отчуждения западного общества, а на объяснение капиталистического политического пространства как системы, способной адаптивно аккумулировать собственные политические отклонения.

Концепция «политической поддержки глобального капитализма» сводится к следующему положению: межгосударственные отношения в рамках современного глобального порядка определяются не согласованным политическим видением мира в модели глобального транснационального предприятия, а соперничеством государств за доминирующее положение в опосредовании глобального капиталистического порядка как способа достижения политической эффективности. Центр-периферийная организация мира есть не лучшая для воспроизводства глобального капитализма структура, а лишь возможная в рамках глобальной политической конъюнктуры. Не политика является инструментом капитализма на глобальном уровне, а капитализм инструментом в руках политиков, которые могут глобальный капитализм поддержать или нет в зависимости от критериев политической эффективности. Концепция «политической поддержки глобального капитализма» меняет исходные положения неомарксистского анализа глобального порядка: преодолевает проблемную ориентацию неомарксистских исследований на «теорию капиталистического заговора». Вместо научного поиска способов политической организации гегемонии капитала на глобальном уровне, неомарксистские исследования должны сфокусироваться на выявлении факторов синхронизации политического и экономического измерения глобальности.

Суть синергетико-неомарксистской *концепции «экологического слома капитализма»* в том, что преодоление капиталистической формации возможно не через антикапиталистическое просвещение масс и призыв к отказу от воспроизводства капиталистических отношений, а как объективная невозможность капиталистического порядка поддерживать физическое воспроизводство человечества по мере повсеместного улучшения жизни и по факту наступления экологической катастрофы. Концепция «экологического слома капитализма» альтернативна по отношению к революционному дискурсу неомарксизма и «зелено» настроенных антиглобалистских и левых сил по двум основаниям. Во-первых, мы концептуализируем экологическую катастрофу не как идеологический инструмент (ресурс) для капиталистической трансформации, а как прогноз капиталистического развития. Не субъективное осознание надвигающейся экологической катастрофы побудит массы отказаться от капиталистической формации, а факт экологической катастрофы, поставивший под угрозу физическое воспроизводство масс, объективно прекратит воспроизводство капиталистических отношений. Во-вторых, переход к антикапиталистическому воспроизводству жизни возможен в рамках

идеологической интенции человечества на улучшение условий существования. Разница в том, что социалистическому (коммунистическому) проекту придется конституироваться не как антикапиталистическому дискурсу, а как «прожизненному». Синергетико-неомарксистская концепция «экологического слома капитализма» решает основную проблему неомарксистской теории революции и трансформации общества: идеалистическую ориентацию неомарксистских исследователей на выявление новых способов революционной борьбы или поиск новых акторов революции.

Таким образом, синергетический подход возвращает неомарксизм на научное выявление объективных факторов капиталистической трансформации в рамках классической марксистской традиции, но на уровне новой эмпирической определенности. При этом значимость неомарксистских исследований политики продолжает обуславливаться их глубоко гуманистической направленностью, стремлением преодолеть технократические тенденции в отношении к обществу и человеку.

Библиографические ссылки

1. *Щедровицкий П. Г.* Марксизм – это не только Маркс // Освобождение духа : [сборник] / под ред. А. А. Гусейнова, В. И. Толстых. М., 1991. С. 332–335.

2. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М. : Моск. филос. фонд, 1995.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ САМОБЫТНОСТЬ БЕЛОРУСОВ

С. Г. Паречина

*Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии юридического факультета БГУ, Минск, Беларусь
veta.iiv@tut.by*

В статье рассматриваются вопросы определения цивилизационной идентичности и социокультурной самобытности белорусского народа, определяются основные черты национального характера белорусов.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность; социокультурная самобытность; национальный характер; национальные черты белорусов; патриотизм; добрососедство; миролюбие.

CIVILIZATIONAL IDENTITY AND SOCIO-CULTURAL INDIVIDUALITY OF BELARUSIANS

S.G.Parechina

*D. in Political Science, Associate Professor, Associate Professor of Department of Political Science, Law Faculty, Belarusian State University, Minsk, Belarus
veta.iiv@tut.by*

The article deals with the issues of determining the civilizational identity and socio-cultural identity of the Belarusian people, defines the main features of the national character of the Belarusians.

Keywords: civilizational identity; socio-cultural identity; national character; national traits of Belarusians; patriotism; good neighborliness; peacefulness.

В эпоху глобализации, когда происходит своеобразное «стирание» национальных, политических и культурных границ между различными народами весьма актуальным для белорусов является вопрос осмысления своей цивилизационной идентичности и сохранения национальной самобытности.

Беларусь в силу геополитического положения постоянно находилась на стыке двух цивилизаций: православно-византийской и католическо-романской. На это обстоятельство указывал И. Абдиралович: «...Беларусь ад X веку і да гэтай пары фактычна зьяўляецца полем змаганьня двоіх кірункаў эўрапейскай, пеўна арыйскай культуры – заходняга і ўсходняга. Граница абодвух уплываў, падзяляючы славянства

на два станы, праходзіць праз Беларусь, Ўкраіну і хаваецца ў балканскіх краях» [1, с. 8].

В то же время белорусы всегда развивались в рамках собственной культурной традиции, создавая тем самым свою национальную самобытность и неповторимый белорусский характер. «Ваганьне паміж Захадам і Ўсходам і шчырая няпрыхільнасць ні да аднаго, ні да другога зьяўляецца асноўнаю адзнакаю гісторыі беларускага народу» [1, с. 9]. Беларусом считал себя и *Ф.Скорина*: «Над зімнымі хвалямі Дзвьіны я быў візантыйцам – Юрым, а ў Кракаве, куды мяне пацягнула за эўрапейскай ведай, – лацінікам Францішкам. А дапраўды, я ня быў ні Юрым, ні Францішкам, а быў вольным, незалежным духам, якога вы шукаеце, духам агульначалавечым толькі ў беларускай скуры. Шукайце ж!»¹.

Большое влияние на формирование белорусского национального характера оказали такие общеславянские ценности как *святость* и *добродетель*, *коллективизм*, *вера в идеал* и *служение обществу*. На протяжении столетий формой коллективной жизнедеятельности белорусов выступала «*грамада*» – сельская (соседская) община, объединявшая жителей деревни, которая выполняла функции регулирования вопросов организации труда, жизни и быта крестьян, а также защищала их интересы перед государством и помещиками. Для белорусского песняра Я. Купалывсе белорусы виделись в единстве и сплоченности: «у агромністай такой грамадзе».

Специфической формой коллективных действий членов грамады являлась «*талака*» – совместный труд родственников, соседей, односельчан. Именно в «талаке» воплощалась существовавшая у белорусов на протяжении веков практика коллективной, бесплатной, добровольной помощи тем, кто не мог справиться с проблемами самостоятельно.

Также для нашего народа характерным является *законопослушание*, *бережное отношение к земле и дому*, *рассудительность*, *миролюбие* и *компромисс*. Постоянное нахождение Беларуси в сфере влияния и противодействия различных сил и интересов выработало у белорусов стремление разрешать спорные и конфликтные ситуации без применения силы, посредством достижения разумного компромисса на основе уважительного отношения к людям с другим мировоззрением или типом мышления. Наш народ, бесконечно вовлекаемый в непрерывные войны, проходившие на его территории по воле других, всегда стремился к миру.

Многие исследователи отмечают, что белорусы – *один из самых спокойных славянских народов*. В их менталитете совершенно

¹Цит. по *Абдзіраловіч, І.* Адвечным шляхам. – С. 9.

отсутствуют склонность к крайностям, идея «мессианства», свойственные русским, а также чувство национальной исключительности и превосходства. Белорусский народ отличает умение спокойно и реально оценить ситуацию и трезво сделать выводы. Отчасти можно сказать, что белорусы весьма *консервативны* и склонны к *традиционализму*. Они не приемлет крутых ломок сложившегося строя, уклада жизни и выступает за эволюционный путь развития, постепенные преобразования общественных отношений.

Белорус – человек незлой, незлопамятный и немстительный, кроткий по натуре. Но эта кротость до определенной меры: «Рахманасць беларусаў таксама да пары, да часу. Пяройдзеш мяжу – і тваім ворагам будзе страшны чалавек. Страшны асабліва тады, калі гнеў яго спакойны і разлічаны» [4, с. 68]. В этом неоднократно убеждались «непрощенные гости», поскольку отличительными чертами нашего народа являются *несгибаемость перед шквалами истории и ударами судьбы, героизм в борьбе с врагами*.

Исторически сложилось так, что белорусам на протяжении многих веков приходилось вести борьбу с иноземными захватчиками, отстаивать право на свое национальное существование. Примеров героизма не счесть – от Грюнвальдской битвы до защиты Брестской крепости. Множество раз возрождалась наша земля, как птица Феникс из пепла, оставаясь при этом *БЕЛОЙ – незапятнанной невинной кровью*. Как сказал народный поэт *Ф.Богусевич*: «Не вялікая, не малая, не чырвоная, не чорная яна была, а белая, чыстая: нікого не біла, не падбівала, а толькі баранілася» [2, с. 17].

Большое воздействие на психологический склад народа оказали *природно-географические условия*. В силу болотистого, лесистого ландшафта белорусы издавна были вынуждены расселяться небольшими общинами, состоящими буквально из нескольких домов. Поэтому для них был характерен некоторый индивидуализм, надежда на себя, свои силы. Жизнь среди лесов и болот, неплодородная почва обуславливала необходимость постоянно и много работать, преодолевать различные трудности и невзгоды. Это способствовало формированию таких черт как *выносливость, упорство в достижении цели* и, наконец, *трудолюбие (працавітасць)*. По мнению *В. Короткевича*, «...зямлякнашвызначаеццаўтрапёнай любоўю да працы. Валовай упартасцю ў ёй... Мабыць, з-за гэтага працалюбства і кранальнай сваяцкай, кроўнай любві да зямлі – беларус і дагэтуль пераважна аратай, земляроб» [4, с. 67–68]. Именно огромное трудолюбие и безграничное самопожертвование простых людей позволило Беларуси утвердиться в качестве развитого цивилизованного государства.

Центральное место в белорусской народной культуре занимает *малая родина*. Мир белоруса – всецело мир его земли, который можно охватить взглядом: лес, поле и т.д. Не огромная необъятная родина (как у русских), а «родны кут», край, уголок, который всегда мил сердцу. В силу отсутствия национального государства долгое время понятие Родины отождествлялось с понятием «роднага кутка». Принадлежность к определенной территории часто служила основанием для самоидентификации белорусов. Так, на вопрос кто он такой, наш земляк отвечал: «Я тутэйшы».

Исключительная любовь к родной земле, привязанность к родным местам нашли свое воплощение в **патриотизме** – любви к Родине, преданности и гордости за ее прошлое и настоящее, стремлении защищать родную землю. Для белорусов патриотизм – не абстрактное понятие. Именно патриотизм, ответственность за свою землю позволили защитить нашу Родину в минуты тяжелых испытаний, отстоять ее независимость. К тому же, как справедливо отмечает *А.И. Дубовик*: «Патрыятызм, шчырая любоў беларусаў да сваёй Айчыны ніколі не перарасталі ў месіянізм і ваяўнічы нацыяналізм, чаго нельга ў поўнай меры сказаць аб польскім ці рускім менталітэце» [3]. Сегодня патриотизм в сознании нашего народа неразрывно связан с государственностью, с уважением к историческому прошлому своего народа, гордостью за его успехи и достижения.

Поистине уникальное свойство белорусов – умение жить в **добрососедстве** со всеми народами, сохраняя при этом свою национальную самобытность. Люди различных национальностей и религий на протяжении столетий безбоязненно проживают на белорусских землях, поскольку белорусы характеризуются высокой степенью **толерантности** – национальной, расовой, конфессиональной терпимостью. Белорусская интеллигенция, даже выступая за самобытность белорусского народа, литературы «никогда не впадала в шовинизм, не стремилась к умалению прав соседних национальностей на всю полноту самостоятельного культурного развития» [4, с. 128]. Наша республика – одна из немногих стран мира, где отсутствуют конфликты на национальной и религиозной почве, хотя в стране проживают граждане *130 национальностей*. Более того, на белорусских землях в свое время укрылись от преследований русские староверы, нашли вторую Родину представители многих национальностей. **Беларусь сегодня – страна национального согласия и межконфессионального мира.**

В эссе «*Зямля над белымі крыламі*» В. Короткевич следующим образом описывает белоруса: «Рысы аблічча мяккія, склад здаецца, на першы позірк, крыху далікатным, але гэтая далікатнасць падманвае.

Праявы знешняй сілы, якая ўразіць на хвіліну ды й зьяне, замяняе тут вынослівасць, жылаватасць, цягавітасць. Там, дзе другі можа апусціць рукі, беларус будзе цягнуць». Также писатель выделяет такие черты национального характера как гостеприимство («Галоўнае ў нашым характары – гасціннасць добрага да добрых»), щедрость: «Беларус якраз адрозніваецца шчодрасцю, заўсёднай гатоўнасцю прыйсці на дапамогу ў бядзе». Наш земляк хороший семьянин, уважающий жену и любящий детей: «Дзяцей увагуле найлепей, як найболей». Ему «у вышэйшай ступені ўласціва інстыктыўнае адчуванне справядлівасці і несправядлівасці», а главной чертой является «свабодалюбства».

Наравне с гэтымі «традиционными» для нашего народа качествами В. Короткевич также выделяет способность белорусов пошутить. «Беларус – вялікі аматар пажартаваць над суседам, але яшчэ больш над самім сабой. ...Гумар не пакідае беларуса нават у самых страшных абставінах. І правільна. Іначай жа – бывалі часы – хоць вешайся ад такога жыцця». Также нашему земляку присуща находчивость (даже некоторая хитрость), мечтательность и склонность к фантазированию. «Рэаліст у жыцці, беларус вялікі фантаст, рамантык і летуценнік у марах» [4, с. 63–74].

Однако некоторые черты белорусского характера, гипертрофировавшись, превратились в недостатки. «Напрыклад, нерашучасць і некаторая абьякавасць, інертнасць, магчыма, з'яўляюцца вынікам празмернай талерантнасці, добрачычлівасці і памяркоўнасці беларускага народа. Памяркоўны, няпомслівы беларус часам даруе нават сваім ворагам. Тыповы беларус хутчэй за ўсё зверне ўвагу на свае недахопы, чым на дрэнныя рысы характару другіх людзей, што часам прыводзіць яго да крайняга, прычым найчасцей нічым не абгрунтаванага, самазневажання, самакрытычнасці» [3].

Данная ситуацыя, по нашему мнению, возникла по причине отсутствия у белорусов на протяжении столетий собственного национального государства и огромных потерь в ходе многочисленных военных конфликтов. Однако наши предки выстояли и сохранили для нас белорусский язык, родную землю, культуру, одним словом – «спадчыну».

Сегодня речь идет о формировании здорового национального самосознания на основе постулатов о том, что белорусы являются самобытным народом с многовековой и славной историей, богатой национальной культурой, родным языком, проживающие на своих этнических землях и имеющие право на свободный и самостоятельный выбор пути исторического развития в контексте суверенного и независимого государства – Республики Беларусь [5].

Библиографические ссылки

1. *Абдзіраловіч І.* Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветагляду. Мінск: Навука і тэхніка, 1993.
2. *Багушевіч Ф.* Творы. Менск: «Мастацкая літаратура», 1991.
3. *Дубовік А.І.* Асаблівасці нацыянальнага характару беларусаў [Электронны ресурс] // XXI век: актуальныя праблемы гістарычнай навуцы : матэрыялы міжнароднага навучнага канф., Мінск, 15–16 апр. 2004 г. / БГУ. URL: <http://hist.bsu.by/bel/nauka/konf/75%20let/konference/dubovik/>. (дата зварота: 18.03.2022).
4. *Караткевіч У.В.* Зямля пад белымі крыламі: Нарыс: Для сярэд. і ст. шк. узросту. 2-е выд. Мінск: Нар.асвета, 1992.
5. *Паречына С.Г.* Асновы ідэалогіі беларускага дзяржавы: учеб.пасобіе. Мінск: ТэтраСістэмс, 2010.

О СОЦИАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.

С. В. Решетников¹⁾, О. Е. Побережная²⁾

¹⁾ Доктор политических наук, профессор кафедры политологии юридического факультета БГУ, Минск, Беларусь

nina.r@mail.ru

²⁾ Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии юридического факультета БГУ, Минск, Беларусь

Olga14021977@gmail.com

Статья посвящена исследованию концепций публичной политики и государственного управления через призму институциональных и пространственно-коммуникативных исследовательских подходов. В рамках статьи анализируются особенности формирования публичной политики и государственного управления как структурных и коммуникативных составляющих политической системы общества.

Ключевые слова: публичная политика; государственное управление; политическая система; политическое пространство; исследовательские подходы; сетевой подход; теория хаоса.

ABOUT SOCIAL CONCEPTS OF PUBLIC POLICY AT THE TURN OF THE XX - XXI CENTURIES

S. V. Reshetnikov¹⁾, O. E. Poberezhnaya²⁾

¹⁾ Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus

nina.r86@mail.ru

²⁾ Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Political Department of the Law faculty of BSU, Minsk, Belarus

Olga14021977@gmail.com

The article is devoted to study of the Public Policy and Public Administration concepts of through the prism of institutional and spatial-communicative research approaches. The article analyzes the features of the formation of public policy and public administration as structural and communicative components of the political system of society.

Keywords: Public Policy; Public Administration; political system; political space; research approaches; network approach; chaos theory.

На сегодняшний день Республика Беларусь является состоявшимся и устойчивым суверенным государством. Однако процесс государственного строительства с целью повышения эффективности и устойчивости политической системы продолжается. В условиях перемен

всегда существует элемент непредвиденности. Превышенный опыт не всегда обеспечивает реально практическую и интеллектуальную подготовку к изменившимся условиям. В связи с этим возрастает потребность в освоении теоретических наработок по проблеме функционирования публичной политики и связанной с ней эффективной системы государственного управления.

До недавнего времени теории публичной политики и государственного управления в рамках отечественной политической науки развивались преимущественно в русле институционального *политико-правового подхода*. Это было связано в первую очередь с необходимостью формирования и закрепления политических и государственных институтов суверенного государства. Публичная политика и государственное управление как область знаний связана главным образом с организациями, осуществляющими правительственную политику и программы, а также с деятельностью должностных лиц (обычно невыборных), ответственных за их осуществление.

Обычно официальные должностные лица делегируют ответственность за реализацию программ исполнительным органам, отделам и департаментам. Те в свою очередь делегируют ответственность управляющим среднего уровня, в распоряжении которых находятся соответствующие службы. В конечном счете, государственные чиновники доводят распоряжения до тех категорий служащих, в распоряжении которых вообще нет никаких подчиненных.

Государственное управление большей частью не охватывает так называемые неправительственные образования – предприятия частного бизнеса, семьи, общественные организации, за исключением тех неправительственных организаций, которые включены в правительственные программы. Именно они являются субъектами публичной политики как сферы агрегации и артикуляции разнонаправленных интересов, выражения запроса и поддержки политической системы.

В её рамках проводится легитимация и оценка действий, осуществляемых в рамках системы государственного управления.

Существуют три базисные причины необходимости систематического исследования проблем общественно-государственного управления. Первая из них – поиск оптимальных и наиболее эффективных способов государственного управления. Вторая причина – достижение более глубокого понимания того, как правительственные институты оперируют по конкретным проблемам в пространстве публичной политики. Третья причина – возрастание взаимозависимости проблем

публичной политики и государственного управления на межгосударственном уровне.

Публичная политика и теория государственного управления – в целом кросс-дисциплинарная область социальных наук, вклад в которую вносят политологи, экономисты, юристы, социологи, историки, представители многих других научных специальностей.

Основными концептуальными подходами сравнительных исследований государственного управления явились следующие *подходы*.

Одним из первоначальных доминирующих подходов в современном периоде истории был *социоэкономический подход*. Сущность его в том, что могущество государства находится в прямой зависимости от процессов экономического роста и социальной модернизации. Возрастание уровня экономического развития и индустриализации создает новые экономические и социальные реальности, которые ведут к увеличению финансовых возможностей правительства достигать решения поставленных задач. Рост благосостояния населения позволяет решать идеологические конфликты и переходить от традиционных аграрных обществ раннего капитализма к стадии модернизации в группу продвинутых стран со смешанной экономикой [1].

После 1960 г. со стороны представителей различных научных школ стала возрастать критика социоэкономического подхода. По мнению критиков, с позиций социоэкономического подхода невозможно объяснить, почему некоторые страны быстрее решают вопросы благосостояния нации, нежели это позволяют темпы экономического роста. Почему экономические усилия (по крайней мере исходя из правительственных затрат) некоторых высокоразвитых стран порой не дают желаемого эффекта? Обобщенно вопрос можно сформулировать следующим образом: в какой мере социоэкономические показатели могут служить индикаторами продвинутой страны в сравнении с другими государствами?

В ответе на данный вопрос одна из научных школ сконцентрировала усилия на выяснении предпосылок эффективного государственного управления, которые коренятся в истории культуры народов. Данный *культурно-ценностный подход* получил распространение в странах континентальной Европы, а также в Японии.

В то время как социально-экономическая парадигма в целом абстрагировалась от политических детерминант эффективности государственного управления, в научном мире стали распространяться научные подходы, которые можно обобщенно назвать партийно-правительственным подходом. Сущность его заключалась в утверждении факта, что партийный контроль над правительством и является

эффективным средством государственного управления. Данный подход стал особенно распространенным в США и Великобритании. В рамках подхода учеными продолжаются поиски более глубоких взаимозависимостей между партийной политикой и государственным управлением [2].

Еще один подход можно назвать *«неокопоративистским»*. Его представители сосредоточились на выяснении системы представительства интересов в ее взаимосвязи с правительством через институциональные каналы компромиссов и договоренностей. Эффективность управления в рамках подхода заключается в умении и способностях правительства достигать соглашения с группами организованных интересов (с профсоюзами, ассоциациями, иными общественными организациями граждан) по вопросам формирования и реализации государственной политики и управления.

Термин корпоратизм отражает тенденции к сглаживанию интересов государственного и частного секторов в единой системе распределения ответственности среди главных социальных сил общества. В рамках данного подхода наиболее полно отражена взаимосвязь публичной политики и государственного управления [3, с. 95].

Следующий подход может быть обозначен как *институционально-политический*. В отличие от других подходов, трактующих публичную политику и государственное управление как результат высших воздействий (таких как социоэкономические, партийные, групповые интересы и т. д.) на правительство, институциональный подход рассматривает деятельность государства и его институтов как решающий фактор эффективности государственного управления.

На практике это означает привлечение особого внимания к трем вещам: 1) выделение исторических детерминант, в результате которых сформировалось национальное государство с присущими ему институциональными структурами; 2) готовность и способность государственных структур взаимодействовать с различными социальными силами во имя достижения национально-государственных интересов; 3) обратная связь эффективной государственной политики и управления на политические альянсы и компромиссы, партийное соперничество и другие особенности политического ландшафта.

Кроме указанных подходов, описывающих формирование и развитие публичной политики и государственного управления, необходимо отметить и те социальные концепции, которые описывают данное взаимодействие в рамках сетевого подхода и теории хаоса.

Сетевой подход также является кроссдисциплинарной областью социальных наук. В рамках данного подхода преодолена доминирующая

логика исследования вертикальных и прямых (линейных) причинно-следственных связей субъектного взаимодействия в политическом пространстве и сделан акцент на коммуникативных связях и взаимоотношениях в горизонтальном пространственном измерении. «В условиях современных трансформаций политики сетевая методология способна охватить сложность и текучесть современных социально-политических процессов, новый характер отношений между частной и публичной сферами, между государством и обществом» [4, с. 68].

Согласно сетевой теории политики, главная акторная составляющая политического пространства – «сеть», как различные формы взаимодействия между субъектами (индивидами и организациями) с точки зрения топологии связей, их устойчивости и влияния на поведение этих субъектов, является переменной в производстве политики, «политика» же рассматривается как модель интерактивных политических процессов, характеризующихся взаимодействием между многими акторами и сложностью целей и стратегий, которые являются результатами такого взаимодействия. Важной составляющей сетевой теории политики является институциональный контекст, в котором происходят сложные сетевые взаимодействия [4, с. 78].

Содержательно сетевая теория политики основывается на ряде положений сетевого подхода: наличие политической сети; взаимодействия акторов сети в рамках сетевой игры по распределению влияния и ресурсов; сетевого управления. Политическая сеть формируется в процессе согласования разнонаправленных интересов под воздействием таких факторов как пространственное позиционирование в политическом поле, конкурентной борьбы за смену диспозиций, обнуления временного фактора политического влияния и доступа к власти. Сеть выступает формой неформального группирования политических акторов вокруг центров принятия решений, а также формой непрямого управления процессами в пространстве публичной политики через петлю обратной связи политической системы.

Естественным способом функционирования политической сети становится сетевая игра. Она выступает как совокупность способов формирования связей между участниками сети в политико-управленческих системах, их взаимодействия в условиях конфликтов или мобилизации, а также правил взаимодействия и определения выигрышей (либо нулевой суммы) политических игроков с учётом их связей в рамках политической сети.

Сетевое управление, таким образом, состоит в воздействии на центры принятия решений с целью передачи управленческого импульса по сети и последующего перемещения участников сети или сети в целом в

процессе игры в пространстве, следствием которого станет повышение или понижение статусов, ресурсов, влияния, доступа к власти и принятию решений и т.д.

Сетевой подход описывает динамическое состояние политической системы в пространственно-временном измерении и позволяет прогнозировать сущность и содержание внутреннего согласования политических интересов и позиций при принятии политических решений. Его органично дополняет подход к управлению сложными системами в рамках «теории хаоса», которая утверждает, что сложные системы чрезвычайно зависимы от первоначальных условий, и небольшие изменения в окружающей среде могут привести к непредсказуемым последствиям. Системы с хаотическим поведением являются детерминированными, подчиняются некоторому строгому закону, и, таким образом, являются упорядоченными [5, с. 72].

В теории государственного управления и публичной политики «теория хаоса» была популяризирована и введена в научный оборот американским политологом Стивеном Манном [6]. Он рассматривал через призму данной теории высший – стратегический уровень государственного управления. На данном уровне политическая система погружена в динамическую окружающую среду, которая подвержена изменчивости в той же степени, в какой детерминирована происходящими событиями. Таким образом формируется двухсоставная конструкция, в которой транзакции среды на любом уровне (микро-, макро-) вызывают отклик и деформацию системы, изменяя её как снаружи, так и изнутри.

Российский экономист А. В. Савченко отмечает особенности концепции управления хаосом: «применять теорию хаоса *можно* как теорию интердетерминированной нелинейно изменяющей свои свойства динамичной внешней среды. Теория хаоса позволяет рассматривать внешнюю среду организации не как пространство сосредоточения комплекса стабильных факторов ближнего и дальнего окружения, влияющих на существование организации, а как нелинейное динамично изменяющееся пространство, в котором любой малозначимый элемент сможет приобрести системообразующее значение» [5, с. 73].

Стабилизация политической системы достигается тогда, когда нарастающий объем нелинейной изменчивости, порождающий ощущение потери контроля и, как следствие, хаотизацию политического процесса, канализируется в трансформацию среды (воздействие на социальную структуру) либо в трансформацию политической системы (реформы) через осуществление единичных последовательных воздействий в узловых точках коммуникации между системой и средой.

Теория хаоса позволяет рассматривать функционирование политической системы в единстве с создаваемым ею пространством с учетом фактора времени и общей тенденции к постоянной изменчивости.

Очевидно, что отмеченные подходы не являются взаимоисключающими. На тех или иных исторических отрезках времени могут складываться или *комбинированные подходы*, либо определяться приоритетные *методологии*, позволяющие выстраивать эффективные модели государственного управления и публичной политики. С учетом методологии, методов и технологий можно выстраивать основные направления внутренней и внешней политики государства, разрабатывать доктрины и концепции по различным направлениям развития страны, среднесрочные и долгосрочные прогнозы.

Вклад авторов: Решетникову С. В. принадлежит раскрытие политико-правового, социо-экономического, культурно-ценностного, некорпоративистского, институционально-политического подходов к концептуализации публичной политики и государственного управления. Побережной О. Е. принадлежит раскрытие сетевого подхода в публичной политике, а также применение теории хаоса в концептуализации государственного управления и управления сложными системами.

Библиографические ссылки

1. Решетников С. В., Бровка Г. М., Ермолицкий М. А. О концепте политологического треугольника // Вес. Брэсц. ун-та. Сер. 1. Філософія. Паліталогія. Сацыялогія. 2020. № 1. С. 86–93.

2. Решетников С. В., Бровка Г. М., Ермолицкий М. А. От «политологического треугольника» к «3d*3»-концепту политики // MOLDOSCOPE. 2020. № 1 (88). С. 41–54.

3. *Большаков, С.* Политический концепт сетевого управления. Очерк методологии [Электронный ресурс] // Электронная библиотека. Гражданское общество в России. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Bolshakov_Tetr_54-2.pdf (дата обращения: 15.03.2022).

4. *Мирошниченко И. В.* Сетевой подход в политических исследованиях: содержание и направления развития // Человек. Сообщество. Управление. 2013. №3. С. 68–86.

5. *Савченко А. В.* «Теория хаоса» Стивена Манна и корпоративное управление // Управление. 2017. №1(15). С. 72 – 79.

6. *Mann S. R.* Chaos theory and strategic thought [Электронный ресурс] // Военное обозрение. URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA528321> (дата обращения: 15.03.2022).

ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

С. М. Эфендиева

*Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии
БГУ, Баку, Азербайджан
saadet.efendieva@mail.ru*

В статье анализируется сущность, особенности и этапы политической социализации личности. В связи с этим раскрывается понятие политической социализации, рассматриваются концептуальные подходы к данному вопросу. Также подчеркиваются средства и методы, воздействующие на политическую социализацию личности, механизмы привлечения его в политическую жизнь, анализируются основные функции социализации.

Ключевые слова: личность; политика; политическая культура; процесс; этап; функция.

PERSONALITY IN THE CONTEXT OF POLITICAL SOCIALIZATION

S. M. Efendiyeva

*PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Political Science and
Sociology BSU, Baku, Azerbaijan
saadet.efendieva@mail.ru*

The article analyzes the essence, features and stages of the political socialization of the individual. In this regard, the concept of political socialization is revealed, conceptual approaches to this issue are considered. It also emphasizes the means and methods that affect the political socialization of the individual, the mechanisms for attracting him to political life, and analyzes the main functions of socialization.

Keywords: personality; politics; political culture; process; stage; function.

Усовершенствование политической структуры общества является закономерным, постоянным и сложным процессом. Данный процесс развивается в различных направлениях и под влиянием определенных факторов. В системе целенаправленного развития политической структуры политическая социализация личности занимает специфическое и очень важное место. Социализация является наиболее широким понятием и охватывает все сферы деятельности, в том числе и политику.

Политическая социализация характеризует воспроизведение политической структуры существующего общества, присущих ему общественно-политических отношений, направленность развития этих отношений, а также воспроизведение специфических качеств субъекта-

личности политических отношений [1, с.67]. Социализация есть способ организации исторической преемственности в политической сфере. Она играет связующую роль между прошлым и будущим. То есть, обеспечивает вовлечение личности в политические институты общества, прежде всего в политическую систему. В ходе взаимодействия личности и политической системы проявляются два процесса. С одной стороны, происходит самовоспроизводство этой системы с вовлечением в политическую систему новых членов, политическая социализация играет роль механизма поддержания ценностей и целей системы. С другой стороны, требования политической системы влияют на структуру личности. Таким образом, политическая социализация стимулирует формирование политического сознания, политического поведения, и в результате обеспечивается формирование комплекса «личность-гражданин». В этом смысле политическая социализация глубже понятий политического воспитания или политического просвещения, отражает не только целенаправленное влияние господствующей идеологии на личность, но и стихийное влияние и особую активность личности.

Термин «политическая социализация» впервые ввел в политологию Г. Хаймен (работа «Политическая социализация»). Долгое время в политической науке не существовало единой концепции, позволяющей понять сущность процесса политической социализации. Первая, хорошо зарекомендовавшая себя теория политической социализации личности, была разработана группой ученых, работавших в США (Чикаго) под руководством Д. Истона. Ученые из Чикаго утверждали, что политическая социализация – это особая позиция и процесс обучения, который необходимо реализовать в политической сфере. Многие ученые, которые поддерживали данную теорию, особенно Л. Коэн, Р. Липтон и др., рассматривали взаимодействие человека с политической системой и ее институтами в виде ключевого аспекта сущности политической социализации. Ю. Хабермас, Н. Луман рассматривали политическую социализацию как процесс освоения новых ресурсов.

В формировании политического сознания и поведения человека внутренний индивидуально-психологический механизм принимается в качестве основного аспекта [2, с. 485-486]. Процесс политической социализации личности не ограничивается освоением отношений существующего общества. В этом процессе личность приобретает накопленный опыт политической жизни, существующие нормы, ценности и традиции, формирует политическую позицию. В результате формируется качество, определяющее участие в жизни социальных групп и общества в целом, социально-политическая зрелость и способность. Таким образом, если общество воспитывает человека как гражданина в

процессе политической социализации, то личность обновляет само общество, оказывая творческое воздействие на существующий политический строй. Политическая социализация предполагает процесс формирования человека как субъекта политических отношений и деятельности. Процесс политической социализации во всех его направлениях оказывает непосредственное влияние на политическую культуру личности и общества в целом. Она охватывает все этапы жизни человека и воплощает в себе не только политические, но и неполитические учения [3].

Для понимания политической социализации изучают начальный ее этап в детском возрасте. Д. Истон и И. Денис в процессе социализации в детском возрасте выявили четыре аспекта: 1. Непосредственное восприятие ребенком получаемой информации. 2. Образцовое состояние отношения к лицу, принадлежащему к власти, формирование эмоциональных отношений к политической системе. 3. Идеализация данного политического примера, формирование устойчивых эмоциональных отношений к политической культуре и политике. 4. Установление качеств, отражающих сложность внутреннего политического мира ребенка и его самостоятельной оценки политики. Первый этап политической социализации характеризуется тем, что человек приспосабливается к политической системе и культурным нормам, не понимая их сущности и значения.

Второй этап политической социализации личности (молодежи) характеризуется тем, что молодые люди овладевают методами анализа полученной политической информации, поднимаются на уровень самостоятельного понимания идеологических позиций. Сущность политической социализации молодежи выражается, с одной стороны, в усвоении норм и правил взаимодействия с властью, с другой – в формировании умения определять направление политической деятельности, превращать качества политического поведения и привычки во внутренние потребности.

Было бы неправильно оценивать политическую социализацию личности как односторонний процесс, т. е. приобретение только политических знаний и навыков [4]. Существует еще один важный процесс в политической социализации личности. В этом процессе человек отказывается от всего, что не соответствует конкретной политической ситуации, и по-новому подходит к различным событиям политической жизни. На юношеском этапе политической социализации личности формируется и развивается тип личности как общественно-политического существа. Именно на этом этапе человек прилагает усилия для решения важных вопросов о смысле жизни, своем месте в общественной жизни,

своем отношении к процессу политического развития. Трудовые коллективы, общественные организации, формальные и неформальные группы играют важную роль в политической социализации личности. Эти институты политической социализации благотворно влияют и на процесс нравственной социализации. Глобализация социальных процессов в последнее время создала новые условия для развития личности. Эти условия оказывают влияние на углубление взаимодействия человека с государством [5, с.77-78]. Однако в разных странах наблюдается как политическая социализация бывает подвержена определенному кризису.

В процессе политической социализации наблюдаются две тенденции. С одной стороны, растет общественный запрос на политическое развитие личности, ее активное участие в политической жизни и понимание своей роли в обществе. Эта тенденция проявляется главным образом в процессе демократизации различных политических систем. С другой стороны, наблюдается тенденция к замедлению процесса политической социализации, когда индивид отдаляется от государства и его институтов, проявляется его безразличие к политическим решениям. Значение информационной функции политической социализации заключается в обеспечении формирования у человека политических взглядов, в формировании чувства внутренней потребности в решении наиболее актуальных вопросов общественной жизни. Еще одной целью информационной функции политической социализации является информирование граждан о политических событиях в стране и мире [6, с.192]. Реализация информационной функции означает и доведение до граждан необходимых знаний о других сферах общественной жизни.

Поведенческая функция политической социализации включает в себе возвышение человека до положения *личности-гражданина*, непосредственное стремление существующего общества реализовать политические знания, нормы и принципы в процессе практической деятельности. Политическая культура всегда связана с политической деятельностью в той или иной форме и без нее невозможна [7, с.52-54]. Поведенческая функция помогает не только определить направление политической деятельности, но и усвоить правила социального поведения в самом широком смысле этого слова. Содержание социального поведения определяется направленностью деятельности.

Наряду с определенными факторами и функциями политической социализации выделяют и ее типы. Рассмотрим пять основных типов политической социализации: гармоничный, гегемонистский, плюралистический, конфликтный, конъюнктурный.

Гармоничный тип выражает целенаправленные, эффективные отношения человека с государственными учреждениями, существующие

правовые нормы, сложившиеся в обществе, сознательное сочувствие индивидов государственному строю, правильное понимание людьми прав и обязанностей, выполнение гражданского долга перед коллективом и обществом.

Гегемонистский тип характеризует негативное, резко критическое отношение человека к любому «другому политическому строю», политическим правилам, правительству.

Плюралистический тип отражает демократическое значение человека, его демократический образ мышления. Такие лица признают, что они имеют равные права с другими гражданами, учитывают права и свободы других членов общества, мнение других. Одной из важных особенностей плюралистического типа политической социализации является то, что, когда человек осознает ошибочность своих политических взглядов, он занимает позицию политически образованного человека и принимает ее как должное.

Конфликтный тип формируется на основе межгрупповой борьбы и конфликта взаимозависимых интересов. Этот тип политической социализации характеризуется тем, что цель участия в политике человек видит в поддержании лояльной (нейтральной или в рамках закона) позиции социальной группы, к которой он принадлежит, и защите этой группы в борьбе с политическими оппонентами.

Конъюнктурный тип относится к зависимости политических взглядов, идей, убеждений и поведения человека от ситуации, в которой он стремится использовать ее в своих ограниченных интересах.

Существуют и другие типы политической социализации. Все типы политической социализации отражают формирование тех или иных качеств человека под влиянием определяющих структур и институтов власти. Эти структуры и институты содержат нормы, принципы и ценности господствующей политической культуры.

Библиографические ссылки

1. Философская энциклопедия. Т. 5. М. 1970.
2. *Спиркин А. Г.* Философия. М.: Гардарики, 2002.
3. *Эфендиева С. М.* Политическая наука. Баку: Наука, 2010.
4. *Каган М. С.* Мир общения. М.: Политиздат, 1988.
5. Политическая система: вопросы демократии и самоуправления. М.: Ин-т гос-ва и права, 1988.
6. *Василенко И. А.* Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. М. : Эдиториал УРСС, 1999.
7. *Бро Ф.* Политология. М. : [Б. и.], 1992.

Раздел 2. НАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ СВЯЗИ ТЕОРИИ ПОЛИТИКИ И ПРАКТИКИ ПОСТРОЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

УДК 323.232

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

Д. В. Белявцева

*Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии
юридического факультета БГУ, Минск, Беларусь
belyavtseva@mail.ru*

В статье выявляется содержание понятия «политика памяти» и определяется ее сущность как направления государственной политики. Выделяются факторы актуализации политики памяти на современном этапе. Определяются основные режимы протекания политики памяти и инструменты ее реализации. Анализируются особенности политики памяти в Беларуси на современном этапе.

Ключевые слова: политика памяти; историческая политика; символическая политика; фальсификация истории.

MEMORY POLICY AS AN ACTUAL DIRECTION OF STATE POLICY IN THE CONTEXT OF INFORMATION WARS

D. V. Bialiautsava

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Political Science, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus
belyavtseva@mail.ru*

The article reveals the content of the concept of "memory policy" and defines its essence as a direction of state policy. The factors of updating the memory policy at the present stage are highlighted. The main modes of memory policy flow and implementation tools are determined. The features of the memory policy in Belarus at the present stage are analyzed.

Keyword: memory politics; historical politics; symbolic politics; falsification of history.

Отношение к прошлому и его интерпретация занимает важное место в жизни любого общества. В период политических и экономических турбулентностей политика памяти или историческая политика становится одним из важнейших направлений государственной политики. Она обосновывает право наций на существование и определяет

ее границы, а также позволяет легитимировать правящие элиты и режимы. Деятельность государств по созданию приемлемых версий национальной истории, определению правомерности тех или иных исторических концепций, школ и направлений, методов и источников приобрела особую актуальность в конце XX в. в связи с распадом СССР. Исследователи называют этот период третьей волной *memory studies*². Явление исторической политики характерно для плюралистических обществ и описывается в терминах память, историческая память и др., где одним из центральных понятий является «память». Сегодня насчитывается около 256 его коннотаций [1], выделяются различные типы, в том числе и коллективная память, которая трактуется и как традиция и как историческое сознание. Это еще больше осложняет выявление сути политики памяти. Тем не менее, необходимо признать, что память – это способ конструирования людьми своего прошлого и репрезентация его через медиа памяти – книги, фильмы, монументы, церемонии, СМИ и т.д. [2, с. 16].

Политику памяти как направление государственной политики можно определить как целенаправленную деятельность государства по формированию официальной версии национальной истории и распространению и утверждению ее в обществе как доминирующей с учетом механизмов обратной связи. Трансформация информационного пространства современных обществ в сторону все большей открытости и взаимозависимости поставила национальные государства перед проблемой защиты своей коллективной памяти и исторического прошлого и стала одним из основных факторов превращения последних в активных субъектов политики памяти. Как отметил Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко: «Впервые за годы своей независимости мы ставим эти два понятия – "история" и "политика" – рядом. До сих пор мы старались не политизировать историю. Выбранный белорусским народом политический курс страны был нацелен на сохранение добрых отношений, прежде всего с нашими соседями»[3].

В западно-европейских странах запрос на формирование позитивного образа прошлого возник в 60-70-ые гг. XX в. на волне критики идеологий и интерпретации его исключительно в негативном ключе. Это вылилось в обращение к проблематике коллективного сознания и коллективной памяти, которые стали трактоваться в парадигмах «социального воображаемого» (Ж. Лакан), «воображаемого сообщества» (Б. Андерсон) [4, с.27-28]. В XXI в. идею исторической

²Memory studies – междисциплинарное направление исследований в центре внимания которого историческое сознание, коллективная память отдельных социальных групп, наций. В фокусе направления – механизм формирования и передачи представлений о прошлом, видения истории, как в современном социуме, так и в различных эпохах и цивилизациях.

политики подхватили историки стран постсоциалистического пространства. Например, польские исследователи выдвинули тезис о необходимости утверждения «здорового патриотизма» и противостояния «искажениям» польской истории внутри страны и за рубежом. Далее приемы и методы исторической политики стали широко использоваться в других восточноевропейских странах (Венгрия, Литва и др.). В данные процессы активно вовлекались и государственные органы. Более того, они постепенно стали одним из главных субъектов *memory studies*.

Тенденция к активизации политики памяти в XX-XXI вв. имеет место и в странах Восточной Европы, в том числе и в Республике Беларусь³. Это обусловлено многими причинами. Кроме выше обозначенных необходимо выделить несформированность общественных механизмов регулирования процесса выработки образов прошлого, наличие определенных культурных и этнические расколов или «дистанций» среди населения. Актуальность проведения исторической политики может быть спровоцирована и внешними факторами, в частности «войнами памяти» [5, с. 61] между различными государствами. Например, попыткой фальсификации или ревизии исторического прошлого народа с целью установления контроля над его территорией и формирования *failed state*⁴.

Участие государства и общества в осуществлении исторической политики описывается в исследовательской литературе в терминах «режим памяти», «мнемонические акторы» и др. «Официальный режим памяти» предполагает активное участие государства и политического сообщества в его формировании и функционировании. К «мнемоническим акторам» относят те политические силы, которые

³ См. например: Біч М. В. Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь // Беларус. гіст. часопіс. 1993. № 1. С. 15–24.; Касцюк М. П. Нацыянальная канцэпцыя гісторыі Беларусі: асноўныя падыходы // Гіст. навука і гіст. адукацыя ў Рэсп. Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): у 2 ч. Мінск : Універсітэцкае, 1994. Ч. 1: Гісторыя Беларусі. С. 3–10.; Козляков В. Е. Современная историография Беларуси: некоторые тенденции в изучении отечественной истории // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 4 / редкол.: А. П. Сальков, О.А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск: БГУ, 2009. С. 221-232.; Buhr R., Hoffman S. Belarus: an emerging civic nation? // Nationalities Papers. 2011. Vol.39. № 3. S. 425–440.; Шадурский В.Г. Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии исторического прошлого // Труды факультета международных отношений : науч. сборник. Вып. 5. Минск, 2014. С.9-24.; Марзалюк І.А. Ля вытокаў нацыянальнай тоеснасці. Гістарычны наратыў і яго ўплыў на нацыянальную свядомасць у Беларусі канца XVIII—XIX стст. 1917 год у гістарычных лёсах Беларусі : зб. матэрыялаў Міжнар. навук. канф., Мінск, 30 лістап. — 1 снеж. 2017 г. / рэдкал. : А. Д. Кароль (старш.) [і інш.]. Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2017. С. 19-34.; Коваленя А., Арчаков В., Данилович В., Баньковский А. К вопросу об исторической политике // Беларуская Думка. 2019. № 8. С.3-11. и др.

⁴ Под *failed state* (несостоявшимся государством) понимается государство, неспособное обеспечивать фундаментальные функции государства-нации в современной системе международных отношений: осуществлять власть над территорией и населением и контролировать государственные границы. Термин введен Дж. Хельманом С. Раттнером в работе «Anarchy Rules: Saving Failed States», опубликованной в *Foring Policy*. 1992-1993. N. 89, Winter. S. 3-20.

организуются для соревнования за государственную власть и удержания ее в своих руках. В зависимости от конфигурации «мнемонических акторов» выделяются типы режимов памяти: раздробленный, сегментированный или консолидированный. На выбор акторами режима влияют структурные (институциональные) и культурные (исторические) условия. Среди них разновидности политического режима, возможности его трансформации и складывающаяся партийная система, вовлеченность акторов в структуры политического режима, этнокультурные и лингвистические различия, выбор самих политических акторов [6]. Для многих постсоветских стран характерен раздробленный режим памяти, в котором существенную роль играют «воинственные акторы». Данный режим способствует возрастанию политической поляризации и дестабилизации общества [5, с. 58].

В рамках анализа политики памяти интерес представляют инструменты ее реализации. К ним относят организацию институтов национальной памяти и учреждений, схожих с ними по функциям и принципам организации; создание специальных музеев; принятие законов, направленных на закрепление той или иной трактовки исторических событий, введение уголовной ответственности за их нарушение; использование финансовых рычагов; распространение в СМИ интерпретаций исторических событий; образовательную политику; воздействие на символическую сферу (создание и продвижение пантеона исторических личностей, учреждение памятных дней, проведение акций памяти, использование государственной и национальной символики и т.п.) [7].

Отмеченные средства и методы активно используются многими европейскими государствами. Показателен в этом плане пример соседей Республики Беларусь. Например, в Польше были созданы Институт национальной памяти и Музей Варшавского восстания. В Украине принят Закон №376-V от 28.11.2006 г. «О Голодоморе 1932–1933 годов» и стал функционировать Украинский институт национальной памяти (УИНП). Деятельность указанных учреждений по-разному оценивается специалистами. По мнению ряда исследователей, они создаются для фальсификации истории, осуществления политики люстрации. В частности эксперт Национального института проблем международной безопасности при Совете национальной безопасности и обороны Украины (СНБО) В. А. Пироженко отмечает, что УИНП «...конструирует новые удобные легенды, символы и исторические ценности..., приспособливая результаты под потребности формирования новой национальной украинской идентичности» [8].

В настоящее время «война памяти» развязана против одной из самых героических страниц истории Беларуси – Великой Отечественной войны и Второй мировой войны. Идет активный процесс фальсификации данных событий. Например, в соответствии с резолюцией Европарламента от 2019 г. № 2819 предпринимается попытка нормативно закрепить тот факт, что СССР (а, следовательно, и БССР) являются ответственными за развязывание агрессивной войны [9]. В этой связи представляется, что есть основания для перевода политики памяти как направления государственной политика в Республике Беларусь и России в «официальный режим памяти». Следует также подчеркнуть, что данный режим касается не только истории Великой Отечественной войны, но и других страниц нашей истории.

Среди инструментов реализации политики памяти в Республике Беларусь активно используются нормативно-правовые средства. 14 мая 2021 г. принят Закон №103-З «О недопущении реабилитации нацизма», 5 января 2022 г. – Закон №146-З «О геноциде белорусского народа». Основной целью последнего является сохранение «памяти о миллионах советских граждан, которые стали жертвами в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, законодательное обеспечение защиты фундаментальных ценностей белорусского народа, установление действенных барьеров на пути попыток фальсификации событий и итогов Второй мировой войны, дача справедливой оценки злодеяниям нацистских преступников и их пособников, националистических формирований в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период» [10].

С целью недопущения перехода общества к раздробленному «режиму памяти» и возрастания политической поляризации и дестабилизации были задействованы и другие инструменты символической политики. Важность данных решений обусловлена особенностями формирования национальной идентичности и связана со сложностью исторического пути развития белорусского государства. Для национальной идентификации жителей Беларуси не всегда работает критерий языковой принадлежности (на белорусских землях в качестве литературных функционировало шесть языков) или идея культурной традиции – будучи неоднократно прерываемой и вытесняемой другими культурами. Современное белорусское общество является гетерогенным, сегментированным с точки зрения политической, этнической и религиозной принадлежности. Ключевым трендом современной белорусской идентичности является преобладание территориальной идентичности над другими. Для белорусов наиболее значимым фактором идентификации оказывается место проживания, гражданство,

национальность (гражданский национализм). Среди чувств преобладает общность с ближним социальным кругом (друзья, семья, близкие). Язык (как белорусский, так и русский) воспринимается как средство коммуникации. Антиценностью является национализм (этнический национализм) и националистические идеологии. «Для Беларуси характерна взаимодополняемость этнических, территориальных и гражданских составляющих белорусской идентичности, которые формируют единое целое и синхронизированы друг с другом» [11, с.8-9].

Доминирующим трендом с точки зрения исторической памяти является цельность и преемственность исторической памяти, взвешенное восприятие обществом истории страны через призму событий Великой отечественной войны. Главными событиями истории Беларуси граждане государства считают освобождение от немецко-фашистской оккупации (44,2%) и обретение независимости (39,6%). Среди предметов национальной гордости 51% населения называет вклад белорусского народа в Победу над нацистской Германией [11, с. 11-13].

Учитывая вышесказанное, можно говорить об отсутствии существенных культурных и структурных условий для развития острого противостояния в обществе, возрастания политической поляризации и дестабилизации общества и активизации деятельности воинствующих «мнемонических акторов», стремящихся к фальсификации героических страниц истории белорусского народа. Тем не менее, актуальным для Республики Беларусь представляется активное использование таких инструментов политики памяти как образовательная политика и работа с целевыми аудиториями, в первую очередь, с молодежью, ибо «войны памяти» ориентированы в значительной степени на них.

Библиографические ссылки

1. *Tulving E.* Are there 256 different kinds of memory? // *The foundations of remembering: Essays in honor of Henry L. Roedinger* /Ed by J.S. Narne. – N.Y.: Psychology press, 2007. P. 39-52.

2. *Сафронова Ю. А.* Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти // *Политическая наука.* 2018. № 3. С. 12-27.

3. Совещание по вопросам реализации исторической политики 6 января 2022 г.// Президент Республики Беларусь. Официальный интернет-портал. [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-voprosam-realizacii-istoricheskoy-politiki>(дата обращения: 22.03.2022).

4. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014.

5. Мелешкина Е. Ю. Возможности качественного сравнительного анализа для исследования политики памяти и ее проявлений // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. – М.СПб: Нестор История, 2018.С. 54-75.

6. Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration / Ed. by Bernhard M, Kubik J. – Oxford: Oxford University Press, 2014.

7. Миллер А.И. Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3-4. С.6-23.

8. Ахременко Д.А. Украинский институт национальной памяти: против национальной памяти? // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». [Электронный ресурс]. URL: доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskiy-institut-natsionalnoy-pamyati-protiv-natsionalnoy-pamyati/viewer>. (дата обращения: 22.03.2022).

9. European Parliament [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/ТА-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 22.03.2022).

10. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200146&p1=1&p5=0>– (дата обращения: 22.03.2022).

11.Ценностный портрет современного белорусского общества / С. М. Алейникова [и др.] ; БИСИ. Минск : Друк-С, 2021.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н. П. Денисюк

*Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии
юридического факультета БГУ, г. Минск, Беларусь
nina.denisyuk.1948@mail.ru*

В статье анализируются проблемы демографического развития Республики Беларусь, динамика численности населения страны, его половозрастная структура, рождаемость, смертность, а также основные направления демографической политики, направленные на улучшение демографической ситуации в Республике Беларусь.

Ключевые слова: демографическая безопасность; демографическая политика; демографические угрозы; смертность; рождаемость.

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF BELARUS

N. P. Denisyuk

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Political Science, Faculty of Law, BSU, Minsk, Belarus
nina.denisyuk.1948@mail.ru*

The problems of the demographic development of the Republic of Belarus, the dynamics of the country's population, its age and sex structure, fertility, mortality, as well as the main directions of demographic policy aimed at improving the demographic situation in the Republic of Belarus are analyzed in the article.

Keywords: demographic security; demographic policy; demographic threats; mortality; birth rate.

Демографические процессы затрагивают различные аспекты жизни государства – численность населения, его половозрастную структуру, рождаемость, смертность, миграцию, состояние здоровья, продолжительность жизни, браки, разводы и т. д. Они касаются развития человеческого потенциала страны, ее основного ресурса. Поэтому современные государства проводят активную демографическую политику, направленную на создание благоприятных условий для жизни своих граждан.

В современном мире выделяются две демографические тенденции: высокая рождаемость в бедных странах, не обеспеченная ростом производства промышленной и сельскохозяйственной продукции; и

низкая рождаемость в экономически благополучных государствах, что ведет к старению населения. Республика Беларусь относится к странам, где преобладает вторая тенденция. В 1994 г. была зафиксирована максимальная численность населения Беларуси – 10243500 человек. После этого численность населения республики постепенно сокращается. Так, на 1 января 2022 г. численность населения составила 9255524 человека. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, численность населения страны уменьшилась за 2021 г. на 94 тысячи человек.

Республику Беларусь можно назвать урбанизированным, стареющим, сокращающимся обществом. Естественная убыль населения не компенсируется рождаемостью. Возрастная пирамида населения Беларуси оценивается экспертами как регрессивный, убывающий тип. Такой тип характерен для высокоразвитых стран, где вследствие относительно низкой смертности и рождаемости население имеет высокую ожидаемую продолжительность жизни [1].

Старение населения связано с ростом коэффициента демографической нагрузки на общество и экономику страны. Население нетрудоспособного возраста включает тех, кто младше 15 и старше 64 лет (зависимая часть населения). Коэффициент демографической нагрузки прямо отражает государственные расходы на социальную политику. Это расходы на здравоохранение, выплаты пенсий, содержание школ, детских садов и другие социальные нужды. Общий коэффициент демографической нагрузки рассчитывается как отношение зависимой части населения к трудоспособной. Для Беларуси он равен 39,4%. Это значение показывает, что численность трудоспособного населения более чем в два раза выше численности населения нетрудоспособного возраста, что означает относительно низкую социальную нагрузку для общества [1].

Для Республики Беларусь характерен также дисбаланс между мужским и женским населением. По данным переписи населения 2019 г., женщины составляли 5061973 человека, а мужчины – 4351473 человека. Преждевременная смертность среди мужского населения связана с употреблением алкоголя, табакокурением. Так, по данным исследований, 8,8% всех смертей среди мужского населения Беларуси связано с алкоголем, причем в основном среди лиц трудоспособного возраста. Снижение уровня потребления алкоголя прямо связано с увеличением продолжительности и качества жизни [2]. Пока же тенденция преждевременного ухода из жизни мужчин сохраняется. Так, в 2019 г. мужчины получали пенсионные выплаты 7,8 лет, женщины – 22,7 года. Главные причины смертности – сердечно-сосудистые заболевания,

новообразования. За 2000 – 2020 гг. Беларусь потеряла 6% своего населения. И хотя в эти годы наблюдался миграционный прирост, однако он компенсировал естественную убыль лишь в 2013-2016 гг. Начиная с 2017 г. миграционный прирост не покрывает масштабы естественной убыли населения [3, с 34].

Проведение политики активного долголетия позволяет адаптировать общество и экономику к процессам старения населения. По данным за 2019 год, в рейтинге 183 стран мира по ожидаемой продолжительности жизни при рождении Республика Беларусь занимала 78 место (74,8 года). От лидеров рейтинга – Япония (84,3 года), Швейцария (83,5 года), Республика Корея (83,3 года), Испания (83,2 года), Беларусь отстает на 8 лет [3, с.31].

Очевидно, что в XXI в. Республика Беларусь столкнулась с рядом негативных тенденций демографического развития. Некоторые из них приобретают характер демографических угроз. Это старение населения, превышение смертности над рождаемостью, сокращение численности населения, деградация института семьи, нерегулируемые миграционные процессы. С целью решения этих проблем в 2002 г. был принят Закон «О демографической безопасности Республики Беларусь». Этот закон содержит правовые, организационные, материальные возможности для решения демографических проблем и обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны.

В Республике Беларусь проводится активная демографическая политика, стимулирующая повышение рождаемости. В нашей стране есть земельные, водные ресурсы, развитая экономика, что важно для поддержки рождаемости. В сфере регулирования рождаемости речь идет о поддержке материнства, повышении общественного статуса семьи, традиционных семейных ценностей. Предпринятые государством меры подкреплены финансовыми средствами. Так, выплачиваются пособия на детей, работающим женщинам предоставляются отпуска по беременности и родам независимо от их трудового стажа. Выделяются субсидии на медицинское обслуживание, предоставляются налоговые льготы, жилищные субсидии. Отпуск по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста предоставляется по письменному заявлению матери или отцу и может быть использован полностью либо по частям. Ограничений в количестве перерывов (выходов на работу) во время отпуска по уходу за ребенком не установлено. Различные материальные пособия и льготы на первого и второго ребенка в Беларуси за первые три года их жизни составляют более двух тысяч долларов, а на третьего и каждого последующего – свыше 3,5 тысяч долларов [4, с.121]. Особое внимание уделяется стимулированию рождения третьих детей в семье.

В январе 2021 г. вступило в силу Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 19 января 2021 г. № 28, которым утверждена Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021-2025 гг. Создаются условия для повышения качества и доступности услуг здравоохранения, что, несомненно, будет способствовать активному, здоровому долголетию населения.

Демографическая политика включает систему идеологических, экономических, социальных, законодательных мер. Важно понимать, что необходимы не только меры финансового, материального характера стимулирования повышения рождаемости. Речь должна идти о формировании брачно-семейных ценностей, потребности в детях. Пока же высокий уровень разводов (в республике примерно каждый второй брак распадается), увеличение доли неполных семей, более позднее вступление в брак, ослабление института семьи не способствуют повышению рождаемости. В белорусском обществе сложился тип малодетной семьи и он воспроизводится в молодых поколениях, несмотря на улучшение материальных условий. Наблюдается тенденция снижения рождаемости среди наиболее образованной части населения. Социологические исследования показывают, что белорусское население имеет малодетные репродуктивные установки [5].

В Беларуси наблюдается разрыв показателей рождаемости между сельскими и городскими районами. В регионах с большей долей сельского населения рождаемость выше, в урбанизированных регионах – ниже. Самый низкий коэффициент рождаемости наблюдается в Минске. По данным за 2019 г. величина суммарного коэффициента рождаемости по Минску составила менее одного рождения на одну женщину, что является самым низким показателем за всю историю статистических наблюдений [3, с. 38].

В Республике Беларусь государство приняло ряд эффективных мер по улучшению демографической ситуации, которые приносят положительные результаты. Вместе с тем, демографические проблемы имеют комплексный характер, связаны с идеологическими, культурными, психологическими установками людей, их видением своего будущего. Так, современные молодые люди, как мужчины, так и женщины, хотят быть независимыми в материальном плане, получать профессиональное образование, иметь постоянный доход. Они стремятся добиться успехов в профессиональной деятельности, а вступление в брак и рождение детей откладывается на более поздние сроки. Некоторые молодые люди считают, что надо пожить для себя, получать удовольствие от жизни, а рождение детей воспринимают как обузу. Не случайно для Беларуси

характерна тенденция «старения» материнства. Средний возраст матери при рождении ребенка составляет 29,6 года [5].

Для успешного решения демографических проблем в нашем обществе важно, помимо материального стимулирования рождаемости, проводить воспитательную работу в плане формирования семейных ценностей, семейного образа жизни как моды. Следует укреплять имидж семьи с детьми как важнейшей ценности для человека, его смысла жизни. В пропаганде семьи, детей как высшей ценности большую роль играют средства массовой информации, организация массовых мероприятий с участием семей с детьми, помощь в решении насущных проблем каждого человека.

Библиографические ссылки

1. Country meters [Электронный ресурс]. URL: <https://countrymeters.info/en/Belarus>. (дата обращения: 22.03.2022).
2. Боброва А. Г., Пилютик А. А. Демографические потери, обусловленные потреблением алкоголя в Беларуси // Демографический потенциал стран ЕАЭС. Екатеринбург. 2017. Т. 2. № 2(8). С.406-411.
3. Калачикова О. Н., Короленко А. В., Боброва А. Г. Демографическое развитие России и Беларуси в XXI веке в контексте внедрения концепции активного долголетия // Проблемы развития территорий. Т. 25. № 1. С.29-48.
4. Злотников А. Г., Раков А. А. Современная демографическая политика Беларуси // Социология. 2010. № 3. С. 116-128.
5. Шабунова А. А., Калачикова О. Н. Демографический потенциал и стимулирование рождаемости // Народонаселение. 2016. № 4. С. 47-56.

КОНЦЕПТ ПОЛИТИКО-РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Л. Е. Земляков¹⁾, А. В. Шерис²⁾

*¹⁾ Доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии
юридического факультета БГУ, Минск, Беларусь
polit_bsu@mail.ru*

*²⁾ Кандидат политических наук, заместитель директора, Научно-производственное
общество с ограниченной ответственностью «ОКБ ТСП», Минск, Беларусь
sherisav@okbtsp.com*

В статье рассматривается роль идентичности в консолидации белорусского общества; анализируются политическая и религиозная идентичности и их соотношение; рассматривается концепт политико-религиозной идентичности и его компоненты, которые способны стать аксиологической основой формирующейся объединяющей идентичности.

Ключевые слова: идентичность; виды идентичности; политическая идентичность; религиозная идентичность; соотношение политической и религиозной идентичности; политико-религиозная идентичность; концепт объединяющей идентичности.

THE CONCEPT OF POLITICAL AND RELIGIOUS IDENTITY IN CONTEMPORARY BELARUS

L. E. Zemliykov¹⁾, A. V. Sheris²⁾

*¹⁾ Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus), Doctor of Political Sciences,
Professor, Professor of the Department of Political Science of law faculty of the Belarusian
State University
polit_bsu@mail.ru*

*²⁾ Scientific Production Limited Liability Company "OKB TSP" (Minsk, Republic of
Belarus, Sherisav@okbtsp.com), Deputy Director, Candidate of Political Sciences
sherisav@okbtsp.com*

The article finds out the role of identity in the consolidation of the Belarusian society; political and religious identities and their correlation are analyzed; the concept of political and religious identity and its components are considered, which are capable of becoming an axiological basis of the forming unifying identity.

Keywords: identity; types of identity; political identity; religious identity; the correlation of political and religious identity; political and religious identity; the concept of unifying identity.

Актуальность проблем идентичности связано с глобальными изменениями, которые испытывает мировое сообщество в современных

условиях. Так, по мнению немецкого политического философа У. Бека, современная тенденция появления новых идентичностей, является ответом на процессы глобализации, которые направлены на агрессивное размывание границ сообщества [1, с.21-22]. Отдельное место в перечне проблем современности занимает изменение статуса религии в обществе, способное влиять на перестройку публичного пространства. Деятельность религиозных институтов в поле публичной политики, использование религиозных идеологий и риторики для легитимации политических стратегий, противоречия между светскими и религиозными взглядами и институциями не только ведут к перераспределению баланса в социальной и политической сферах, но и индуцируют политико-правовые коллизии, ценностные столкновения и маркируют политическую конфликтность. Религия начинает выступать одним из важнейших факторов, влияющих на сферу политики, особенно в аспектах, связанных с формированием социальной идентичности и политических убеждений, этической и моральной системы. В результате этого общественные субъекты являются носителями целого комплекса идентичностей, составляющих основу формирования и функционирования групп и институций. Современное общество можно определить как «пространство постоянно изменяющихся идентичностей» [2, с.214-228]. Каким бы образом идентичности не отличались друг от друга, им присущи определенные общие маркеры, в том числе чрезвычайно сложная структура, которая включает в себя внутриличностные и социальные характеристики. Идентичность – это всегда продукт социально-политического взаимодействия с вариативным результатом. Рассуждая на тему белорусской идентичности в своей речи на VI Всебелорусском народном собрании А. Г. Лукашенко отметил: «Мы можем потерять идентичность, впусив в свою жизнь несвойственные нашему менталитету модели» [3]. Главными столпами ценностного фундамента выступают: стремление к миру и единству, национально-государственная идентичность, преемственность и баланс культур, гармоничность этноконфессиональных отношений, почитание семьи как союза мужчины и женщины [4]. Исходя из вышесказанного, особой задачей является выявление роли идентичности в консолидации белорусского общества и значения политико-религиозной идентичности, которая, на наш взгляд, может стать аксиологической основой формирующейся объединяющей идентичности.

Процесс поиска белорусским обществом своей идентичности во многом зависит от определения государством (понимаемым в единстве формально-юридического, социально-политического и философско-культурного смыслов) стратегии развития, что самым непосредственным

образом связано с происходящими социально-политическими процессами как внутри страны, так и в мире. Динамика воплощения стратегических направлений развития страны во многом зависит от акторов политических процессов, условий и факторов (как внешних, так и внутренних), влияющих на принятие политических решений и реализацию целей государственной политики в области становления и укрепления белорусской идентичности. Главным актором конструирования белорусской политической идентичности является государство, поскольку политическая идентичность выполняет ряд важных политических функций в обществе, таких как консолидация, снятие социального напряжения, адаптация к происходящим политическим процессам, интеграция индивида в политический процесс, легитимация политической власти и др. Помимо государства на процесс конструирования идентичности влияют и другие акторы – политические партии, общественные объединения, религиозные конфессии.

С конца XX в. религия как один из важнейших социокультурных институтов стала оказывать значительное влияние на происходящие преобразования в белорусском обществе. Следует обратить внимание на роль религии в формировании групповой идентичности. Религиозные институты являются теми значимыми ценностно-формирующими компонентами, которые создают базовые нравственные и культурные ценности. Именно поэтому белорусское государство в целях обеспечения групповой идентичности и единения народа должно отводить религии особое место.

Религиозная идентичность играет важную роль в общественно-политической жизни общества. Между религиозной идентичностью, с одной стороны, а также консолидированностью религиозной общности, с другой, существует прямая зависимость: чем сильнее религиозная идентичность, тем крепче религиозная группа. При слабой религиозной идентичности существует угроза распада религиозной группы, ее ассимиляции. В контексте религиозной идентичности чрезвычайно важно учитывать, на какой основе происходит ее формирование: на основе веротерпимости к другим религиозным группам или на основе самоизоляции, отчужденности или даже враждебности ко всем тем, кто «не Мы». Известно, что религиозная идентичность является также важнейшим средством легитимации и делегитимации политической власти, влияя, таким образом, на политические отношения.

Политическая и религиозная идентичности пересекаются между собой и являются зависимыми друг от друга. Так, С. Хантингтон, обосновывая взаимозависимость идентичностей, говорил о том, что «следует различать идентичности в узком и широком смысле. В

частности, большинство идентичностей являются иерархическими, широкие идентичности включают в себя узкие... Узкие и широкие идентичности в рамках одной иерархии могут усиливать друг друга или конфликтовать одна с другой» [5, с. 59-60].

Связующим звеном политической и религиозной идентичности является их притязание на наполнение содержанием одних и тех же форм смыслов и общественных действий. И политическая, и религиозная идентичности претендуют на формирование довольно устойчивого представления индивида о себе как о члене определенной социальной группы, в основе своей имеющей общность истории, культуры, отношения к другим группам и т.п. Каждый из этих видов идентичности имеет свои ценности, правила и нормы поведения.

Религия приобретает большое значение не только благодаря ее связи с формированием групповых идентичностей, но и благодаря аксиологическому значению религии в обществе, где ценностные установки формируются, в том числе, и благодаря религии. Религиозная идентичность способна выступать важным условием конструирования политической идентичности в современной Беларуси. В данном контексте основным вызовом для государства является радикальная религиозная идентичность, в том числе «церковный раскол по образцу украинской автокефалии»[4]. Во избежание такой ситуации политическая идентичность способна включать религиозную идентичность, потенциал которой также может быть направлен на создание единой объединяющей идентичности, придающей стабильность политическим процессам и государству.

Исходя из утверждения, что индивиды имеют множественную идентичность можно сделать вывод о том, что у индивида возможно наличие и политической, и религиозной идентичности одновременно. Имея политическую идентичность, индивид не теряет своей религиозной идентичности.

Религиозная идентичность проявляется как структурообразующий компонент политической идентичности не только в Республике Беларусь, но и на всем постсоветском пространстве. Религиозная составляющая политической идентичности является весомым фактором определения характера процессов интеграции ее субъектов в политическую структуру и векторов развития политического процесса в обществе. В этом случае мы имеем дело с «взаимодополнительностью» политической и религиозной идентичности, когда политическая идентичность формирует чувство патриотизма, причастность субъекта к политическим процессам и государству, а религиозная идентичность, заполняет аксиологическую нишу, создает локальные конфессиональные системы ценностей, задает

рамки видения исторического прошлого, определяет приоритеты личностного развития. Политическая и религиозная идентичности, дополняя друг друга способны создавать гармоничный и целостный образ современного белоруса, что значит для белорусской государственности никак не меньше, чем борьба внешних игроков за экономическое и политическое влияние на Беларусь.

Современный этап развития белорусского общества, характеризующийся повышением политической напряженности, информационными и гибридными войнами, направленными на деконструкцию белорусской идентичности, предъявляет более жесткие требования к уровню национального согласия и социально-политической консолидации. Адекватно ответить на угрозы и вызовы современного мира может только единый народ, скрепленный общими ценностями, общими представлениями о прошлом и будущем своей страны. В этом смысле речь может идти о формировании концепта объединяющей идентичности, опирающейся на национальные традиционные ценности и способной выступить в роли мощного интегрирующего начала для большинства белорусов. Именно такое стратегически заряженное обращение к коллективному опыту и исторической памяти проявляет свой организующий потенциал в новых смысловых комплексах, внедренных в Конституцию Республики Беларусь, обогащенную в ходе новейшей реформы такими ценностными компонентами, как единство и преемственность государственного развития, многовековая история, память и идеалы предков, память защитников Отечества, патриотизм, вера в добро, справедливость, ответственность и историческая правда [6, с.3-10]. Отсылка к уникальности собственно-белорусских смыслов и ценностей, культурного наследия, формировавшихся в долгом историческом времени, в широкой межконфессиональной и межэтнической коммуникации на стыке культур служит консолидацией и предъявлению «самости» белорусской идентичности. При этом апелляция к исторически сложившемуся ценностному универсуму становится важнейшим компонентом как внутренней, так и внешней политики.

Библиографические ссылки

1. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.
2. Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 214-228.

3. О единстве, развитии и независимости. Доклад Президента Александра Лукашенко на шестом Всебелорусском народном собрании [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/lyubimuyu-ne-otdadim4.html>. (дата обращения: 10.03.2021).

4. Выступление Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко при обращении с ежегодным Посланием белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-28-yanvarya-obratitsya-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusскому-narodu-i-nacionalnomu-sobranіyu>. (дата обращения: 18.03.2022).

5. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004.

6. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноябр.1996г., 17 окт.2004г., 27 февр.2022 г. Минск: Национальн. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2022.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Е. М. Ильина

*Кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии юридического факультета БГУ, Минск, Беларусь,
IlyinaEM@bsu.by*

В статье раскрыты особенности процесса формирования и реализации государственной политики Республики Беларусь в сфере информатизации и цифровой трансформации с 1991 по 2022 гг.

Ключевые слова: цифровая трансформация; политика в сфере цифровой трансформации; политический процесс.

DIGITAL TRANSFORMATION POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

E. M. Ilyina

*Candidate of Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus,
IlyinaEM@bsu.by*

The peculiarities of the process of formation and implementation of the digital transformation and informatization policy of the Republic of Belarus from 1991 to 2022 are revealed in the article.

Keywords: digital transformation; digital transformation policy; political process.

В корреляции с основными этапами государственного строительства в Республике Беларусь, используя теоретико-методологический инструментарий политической науки, процесс формирования и реализации политики в сфере информатизации и цифровой трансформации с 1991 по 2022 гг. можно условно разбить на восемь последовательных стадий:

- *первая стадия* (II пол. 1991–I пол. 1994 гг.) связана с началом формирования государственной политики информатизации суверенного белорусского государства в сложный переходный период, когда Беларусь стала одной из первых республик на постсоветском пространстве, которая в целях создания информационного общества приняла собственную программу информатизации страны на 1991–1996 гг. и на период до 2000 г., а также первыми шагами на пути создания национальной системы

интеллектуальной собственности и развития регионального и международного сотрудничества в сфере информации и связи;

- *вторая стадия* (II пол. 1994–1996 гг.) ознаменовалась принятием Конституции Республики Беларусь, которая впервые ввела институт президентства и законодательно закрепила базовые информационные права и свободы человека и гражданина, регистрацией национальной доменной зоны «.by», принятием ряда важных нормативных правовых актов в области массовой информации и связи, в том числе первого базового системообразующего акта в сфере информатизации – Закона Республики Беларусь «Об информатизации», который ввел в юридическую практику ключевые принципы и юридические дефиниции понятий в области информационных отношений;

- *третья стадия* (с конца 1996–I пол. 2001 гг.) обусловлена внесением изменений и дополнений в Основной Закон Республики Беларусь, которые затронули конституционные информационно-правовые нормы, одобрением Концепции государственной политики в области информатизации в качестве основы для определения главных направлений деятельности государственных органов по построению информационного общества в Беларуси, ее вхождению в мировое информационное сообщество, а также регистрацией первого высокотехнологичного преступления на территории нашей страны и развитием Байнета как независимого сегмента Всемирной паутины;

- *четвертая стадия* (II пол. 2001–начало 2004 гг.) характеризуется существенными изменениями организационной структуры государственного управления в сфере информатизации, утверждением Государственной программы информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 гг. и на перспективу до 2010 г. «Электронная Беларусь», направленной на формирование в стране единого информационного пространства как одного из этапов перехода к информационному обществу, а также введением в эксплуатацию Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь (<http://www.pravo.by/>), активным участием нашей страны в подготовке и проведении Женевского этапа Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества;

- *пятая стадия* (с 2004–начало 2010 гг.) связана с трансформацией механизма принятия решений в сфере государственной политики информатизации, проведением Тунисского этапа Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, созданием аналога «силиконовой долины» в Беларуси – Парка высоких технологий, принятием ряда новых комплексных актов в

информационной сфере: Законов Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации», «О средствах массовой информации», «Об электронном документе и электронной цифровой подписи»;

- *шестая стадия* (с 2010 – начало 2016 гг.) ознаменовалась формированием адекватных политико-управленческих условий развития информационного общества, принятием Указа Президента Республики Беларусь № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет», утверждением Национальной программы ускоренного развития услуг в области информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 гг., разработанной на основании Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 г., созданием Совета по развитию информационного общества при Главе государства, определением Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь единственным источником официального опубликования правовых актов, регистрацией доменных имен в доменной зоне «.бел», поэтапным развитием государственной системы оказания электронных услуг организациям и гражданам через Единый портал электронных услуг (<http://portal.gov.by/>) и началом перехода государственных органов и организаций Беларуси на использование технологий облачных вычислений;

- *седьмая стадия* (с 2016 – начало 2021 гг.) характеризуется включением цифровой трансформации, как государственного приоритета, в политическую повестку дня и признанием ее одной из важнейших слагаемых в формуле роста национальной конкурентоспособности, утверждением Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг., разработанной в соответствии со Стратегией развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 гг., образованием Совета по развитию цифровой экономики из представителей государственной власти, институциональных структур гражданского общества и бизнеса, стартом реализации национального проекта по трансформации Беларуси в IT-страну и принятием революционного Декрета № 8 «О развитии цифровой экономики», которым созданы беспрецедентные правовые условия и налоговые преференции для развития отечественного IT-сектора и, как следствие, рекордным ростом числа резидентов Парка высоких технологий и его экспортной выручки, приданием сайту «Правовой форум Беларуси» (<https://forumpravo.by/>) статуса официальной площадки для публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, утверждением Концепции информационной безопасности Республики

Беларусь, которая впервые закрепила понятие информационного суверенитета и нейтралитета;

- *восьмая стадия* (с 2021 г. – по настоящее время) обусловлена совершенствованием административно-правового, организационно-управленческого и информационно-аналитического обеспечения процесса цифрового развития белорусского государства, что нашло отражение в новой редакции Конституции Республики Беларусь, утверждением Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг., корректировкой национального законодательства о СМИ в контексте расширения государственного регулирования деятельности в интернет-пространстве, началом выдачи идентификационной карты гражданина, детализацией мер противодействия экстремизму и реабилитации нацизма в части признания групп граждан в Интернете экстремистскими формированиями, принятием Закона «О защите персональных данных», урегулированием деятельности новостных агрегаторов в сети Интернет, наделением Министерства связи и информатизации дополнительными функциями государственного управления в сфере цифровой трансформации, закреплением ответственных лиц за вопросы цифрового развития во всех органах власти и определением в них «офисов цифровизации».

На современном этапе, по данным Министерства связи и информатизации, Республикой Беларусь достигнут значительный прогресс в цифровой сфере: разработаны соответствующие мировым стандартам средства защиты информации и электронные сервисы, системы онлайн-платежей, механизмы идентификации, сеть передачи данных и надежные центры их хранения и обработки.

Успехи Беларуси в сфере цифровой трансформации достаточно высоко оценены мировой общественностью. Наша республика занимает лидерские позиции по внедрению цифровых технологий в регионе СНГ. Текущая позиция Беларуси по значению индекса развития ИКТ в мировом рейтинге Международного союза электросвязи из 176 стран – 32-е место (отчет 2017 г.). Согласно оценке ООН, по индексу готовности к электронному правительству в 2020 г. Беларусь заняла 40 место из 193 стран мира, сохранив свои позиции как страны с высоким уровнем данного показателя. В рейтинге Всемирной организации интеллектуальной собственности «Глобальный инновационный индекс 2021» Беларусь поднялась на 62 место среди 132 государств, оставшись мировым лидером в сфере разработки мобильных приложений.

В Послании белорусскому народу и Национальному собранию 28 января 2022 г. Президент Республики Беларусь, говоря о развитии отечественного высокотехнологического сектора, особо отметил, что «при

всех негативах Парк высоких технологий дал очень сильный толчок развитию ИТ-сферы, однако возможно настало время создать равные условия для айтишников на предприятиях, в НАН Беларуси и ПВТ и договориться о более весомом вкладе ПВТ и его пользе для белорусского народа и государства» [1]. Как отмечают эксперты, в условиях сложившейся геополитической обстановки и санкционных ограничений серьезными вызовами для развития национального ИТ-сектора являются утечка мозгов и кадровый голод, ограничение доступа к международным цифровым платформам и хранилищам данных, дефицит отечественного производства полупроводников и необходимых вычислительных мощностей, недостаток высокорейтинговых научных публикаций и патентов в области высоких технологий, нехватка финансирования и собственных наработок и, как следствие, использование готовых ИТ-решений с открытым исходным кодом, отсутствие связей и опыта для выхода на международный рынок высокоинтеллектуальной продукции, снижение интереса к белорусским ИТ-стартапам со стороны венчурных фондов и др. Белорусским правительством разработан комплексный план поддержки экономики, в том числе отечественной ИТ-индустрии.

Таким образом, в политологическом ракурсе концепт «цифровая трансформация» можно интерпретировать, как исходящий из окружающей/внешней среды импульс/вызов на «входе» политической системы, кардинально преобразующий систему в целом или ее отдельные подсистемы (институциональную, нормативно-регулятивную, функциональную, коммуникативную, культурно-идеологическую) и функции (артикуляция и агрегирование интересов, политическая коммуникация, рекрутирование и социализация, интеграция и мобилизация социума, сохранение и адаптация системы, принятие адекватных взаимосвязанных стратегических и тактических решений по основным направлениям внутренней и внешней политики, геополитический выбор и др.) под воздействием цифровых трендов и технологий (искусственного интеллекта, больших данных, виртуальной и дополненной реальности, Интернета вещей, блокчейна, роботизации, аддитивных технологий и др.), имеющий неизбежный характер с неопределенными, вариативными и непредсказуемыми последствиями.

С учетом специального научного исследования государственной политики информатизации в Республике Беларусь [2], впервые проведенного на кафедре политологии БГУ, понятие «политика в сфере цифровой трансформации» представляет собой политический процесс целеориентированной, комплексной и организованной, совместной управленческой деятельности институтов государства с участием структур гражданского общества, бизнеса и учетом общегосударственных

приоритетов и достижений информатизации, направленный на оптимизацию политической системы под воздействием цифровых технологий и трендов с целью достижения национальной конкурентоспособности, основанный на системе законодательства.

Библиографические ссылки

1. Послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-28-yanvary-a-obratitsya-s-ezhegodnym-poslaniem-k-beloruskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniju> (дата обращения: 06.02.2022).

2. *Ильина Е. М.* На пути к информационному обществу: государственная политика информатизации в Республике Беларусь: монография. Минск: РИВШ, 2010.

МОДЕЛИ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

В. О. Калишук

*Аспирант кафедры политологии
юридического факультета БГУ, г. Минск, Беларусь
vladislav.kalishuk@gmail.com*

В работе рассматриваются изменения основных характеристик структуры медиакommunikации в зависимости от этапа развития медиа. Выявлены особенности взаимодействия коммуникации на базе старых и новых медиа. Описывается роль и значение социальных медиа как базовой коммуникационной платформы на современном этапе развития медиа в контексте государственного управления и оценке его эффективности.

Ключевые слова: модель; коммуникация; социальные медиа; структура; медиакommunikация.

PUBLIC ADMINISTRATION AS FIELD OF POLITICAL SCIENCE

V. O. Kalishuk

*Graduate student of Department of Political Science,
Faculty of Law, BSU, Minsk, Belarus
vladislav.kalishuk@gmail.com*

The paper considers changes in the main characteristics of the structure of media communication depending on the stage of media development. The features of communication interaction on the basis of old and new media are revealed. The role and importance of social media as a basic communication platform at the present stage of media development in the context of public administration and evaluation of its effectiveness is described.

Keywords: model; communication; social media; structure; media communication.

На фоне активного внедрения социальных медиа в процессы государственного управления и актуализации оценки эффективности особый интерес представляет изучение динамики моделей медиакommunikации. Это обусловлено взаимозависимостью между структурой коммуникации на базе медиа и уровнем их внедрения в процессы государственного управления.

Допустимо утверждать, что существует два периода развития медиакommunikации:

а) период доминанции «старых медиа». Его течение допустимо отсчитывать с начала XVII в. (когда в мире стала появляться периодическая печать) до конца XX в. (когда старые медиа начали постепенно вытесняться новыми видами);

б) период доминанции «новых медиа». Конец XX – начало XXI вв. Отправной точкой данного периода является появление Интернета и последующее развитие технологий Web 2.0.

На первом этапе структура коммуникации носила субъект-объектный характер, а информация от субъекта коммуникации искажалась перед объектом лишь через личностные установки и микрогруппы, состоящие из окружения потребителя информации. Таким образом создавался эффект искажения передаваемой информации – «шум». Исходя из этого «общего» принципа было сформулировано несколько теоретических концептов:

а) теория «подкожной иглы» (в некоторых вариациях «теории волшебной пули»). Базируется на том факте, что информационное воздействие субъекта коммуникации в целом неограниченно, т.к. объект коммуникации является полностью пассивным и в одностороннем порядке воспринимает весь спектр транслируемой информации. Субъекта можно представить в качестве условного пациента, находящегося в ожидании «информационного укола» [1].

б) теория «двухступенчатой модели коммуникации». Базируется на идее о том, что большинство информации, которая распространяется создателями медиаконтента, искажается через коммуникацию в микрогруппах. При этом наибольшее влияние оказывают так называемые «лидеры мнений», т.е. наиболее активные граждане, которые постоянно потребляют медиаконтент и преломляют его через призму своих взглядов, ценностей и убеждений. Они выступают в качестве своеобразного фильтра информации [2].

в) «теория минимальных эффектов» массовой коммуникации. Основывается на тезисе о том, что транслируемая медиа информация неэффективно воздействует на потребителя в силу своей обезличенности. На основании этого допущения делается следующий вывод: при принятии каких-либо значимых решений или при оценке критических событий индивид будет в первую очередь опираться на информацию, предоставляемую социальными группами, к которым он принадлежит [3].

г) теория «когнитивного диссонанса», автором которой является Л. Фестингер. Он исходил из предположения что каждый отдельно взятый индивид при восприятии информации, которая вступает в противоречие с его личным взглядами, убеждениями и ценностями испытывает значительный дискомфорт. Для того, чтобы его избежать он практически

неосознанно фильтрует информацию и акцентирует внимание только на той ее части, которая соответствует его картине мира [4].

д) «теория полезности и удовлетворения потребностей», разрабатываемая Э. Кацем, базируется на том же тезисе, что и теория «когнитивного диссонанса», однако акцентирует значение на значимости формы сообщения. Отмечается, что потребители информации воспринимают только информацию, которую считают для себя в той или иной степени полезной. При этом важнейшим фактором, который влияет на отношение субъекта к получаемой информации выступает соотношение затраты временных затрат и усилий, которые необходимы для извлечения пользы. Само себе понятие пользы в контексте данной теории может носить как эмоциональный, так и интеллектуальный характер [5].

е) теории «медиареальности» и «культивации». Данное направление активно разрабатывали У. Липпман и Дж. Гербнер. Ученые предполагали, что влияние медиа настолько велико и распространено, что в общественном сознании создается особое «псевдоокружение», т.е. своеобразная отдельная «медиареальность», которая заменяет индивидам реальную действительность [6].

ж) теория «установления повестки дня», которую разрабатывали Д. Шоу и М. Маккомб. Они выдвигали предположение, что медиа через расставление акцентов на определенных событиях и фактическое управление вниманием потребителей медиаконтента, обретают конституирующую функцию [7].

Таким образом, на основе анализа изученных источников можно сделать следующие обобщенные выводы, характеризующие процесс коммуникации во время доминирования «старых медиа». В первую очередь следует отметить, что базовая структура коммуникации между медиа и потребителем медиаконтента была достаточно проста и носила преимущественно субъект-объектный характер. Из-за небольшого уровня искажений и низкого уровня обратной связи в рамках данного этапа движение информации было достаточно предсказуемым. Медиа выступали в качестве инструмента донесения информации для государства и источником ее получения для граждан. Обсуждение в микрогруппах ограничивалось трактовкой уже имеющейся информации.

На втором этапе политическая коммуникация значительно трансформировалась. Особое влияние оказало появление социальных медиа. Их развитие, постепенное внедрение в межличностные и межгрупповые коммуникационные процессы привело к преобразованию политической коммуникации на структурном уровне.

Существует целый ряд значительных изменений, которые отличают структуру коммуникации на этапе доминанции старых медиа от ее же в период доминанции новых медиа:

- а) значительное ускорение процесса обмена сообщениями;
- б) наличие обратной связи между объектом медиакommunikации и ее субъектом;
- в) формирование устойчивых сообществ и микрогрупп в результате популяризации новых площадок.

Вероятно, наиболее распространенной и одновременно общепризнанной теорией, затрагивающей структуру коммуникации и адаптируемой под новые особенности, возникшие в результате замещения старых медиа новыми, является различные модификации концепта «эхо-камер». Его сущность заключается в том, что при распространении информации существует эффект их усиления путем его передачи в закрытых сообществах. Описанный феномен на базе социальных медиа обладает накопительным эффектом и потенциально может охватывать огромную аудиторию из-за пересечения социальных микрогрупп. Следует отметить, что нечто подобное было и на первом этапе развития медиа, но скорости коммуникации и размеры микрогрупп были сильно ограничены, поэтому искажение от условных «эхо-камер» были не настолько значительны как на сегодняшний день [8].

Вместе с тем закономерно, что в первую очередь социальные медиа стали новой масштабной площадкой с широчайшим спектром возможностей, которые значительно превосходят иные параллельно существующие платформы. Расширение инструментария осуществления обратной связи вызвало фактический переход от субъект-объектной модели политической коммуникации к субъект-субъектной. Это, в свою очередь, стимулировало смещение и «смешивание» уровней политической коммуникации, появление значительного количества новых субъектов. При этом количество субъектов, создающих искажение, значительно возросло. Новые медиа в целом и социальные медиа в частности сформировали познавательную среду для индивида. Именно из нее современный человек черпает практически всю информацию и осуществляет значительную часть повседневной коммуникации.

Если раньше коммуникативный аспект деятельности субъектов политики реализовывался в одностороннем порядке и во многом носил «сезонный» характер, то с появлением СМИ речь идет в первую очередь о систематической деятельности, предполагающей постоянное взаимодействие с аудиторией и адаптацию в зависимости от ее реакции. Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на отсутствие единообразного правового регулирования и четкого научно-

теоретического обоснования необходимости использования социальных медиа, субъекты политики активно применяют данные платформы в своей деятельности.

Библиографические ссылки

1. *Bennet M. T.* The «Magic bullet» [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/300023494_The_Magic_Bullet (дата обращения: 08.09.2021).

2. *Weimann G.* Communication, twostep flowof [Electronic resource]. URL:

https://www.researchgate.net/publication/304194304_Communication_Twostep_Flow_of. (дата обращения: 08.09.2021).

3. *Tarek K. M.* Klapper's 'limited effect model' of communication and the emerging interactive web-based digital media: New research potentials [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/310404321_Klapper's_'limited_effect_model'_of_communication_and_the_emerging_interactive_web-based_digital_media_New_research_potentials. (дата обращения: 09.09.2021).

4. *Sukmayadi V.* A review of cognitive dissonance theory and its relevance to current social issues [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/348018033_A_Review_of_Cognitive_Dissonance_Theory_and_Its_Relevance_to_Current_Social_Issues (дата обращения: 08.09.2021).

5. *Katz E.* Mass Communications research and the study of popular culture [Electronic resource]. URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1168&context=asc_papers. (дата обращения: 08.09.2021).

6. *Mosharafa E.* All you need to know about: the cultivation theory [Electronic resource]. URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1168&context=asc_papers. (дата обращения: 08.09.2021).

7. *Zain R. M.* Agenda setting theory theory [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/321698436_Agenda_Setting_Theory. (дата обращения: 08.09.2021).

8. *Grömping M.* 'Echo Chambers' [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/266147359_'Echo_Chambers'. (дата обращения: 08.09.2021).

СУЧАСНЫ СТАН ПАЛІТЫЧНЫХ ПАРТЫЙ: СІМПТОМЫ ЗАНЯПАДУ ЦІ ПРЫКМЕТЫ АДАПТАЦЫІ ДА НОВЫХ ВЫКЛІКАЎ

М. С. Мамекін

Магістр паліталогіі,

Выкладчык кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта БДУ, Мінск, Беларусь

MamekinMS@bsu.by

Публікацыя прысвечана аналізу сучаснага стана і асаблівасцям функцыянавання палітычных партый у дваццаць першым стагоддзі. Разгледжаны асноўныя палажэнні канцэпцый айчыннах і замежных навукоўцаў, якія негатыўна ацэньваюць перспектывы развіцця палітычных партый. Вызначаны далейшыя тэндэнцыі і вектары развіцця палітычных партый.

Ключавыя словы: палітычная партыя; партыйная сістэма; грамадзянская супольнасць; грамадскія рухі; заняпад палітычных партый; картэльныя партыі; партыі “хапай усіх”; кіберпартыі; тэндэнцыі развіцця партый і партыйных сістэм.

CURRENT STATE OF POLITICAL PARTIES: SYMPTOMS OF DECLINE OR SIGNS OF ADAPTATION TO NEW CHALLENGES

M. S. Mamekin

*Master of Political Science, Lecturer, Department of Political Science, Faculty of
Law, BSU, Minsk, Belarus*

MamekinMS@bsu.by

The publication is devoted to the analysis of the current state and features of the functioning of political parties in the twenty-first century. The main positions of the concepts of domestic and foreign scientists who negatively assess the prospects of the development of political parties are considered. Further trends and vectors of development of political parties are determined.

Keywords: political party; party system; civil society; social movements; decline of political parties; cartel parties; "catch-all- parties"; cyberparties; trends in the development of parties and party systems.

Сучасная дэмакратычная і прававая дзяржава немагчыма без існавання развітай грамадзянскай супольнасці, у надзвычай складанай структуры якой многімі даследчыкамі традыцыйна адзначалася асаблівая роля палітычных партый. Менавіта гэтыя інстытуты грамадзянскай супольнасці доўгі час разглядаліся ў якасці найважнейшага канала перадачы інтарэсаў грамадзянскай супольнасці да дзяржавы. Аднак падобны пазітывісцкі падыход да разумення месца і ролі партый у

палітычнай сістэме грамадства падзяляецца далёка не ўсімі навукоўцамі. З моманту свайго з'яўлення і да нашых дзён палітычныя партыі шматразова станавіліся аб'ектам крытыкі па самых розных падставах, а самому існаванню палітычных партый прадракаўся нядоўгі век. Напрыклад, М. Я. Астрагорскі адзначаў, што пастаянныя партыі ў будучыні будуць распушчаныя, а барацьба за ўладу партыям будзе, безумоўна, забаронена, таму што фармалізацыя палітычнага жыцця, якая ствараецца партыямі, знаходзіцца ў поўнай супярэчнасці з агульнымі прынцыпамі дэмакратыі і інтарэсамі грамадзян [1, с. 163]. Аднак менавіта апошнія дзесяцігоддзі характарызуюцца небывалым ростам публікацый і даследаванняў у духу антыпартыйнай палітычнай традыцыі, многія з якіх абвясцілі канец палітычных партый як інстытута. Сапраўды, якасныя змены сацыяльнай прасторы, што пачаліся ў другой палове дваццатага стагоддзя і працягваюцца па сённяшні дзень, аказалі значны ўплыў на сучасны стан і перспектывы функцыянавання палітычных партый.

Да абставін, якія вызначаюцца ў якасці сімптомаў заняпаду палітычных партый, адносяць: зніжэнне масавасці палітычных партый; паслабленне падтрымкі з боку выбаршчыкаў; зніжэнне яўкі на выбарах і валацільнасць пераваг выбаршчыкаў, размыванне традыцыйных электаратаў, калі грамадзяне накіроўваюцца на выхад з нацыянальнай палітычнай арэны; «старэнне» складу палітычных партый; зніжэнне ідэалагічнага складніка партыйных праграм, што мела вынікам з'яўленне «электаралісцкіх партый», партый «хапай усіх»; размыванне манаполіі традыцыйных партый на прадстаўніцтва інтарэсаў у органах улады, адзначанае ўздымам новых партый і розных палітычных рухаў і арганізацый, адзінай агульнай рысай якіх з'яўляецца непрыманне традыцыйных цэнтраў улады і партый як інстытута; паслабленне значнасці ліберальных каштоўнасцей, дэмакратычных інстытутаў і працэдур; крызіс «жыццёвага цэнтра» і, як следства, уздым папулісцкіх партый; паслабленне ролі «партыйных машын»; адрыў ад выбаршчыка ў выніку залежнасці партый ад дзяржавы і фінансава-прамысловых груп і медыя-холдынгаў, што мела вынікам з'яўленне «картэльных партый»; меншая стабільнасць партый у «новых» партыйных сістэмах; змена «партыйнай дэмакратыі» на «аўдыторную» праз узрастанне ролі СМІ і іншых каналаў камунікацыі з выбаршчыкамі.

У якасці асноўных прычын заняпаду палітычных партый амерыканскі навуковец Э. Хэйвуд называе наступныя: па-першае, тое, што палітычныя партыі «з'яўляюцца (або паўстаюць у вачах грамадства) алігархічнымі структурамі, гэтакімі бюракратычнымі машынамі. Па-другое імідж партый пакутуе і ад іх сувязяў з дзяржавай і прафесійнымі палітыкамі: «свае людзі ў вялікай палітыцы», ужо вельмі многія

партыйныя функцыянеры аказваюцца сапсаванымі уладай, амбіцыямі і карупцыяй – усім тым, што неад'емна ад «высокіх пасадак». Партыі, іншымі словамі, ужо не ўспрымаюцца як групы людзей, што выйшлі «з народа»: ва ўсіх іх палітычных справах і справунках простыя людзі не бачаць нічога, акрамя вечнай барацьбы за ўладу. Па-трэцяе, заняпад партый можа быць таксама сімптомам таго, што цяперашнія грамадствы ў прынцыпе становяцца ўсё менш кіраванымі. Чым больш шырокаважчальна партыі заяўляюць аб сваёй здольнасці вырашыць тыя ці іншыя праблемы, але, атрымаўшы ўладу, не вырашаюць іх, тым больш глыбокае расчараванне яны спараджаюць у грамадстве. Па-чацвёртае, заняпад партый можна звязваць з глыбокай эрозіяй тых грамадскіх адносін, што некалі выклікалі іх да жыцця: ва ўсякім выпадку класавыя адносіны ў эпоху постфардызму ўжо сапраўды становяцца іншымі, як сыходзяць у мінулае і ранейшыя сацыяльныя сувязі» [2].

Яшчэ адным ўплывовым фактарам заняпаду палітычных партый варта лічыць узрастанне ролі СМІ і, у першую чаргу, тэлебачання і Інтэрнэт. За кошт чаго партыі сталі губляць функцыі палітычнай сацыялізацыі мас і прапаганды. Раней асноўнымі метадамі іх барацьбы за выбаршчыка былі ўлёткі, шматлюдныя мітынгі і агітацыя па прынцыпе «ад дзвярэй да дзвярэй». Зараз вялікая частка выбаршчыкаў даведваецца пра партыі і іх кандыдатаў з перадач тэлебачання і Інтэрнэту. Адпаведна і цэнтры агітацыі пераносяцца на тэлеэкраны і сацыяльныя сеткі. Гэтыя факты сведчаць аб тым, што сёння функцыя палітычнай сацыялізацыі і прапаганды размеркавалася галоўным чынам паміж тэлебачаннем, іншымі СМІ, школай і інш. Разам з тым, ускладанне грамадства, павышэнне адукацыйнага ўзроўня насельніцтва, а таксама агульнадаступнасць і альтэрнатыўнасць разнастайных крыніц інфармацыі і СМІ мелі вынікам імкненне найбольш актыўных грамадзян да аўтаномнага палітычнага самавызначэння, што непазбежна сутыкнулася з традыцыйнай для партый тэндэнцыяй «вадзіць людзей за ручку», калі партыі па звычцы навязвалі выбаршчыкам гатовыя, шмат у чым састарэлыя ўзоры мыслення і паводзін. У гэтай сувязі шматлікія грамадзяне, асабліва моладзь, сталі аддаваць перавагу масавым рухам і іншым непартыйным грамадскім утварэнням. Тым самым партыі паступова пачалі губляць функцыю палітычнай мабілізацыі мас. На гэтым фоне зноў-такі адбываецца змяненне зместу і суадносін партыйных функцый, пераход некаторых функцый партый да СМІ і іншых палітычных інстытутаў. Партыі ўсё менш здольныя выконваць функцыі артыкуляцыі, агрэгавання інтарэсаў і вылучэння іх на палітычны парадак дня, а таксама функцыі камунікатара і пасярэдніка паміж грамадствам і дзяржавай.

Разам з тым у жыцці палітычных партый у дваццаць першым стагоддзі адзначаюцца і некаторыя якасна новыя і станоўчыя з'явы і тэндэнцыя, якія сведчаць аб жыццяздольнасці палітычных партый і іх прыстасаванні да новых выклікаў: рост масавасці партый у некаторых новых дэмакратыях: уцягванне ў удзел у палітыцы, у прыватнасці у выбарах, новых слаёў – выбаршчыкаў, што з'яўляюцца прыхільнікамі папулісцкіх партый; запыт на «новую публічнасць» – больш адкрыты стыль камунікацыі палітыкаў з грамадствам дзякуючы развіццю ІКТ, што прывяло да ўзнікнення медыя-партый і кіберпартый; уздым альтэрнатыўных рухаў ліберальнага толку («з'яленыя» і да т. п.) як рэакцыя на «новых правых»; «новыя партыі» з першымі поспехамі становяцца больш умеранымі і рэспектабельнымі, а экстрэмізм, таталітарныя замашкі – вельмі маргінальная з'ява.

Сучасныя тэндэнцыі партыйнага развіцця заходніх краін адлюстроўваюць трансфармацыю партый ва ўмовах пераходу да постіндустрыяльнага грамадства. Партыі адаптуюцца да зменаў палітычнага асяроддзя, мадыфікуючы сваю структуру і мадэлі паводзін. Аднак палітычныя партыі па-ранейшаму захоўваюць важную ролю ў рэкрутаванні палітычнай эліты і фарміраванні палітычных лідараў. Ва ўмовах прадстаўнічай дэмакратыі, як найбольш эфектыўнай сістэмы праўлення на гэтым этапе развіцця чалавецтва, партыі рэгулююць і стымулююць электаральны працэс і дзейнасць выбарных органаў. Яны выконваюць працу па адборы і вылучэнні кадраў, прапануюць кандыдатаў, структуруюць выбар выбаршчыкаў, распрацоўваюць альтэрнатыўныя праграмы развіцця краіны і каардынуюць дзейнасць дзяржаўных асоб, якія прадстаўляюць тую ці іншую партыю. Дыскусія аб заняпадзе партый выклікана змяненнем функцый і структуры партый, а не існаваннем партыі як з'явы. Нягледзячы на некаторае відазмяненне партый і партыйных сістэм, партыйнае праўленне застаецца дамінуючай інстытуцыянальнай формай сучаснай дэмакратыі. Партыі і сёння працягваюць адыгрываць ключавую ролю ў палітычным працэсе. У той час як многія іншыя функцыі альбо адміраюць, альбо істотным чынам трансфармуюцца, электаральная функцыя толькі ўзмацняе сваё значэнне, што праяўляецца, у прыватнасці, у практыцы прадастаўлення партыям статусу прывілеяванага суб'екта выбарчага працэсу ў большасці краін свету.

У сувязі з вышэйназванымі акалічнасцямі ў межах сучасных паліталагічных ведаў пазіцыя аб надшышоўшым крызісе ў развіцці палітычных партый з'яўляецца недастаткова абгрунтаванай. У сучасным грамадстве функцыянальныя і арганізацыйныя характарыстыкі партый сапраўды істотна змяніліся, але гэта не дае падставаў сцвярджаць аб

сыходзе партый з палітычнай сцэны. У заключэнні варта прывесці выслоўі доктара палітычных навук А. В. Гаман-Галутвінавай: «састарэлі не самі партыі, а хутчэй традыцыйныя ўяўленні аб іх функцыянальным і арганізацыйным прызначэнні».

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997.

2. *Хэйвуд Э.* Политология: Учебник для студентов вузов / Пер. с англ. под ред. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Вельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.

3. Дискусии: современные модели политических партий // Круглые столы посвященные обсуждению перспектив развития партийной системы в России. [Электронный ресурс]. URL: <http://samzan.ru/203761> (дата обращения: 21.03.2022).

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУВЕРЕННОГО ИНТЕРНЕТА

К. Э. Махитарьянц

студент 2 курса юридического факультета БГУ, Минск, Беларусь

mahitaryants@gmail.com

науч. рук. Ильина Е.М., канд. полит.наук, доцент

В статье представлен опыт стран в формировании суверенного интернета. Выделены основные преимущества суверенного интернет-пространства.

Ключевые слова: интернет-пространство; интернет-компания; суверенный интернет; цифровая угроза; фейк; Китай; США.

DEVELOPMENT TRENDS OF THE SOVEREIGN INTERNET

K. E. Makhitaryants

2nd year student of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Minsk, Belarus

mahitaryants@gmail.com

Scientific supervisor E. M. Ilyina, Candidate of Political Science, Associate Professor

The article presents the experience of the countries in the formation of a sovereign Internet. The main advantages of the sovereign Internet space are highlighted.

Keywords: Internet space; Internet company; sovereign Internet; digital threat; fake; China; USA.

Современный мир представляет собой новый тип цивилизации. Тотальная информатизация и компьютеризация породила качественные изменения во всех сферах жизни общества. Развитие электронных технологий, компьютеризацию и информатизацию в обществе принято оценивать как положительное явление, закрывая глаза на проблемы, порождаемые данными процессами. Конфликтность нового миропорядка заключается в противостоянии человека мощному воздействию сетевых систем, в связи с чем остро встают вопросы защиты личности от деструктивного контента.

Одним из способов борьбы с новыми цифровыми угрозами является создание суверенного интернет-пространства. Данная практика не является прорывной и инновационной. Так, суверенное интернет-пространство существует в Китае, Вьетнаме, КНДР, Сингапуре, Иране и других странах. Активная разработка технической и правовой базы для создания суверенного Интернета ведется в Российской Федерации, странах Центральной Азии.

Говоря о Китае, стоит вспомнить проект «Золотой щит», который является системой фильтрации содержимого контента в национальном Интернете. Данная система создавалась с целью пресечения антикоммунистической и антиправительственной информации. В соответствии с данным проектом, доступ к ряду иностранных сайтов с территории КНР ограничивается. Веб-сайты, базирующиеся на территории Китая, не могут ссылаться и публиковать новости, взятые из зарубежных новостных сайтов или СМИ, без специального одобрения. В 2008 г. в Китае был заблокирован YouTube. После этого, в 2009 г. был заблокирован доступ к Twitter, Facebook и сервисам Google. Однако на территории Китая существуют аналоги западных социальных сетей (WeChat, Weibo, QQ, Douyin, Qzone), пользующиеся не меньшей популярностью, чем западные социальные сети до блокировки.

Отдельно стоит отметить КНДР, в которой население имеет доступ лишь к внутренней сети «Кванмен», являющейся локальным аналогом сети Интернет, но распространяющей исключительно информацию, прошедшую фильтрацию на наличие антигосударственных и дестабилизирующих идей.

Стоит отметить опыт Саудовской Аравии, где весь интернет-трафик проходит через систему фильтрации на наличие «аморальных» материалов (в основном, поддержку сексуальных меньшинств и азартные игры), а также сайтов, содержащих неудобные религиозные материалы.

В наше время актуальность создания суверенного интернет-пространства приобретает большую актуальность. При помощи суверенной сети можно эффективно противостоять санкционному давлению, предотвратить возможность отключения интернета из-за рубежа. Плюсами являются активное развитие отечественной интернет-экономики и возможность своевременной борьбы с фейками.

Санкционное давление, связанное с уходом зарубежных социальных сетей и иных иностранных сервисов, возможно, преодолеть при помощи суверенной сети. Так, уход иностранных компаний из Беларуси может способствовать созданию и развитию отечественных сервисов, которые позитивно скажутся на интернет-экономике и возможности преодоления нынешней расстановки сил в области принадлежности интернет-компаний. Согласно исследованию Интернет Ассоциации, в США находятся 13 из 21 крупнейших интернет-компаний в мире и, если не считать китайские компании, 13 из 16 крупнейших интернет-компаний.

Создание суверенной сети позволит избежать «сирийского сценария», где весь интернет был отключен из-за рубежа, в связи с тем, что отведенные Сирии блоки IP-адресов исчезли из таблиц

маршрутизации, трафик пошел в обход страны. В течение двух дней на территории Сирии не работал интернет и мобильная связь. Отключение Интернета произошло в связи с тем, что все структурные элементы сирийского Интернета находились на оффшорном хостинге под управлением зарубежной телекоммуникационной компании. При наличии суверенного интернет-пространства государству будут предоставлены более широкие полномочия в области борьбы с фейками. На данный момент частные интернет-компании имеют не меньше инструментов цензурирования, чем само правительство. Частным интернет-компаниям, находящимся в большинстве за рубежом может быть выгодно распространение фейков и провокационной информации.

Таким образом, создание суверенного интернет-пространства может создать условия для большей стабилизации обстановки внутри государства, а также уменьшения количества элементов давления на государства. Наличие суверенного Интернета может способствовать укреплению суверенитета на международной арене и независимости государства.

МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

А. А. Орлова

Студент3 курса юридического факультета БГУ, Минск, Беларусь

law.orlovaAA@bsu.by

науч. рук. Белявцева Д.В., канд. полит. наук, доцент

В статье рассмотрен действующий механизм борьбы с коррупцией Республики Беларусь, а также положительный опыт ряда зарубежных стран в вопросе противодействия коррупции. На основании анализа различных антикоррупционных парадигм, принятых в Сингапуре, Дании и Республике Беларусь, и рассмотрения коррупции как социального феномена, был выдвинут тезис об эффективности использования технологий государственного управления в процессе борьбы с коррупцией, а также предложены актуальные направления применения данных технологий.

Ключевые слова: коррупция; антикоррупционный механизм; государственный аппарат; управление.

MECHANISMS FOR ANTI-CORRUPTION IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM

A. A. Orlova

3rd year student of the Faculty of Law of the Belarusian State University,

law.orlovaAA@bsu.by

Scientific supervisor Belyavtseva D.V., Candidate of Political Science, Associate Professor

The article considers the current mechanism for combating corruption in the Republic of Belarus, as well as the positive experience of a number of foreign countries in the issue of combating corruption. Based on the analysis of various anti-corruption paradigms adopted in Singapore, Denmark and the Republic of Belarus, and consideration of corruption as a social phenomenon, a thesis was put forward on the effectiveness of the use of public administration technologies in the process of combating corruption, and topical areas for the application of these technologies were proposed.

Keywords: corruption; anti-corruption mechanism; state apparatus, management.

Коррупция стала одной из глобальных проблем современности, существующей во всех странах мира. В широком смысле слова, коррупция – это общественно опасное явление, поразившее публичный аппарат управления, выражающееся в разложении власти, умышленном

использовании государственными служащими своего служебного положения, статуса и авторитета занимаемой должности. Несмотря на многолетнюю борьбу с данным социальным явлением, коррупционная деятельность не утратили свою актуальность на сегодняшний день, что подтверждается многочисленными упоминаниями в средствах массовой информации различных коррупционных преступлений.

В Республике Беларусь все три десятилетия независимости непрерывно ведётся бескомпромиссная и решительная борьба с коррупцией, в процессе которой был сформирован определенный механизм противодействия указанному социальному явлению, который обладает характерными чертами. Ядром данного механизма является прочная антикоррупционная законодательная база, в основе которой лежит Закон «О борьбе с коррупцией» [3], Государственная программа по усилению борьбы с преступностью и коррупцией [7], а также Закон «О прокуратуре» [4], «Об органах внутренних дел» [5], «Об органах государственной безопасности» [6] (законодательные акты, регламентирующие полномочия органов уголовного преследования) и 35 глава Уголовного Кодекса Республики Беларусь [8] (в которой закреплены карательные санкции в сфере коррупционной деятельности).

В соответствии с созданной законодательной базой, система организации борьбы с коррупцией включает в себя: разработку и принятие антикоррупционной нормативной правовой базы; создание и обеспечение деятельности специальных подразделений по борьбе с коррупцией; координацию деятельности правоохранительных органов по раскрытию коррупционных дел; привлечение к ответственности «коррупционеров»; реализация мер по устранению последствий коррупционных дел и др. Из содержания данной системы можно сделать следующий вывод: подавляющая часть мер, которые содержит антикоррупционный механизм, направлены на борьбу с внешними проявлениями коррупции, с уже существующей коррупцией. Иными словами, существующий механизм направлен скорее на выявление и пресечение конкретных коррупционных действий, что малоэффективно влияет на минимизацию коррупции как социального явления.

В преамбуле к Государственной программе Республики Беларусь по усилению борьбы с преступностью и коррупцией на 2020-2022 г. отмечается, что в государстве наблюдается тенденция к увеличению коррупционных правонарушений [7]. В феврале 2022 г. Генеральная прокуратура Республики Беларусь обнародовала информацию о том, что по итогам заседания коллегии надзорного ведомства выявляемость коррупционных преступлений за год выросла более чем на 12% [1]. На основании приведённых данных можно сделать вывод о том, что

принимаемые уголовно-правовые, административные и управленческие меры, которые образуют механизм противодействия коррупции, остаются малоэффективными.

Меры борьбы с коррупцией, направленные на борьбу с внешними проявлениями уже существующей коррупции, которые были упомянуты ранее, основываются на негативных санкциях по отношению к коррупционерам и поэтому обладают карательным характером. Данная группа мер выражается в ужесточении государственного контроля коррупционной деятельности, однако не влияет на причины возникновения коррупции. Вместе с этим карательные меры увеличивают разрыв между прибылью должностного лица и уровнем наказания потенциального коррупционера, что и приводит к росту коррупции. В рамках данных мер с коррупцией в среде государственного аппарата борются исключительно представители этого аппарата, что нередко перерастает в борьбу против конкурентов на рынке «коррупционных услуг». Следовательно, карательные операции, опирающиеся на суровые санкции, не достаточны для воздействия на причины возникновения коррупции.

Существует вторая группа антикоррупционных мер, которые являются предупредительными и носят превентивный, а не карательный характер, поскольку направлены не на внешнее выражение коррупции, а на причины её возникновения. Они присутствуют в антикоррупционном механизме большинства стран, в том числе и Республики Беларусь, однако немногочисленны. К данным мерам можно отнести: обеспечение прозрачности финансирования государственной службы; повышение уровня заработной платы чиновников; обязанность госслужащих декларировать имущество; гарантирование свободы информации; децентрализация власти. Предупредительные меры воздействуют на коррупционные причины и устраняют их, но не предотвращают появление новых смежных предпосылок для данного социального явления.

Вместе с этим, как показывает опыт борьбы с коррупцией в различных государствах (Сингапуре, Дании и др.), даже четко разработанной системы превентивных мер зачастую бывает недостаточно, не говоря уже о возможности и целесообразности её применения в конкретном государстве (аспект высоких финансовых затрат, существующих особенностей государственного аппарата и т.д.). Так, в приведённых зарубежных странах правительство сосредоточилось на «внутренних» факторах борьбы с коррупцией: в Дании была сформирована политика «абсолютной нетерпимости» коррупции, культивировано осуждение этого явления, внедрены своеобразные этические кодексы, кодексы чести чиновников; в Сингапуре был

сформирован институт «совести и позора» для всех граждан, путём освещения абсолютно всех коррупционных скандалов в СМИ. Иными словами, в данных странах упор в процессе борьбы с коррупцией был сделан на применение социальных санкций и воздействие на социальный капитал, который в современном мире имеет большую ценность, чем любые материальные ресурсы [2].

Из вышесказанного формируется тезис, что поскольку сущность коррупции укоренена в функционировании самого государственного аппарата, то более значительный результат покажет использование различных технологий государственного управления в направлениях, являющихся внутренними (социально-психологическими) факторами коррупции:

1) *реформирование статуса государственного служащего в общественном сознании, создание этических принципов и кодексов*, что значительно поспособствует изменению отношения самих чиновников к государственной службе и повышению их ответственности перед гражданами;

2) *снижение силы мотивов чиновников для вступления в коррупционные отношения*, которое должно основываться в большей мере не на карательных санкциях, а на материальных и социальных поощрениях (признание, уважение со стороны граждан и др.);

3) *формирование общественного осуждения коррупционных явлений*, которое повлияет на развитие дополнительного контроля со стороны общественности и значительно увеличит размер штрафных санкций (в виде утраты статуса и уважения) для потенциальных коррупционеров.

Таким образом, проблема механизма противодействия коррупции заключается в доминировании карательных операций, что служит только обострению коррупционных явлений. Карательные меры, основанные на штрафных санкциях закона, должны комплексно функционировать с превентивными мерами, направленными на устранение причин возникновения данного социального явления. Вместе с этим, ядром антикоррупционного механизма должно являться использование технологий государственного управления в социально-психологических направлениях, являющихся существенными для минимизации коррупции как социального явления: реформирование статуса чиновников в общественном сознании; снижение силы мотивов чиновников для вступления в коррупционные отношения, повышение мотивации чиновников соблюдения этических принципов и правил; формирование общественного осуждения и негативного отношения – цели, которые

следует признавать наиболее очевидными в процессе борьбы с коррупцией.

Библиографические ссылки

1. Генеральная прокуратура Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prokuratura.gov.by/ru/>. (дата обращения: 20.04.2022).

2. Карпетова Л.А., Самылов С.А. Опыт ведущих иностранных государств по профилактике и противодействию коррупции // Науч. запис. молод.исслед. 2021. № 6. С. 80–86.

3. О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305–З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. // ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

4. О прокуратуре Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220–З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.12.2020 г. // ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

5. Об Органах Внутренних Дел: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263–З : принят Палатой представителей 27 июня 2007 г. : одобр. Советом Республики 29 июня 2007 г. // ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

6. Об органах государственной безопасности Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2012 г., № 390–З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

7. Программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020-2022 годы: утв. реш-ем респ. коордиц. совещанием по борьбе с преступностью и коррупцией от 18.12.2019 г. // ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: Одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2022 г. // ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

РОЛЬ СИСТЕМОГО ПОДХОДА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА COVID-19)

Д. Г. Садовский

*Магистрант юридического факультета БГУ, Минск, Беларусь
dsadovsky 99@gmail.com*

Статья посвящена взаимосвязи системного подхода как важной части политической теории и подготовки, осуществления политического курса как элемента политической практики. Указанное соотношение рассматривается на примере актуальной проблемы противодействия национальных систем здравоохранения пандемии коронавируса COVID-19. Выделяются основные составляющие модели политической системы в рамках системного подхода, анализируется их значимость на практических примерах. В результате делается вывод о роли системного подхода в политической практике.

Ключевые слова: системный подход; политический курс; здравоохранение; коронавирус; COVID-19.

THE ROLE OF A SYSTEMATIC APPROACH IN POLITICAL PRACTICE (ON THE EXAMPLE OF THE FUNCTIONING OF HEALTHCARE SYSTEMS IN THE CONDITIONS OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC COVID-19)

D. G. Sadovsky

*Master student of the Faculty of Law of Belarusian State University, Minsk, Belarus,
dsadovsky 99@gmail.com*

The article is devoted to the relationship of a systematic approach as an important part of political theory and preparation, implementation of a political course as an element of political practice. This ratio is considered on the example of the actual problem of countering the national health systems of the COVID-19 coronavirus pandemic. The main components of the political system model are singled out within the framework of a systematic approach, and their significance is analyzed using practical examples. As a result, a conclusion is made about the role of a systematic approach in political practice.

Key words: System approach; political course; healthcare; coronavirus; COVID-19.

Политическая теория и политическая практика неразрывно связаны между собой: особенности получения, перераспределения и осуществления политической власти представляют эмпирическую базу и источник знаний для теоретических изысканий, которые, в свою очередь,

формируют основной категориальный и методологический аппарат для планирования и осуществления непосредственных действий в рамках политического процесса.

Примером подобной связи теории политики и практики построения эффективного политического курса может служить кризисная ситуация, сложившаяся в результате распространения пандемии коронавируса COVID-19. Речь идет о понимании взаимодействия политической системы как с окружением, так и в рамках внутрисистемной среды, а также влиянии ее на эффективность антикризисных мер.

Для осуществления успешного политического курса необходимо своевременно и эффективно воспринимать импульсы поддержки, требований или апатии через сложившуюся систему рецепторов. Особенно важен этот момент в кризисной ситуации, когда из самых разных источников начинает поступать огромное количество противоречивых импульсов, которые, однако, требуют незамедлительной реакции.

В условиях распространения COVID-19 быстро сформировался запрос на активную борьбу с заражением, бывший, тем не менее, чрезвычайно размытым и противоречивым. Извне исходили как первоначальные импульсы-требования остановить заражение, так и одновременное неприятие мер, предлагаемых государством. Например, в Великобритании курс правительства породил раскол в рядах консервативной партии, когда 100 из 364 депутатов Палаты общин высказались резко против ужесточения карантинных мер. Лейбористы также долго не могли определиться с позицией, колеблясь и усиливая раскол в обществе [1].

Импульсы могут иметь разную направленность, интенсивность и форму – некоторые из них предоставляют определенное время на реакцию, другие же требуют оперативной конверсии. В условиях пандемии страх перед новой угрозой привел к ряду импульсов, выразившихся не в запросах, но нерациональных и жестких действиях людей. К таковым можно отнести поджоги 5G-вышек в Великобритании [2], волны насилия по отношению к представителям азиатских этнических групп во Франции [3]. Необходимо расценивать такие события не только как объект государственного вмешательства с целью выполнения своих функций, но и как индикатор напряженности, острый импульс-требование на принятие мер по разрешению причины возникшей ситуации.

Поступающие сигналы могут, напротив, быть связаны не столько с прямым и локализованным волеизъявлением, сколько с апатичной реакцией. Во многих странах Европейского Союза, например во Франции,

было замечено пассивное отношение к применяемым государством мерам, в особенности обязательному ношению масок [4]. В данном случае важна не только концентрация на решении проблемы, но и понимание того факта, что сложившееся положение дел отражает состояние окружающей среды и является импульсом.

В подобном контексте следует отметить необходимость формирования четкого понимания специфики и состояния окружающей среды, реакция которой на схожие действия может быть принципиально разной. Так, отношение к выдвинутым коронавирусным ограничениям в Великобритании, Франции, Швеции и Республике Беларусь на аналогичных этапах распространения пандемии кардинально различалось: от сотрудничества в Швеции и последовательной реакции в Республике Беларусь до неприятия части мер в британской ситуации [5, 6, 7].

Указанные моменты в рассматриваемой ситуации затруднили артикуляцию и агрегирование интересов, что, без сомнения, сказалось на эффективности разработки и применения стратегий противодействия вновь возникшей угрозе. Информация, полученная из импульсов на «входе», поступает в систему, где проходит через центр принятия решений, конвертируясь в определенный политический курс.

Стоит обратить внимание на значимость состояния рецепторов, улавливающих и конвертирующих сигналы. В Великобритании, в том числе и до возникновения кризисной ситуации, взаимодействие системы и окружения в контексте здравоохранения затруднялось некоторой прослойкой медицинских трастов, часто преследовавших собственные интересы. Позднее система была преобразована в отношении структуры первичной медицинской помощи, что позволило ввести в эксплуатацию коммуникацию ответственных учреждений непосредственно с населением [8].

Центр принятия решений, его способность оперативно и эффективно сформировать ответ на поступивший из внешней среды вызов обеспечивают стабильность и жизнеспособность системы. Однако, для успешного выполнения функций необходима также слаженная и четкая работа элементов непосредственно самого центра.

Несогласованность и обрывочный характер связей между субъектами принятия решений затрудняют своевременное реагирование на вновь возникающие обстоятельства, делая политический курс менее гибким и эффективным. Примером могут служить моменты, связанные со степенью централизации и особенностями взаимодействия субъектов здравоохранения в системе Российской Федерации (место и роль муниципального здравоохранения, подчиненность санитарно-эпидемиологической службы, взаимодействие между министерствами и

органами управления и др.) [9, с.7]. Важность стабильности центра принятия решений Великобритании наглядно демонстрирует ее постоянно реформирующаяся система здравоохранения, в рамках которой оперативное реагирование на негативные ситуации существенно затруднено [8].

Политический курс как результат конверсии импульсов окружающей среды должен соответствовать ее состоянию и выявленным ключевым особенностям. Реакция системы на своем «выходе» определяет тот набор импульсов-ответов, которые будут выражены окружающей средой в рамках петли обратной связи в ответ на проводимую политику. Примером ошибки во взаимодействии на «выходе» может служить обращение Премьер-министра Великобритании Б. Джонсона к общественности, когда тот назвал события «худшим кризисом в области общественного здравоохранения», заверил, что «это будет распространяться и дальше», а также что «многие семьи...потеряют близких раньше времени» [10]. В условиях волнения, которое отражали названные выше показатели, указанное выступление вызвало значительный резонанс и негативно сказалось на восприятии и осуществлении политического курса.

Выбранная Швецией стратегия была ориентирована на выработку популяционного иммунитета у населения, а потому в их представлениях не нуждалась в жестких мерах, направленных на подавление заражения. Впоследствии ошибочность стратегии была подтверждена правительством Швеции. При этом общее направление на мягкие меры без карантинных ограничений сохранялись долгое время. Концепт популяционного или коллективного иммунитета был воспринят центром принятия решений неверно изначально, в результате чего был сформирован заведомо ошибочный курс.

Внимание необходимо обратить и на особенности оценки проводимого политического курса. Она не только позволяет корректировать его с учетом выявленных недостатков, но и лучше воспринять последующие импульсы, поступающие в качестве результата функционирования петли обратной связи. Понимание системного подхода в процессе осуществления практической политики помогает избежать ряда существенных ошибок, способных ухудшить процесс и результаты осуществления проводимого курса. На «входе» следует уделять должное внимание уделять выявлению и анализу импульсов. При этом стоит учитывать их неоднородность: помимо разделения на поддержку, требования и апатию, можно говорить и о разной степени интенсивности поступающих запросов.

Для центра принятия решений важно бесперебойное, оперативное и эффективное функционирование, которое обеспечивается отлаженностью взаимодействия составных элементов и степень стабильности, организованности структур. Также важную роль играют рецепторы, воспринимающие указанные выше импульсы.

Политический курс на выходе должен быть адекватен поступающим требованиям и состоянию окружающей среды, вырабатываясь при этом с активным участием квалифицированных специалистов. Оценивание проводимого политического курса также важно для последующего повторения цикла.

Библиографические ссылки

1. Коронавирус перессорил британских консерваторов // Информационное агентство «Вести RU».2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/article/2491620> (дата обращения: 21.03.2022).

2. В Англии поджигают вышки 5G-сетей: «Они распространяют коронавирус» // Информационное агентство «Сnews».2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-04-06_britantsy_zhgut_vyshki_5gsetej. (дата обращения: 21.03.2022).

3. Коронавирус: готова ли Франция к худшему развитию событий? // Деловой журнал «Инвест-Форсайт».2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-04-06_britantsy_zhgut_vyshki_5gsetej (дата обращения: 21.03.2022).

4. Маска раздора: с кем во Франции борется полицейский спецназ // Информационное агентство «Газета.ru».2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2020/08/a_13201111.shtml. (дата обращения: 22.03.2022).

5. Страновой обзор: Опыт Великобритании в борьбе с COVID-19 // Счетная палата Российской Федерации. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/England.pdf>. (дата обращения: 23.03.2022).

6. Страновой обзор: Опыт Франции в борьбе с COVID-19 // Счетная палата Российской Федерации. 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/Страновой%20обзор_Франция_рус.pdf. (дата обращения: 24.03.2022).

7. Страновой обзор: Опыт Швеции в борьбе с COVID-19 // Счетная палата Российской Федерации. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Sweden1.pdf>.(дата обращения: 24.03.2022).

8. Health and Social Care Act // GOV.UK [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/publications/health-and-social-care-act-2012-fact-sheets>. – (дата обращения: 25.03.2020).

9. Реформа системы охраны здоровья граждан РФ: основные положения // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение // Вестн. ВШОУЗ. 2020. Т. 6, № 3. С. 4-29.

10. Джонсон успокоил граждан фразой «многие потеряют близких» из-за коронавируса // Информационное агентство «Lenta.ru».2020. [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2020/03/13/vse_umrut/ (дата обращения: 25.03.2022).

Раздел 3. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДИНАМИКИ МИРОВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

УДК 327.3

РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Д. В. Драгун

*Магистрант юридического факультета БГУ, г. Минск, Беларусь
dragun.dim@yandex.ru*

Статья посвящена выявлению особенностей радикального исламизма в международном политическом процессе. В статье сформулирована авторская дефиниция термина «радикальный исламизм», установлено соотношение исламизма и радикального исламизма, рассмотрены место и роль Исламского государства в международном политическом процессе.

Ключевые слова: ислам; исламизм; Исламское государство; радикальный исламизм; религиозно-политический экстремизм; салафизм.

RADICAL ISLAMISM IN THE INTERNATIONAL POLITICAL PROCESS

D. V. Dragun

*Master student of the Faculty of Law, BSU, Minsk, Belarus
dragun.dim@yandex.ru*

The article is devoted to the identification of the features of radical Islamism in the international political process. Within the framework of the article, the author's definition of the term "radical Islamism" is formulated, the ratio of Islamism and radical Islamism is established, the place and role of the Islamic State in the international political process is considered.

Keywords: Islam; Islamism; Islamic State; radical Islamism; religious and political extremism; Salafism.

На современном этапе развития социума широкий размах обретают тенденции радикализации ислама и дальнейшей его трансформации в одну из форм религиозно-политического экстремизма – радикальный исламизм. Социально-экономические и политические проблемы, не подвергающиеся регулятивному воздействию, провоцируют недовольство отдельных групп людей и, в условиях высокой религиозности населения, канализируются в форме религиозно мотивированных идей и социальных практик, легитимирующих применение противоправного насилия для коренного преобразования политической системы.

Эндогенные факторы радикализации имманентно присущи исламскому вероучению. В частности, иджитihad, понимаемый как нормотворчество на основе Корана и Сунны, не имеет жесткой и единственно верной регламентации данными источниками мусульманского права, являясь результатом их интерпретации улемами. Поэтому каждый мусульманин обладает правом относиться критически к подобным суждениям, какой бы прогрессивный и рациональный заряд они не несли. В подобных условиях имманентно предполагаемые сомнения в истинности иджитihad могут быть разрешены в рамках институтов ислама единственным способом: обратившись к непререкаемым первоисточникам – Корану и практике функционирования уммы времен пророка Мухаммада и праведных халифов [5, с. 14-15].

В современной политической науке сложился ряд концептуальных подходов к осмыслению термина «исламизм». С точки зрения автора под исламизмом следует понимать совокупность идей и социальных практик, выработанных в рамках мусульманского дискурса в качестве реакции на постхристианское и/или секулярное влияние западной цивилизации.

При этом следует разделять термины «исламизм» как религиозно-политическую идеологию и «радикальный исламизм» как форму религиозно-политического экстремизма. Являясь частью исламизма, радикальный исламизм, по нашему мнению, представляет собой комплекс идей и социальных практик, легитимирующих применение насилия для коренного преобразования политической системы исходя из специфической интерпретации требований нормативного наследия ислама.

В современном политическом процессе генетической основой и идейным ядром радикального исламизма следует считать салафизм [6, с. 278], сторонники которого считают, что правоверный мусульманин должен руководствоваться только теми предписаниями, которые созданы в период жизни пророка Мухаммада.

С политологической точки зрения основные идеологемы радикального исламизма лежат в плоскости такфира и джихада. В салафитской традиции такфиру подлежат все, кто имеет извращенное миропредставление, отличное от салафитской интерпретации нормативных положений ислама – атеисты, последователи политеистических и иных авраамических религий, а также последователи иных течений ислама.

Джихад в рамках радикального ислама рассматривается исключительно как военные действия в «дар аль-харб» против кяфиров, главными среди которых выступают США и Израиль.

По мнению радикальных исламистов, современные исламские государства преследуют собственные партикулярные цели в ущерб общеисламским. В связи с этим приоритетной задачей исламизма в настоящее время выступает объединение мусульманских государств в рамках единого халифата.

Другой важной идеологемой радикального исламизма является отрицание демократии как противоречащей теории ислама. По мнению приверженцев радикального ислама, верховная власть принадлежит не людям, но Аллаху, что означает ограниченную возможность принятия законов людьми со стороны Шариата. Поэтому неограниченный круг лиц, участвующих в законодательном процессе прямо или косвенно, означает тиранию. Помимо того, западные модели демократии несут имманентную угрозу разрушения и подчинения умме и политическим институтам ислама [7, с. 69].

Радикальный исламизм является сравнительно молодым течением религиозно-политического экстремизма, возникающим в конце XIX – начале XX в. в качестве идейно-политической реакции на интервенцию европейских государств в ближневосточный регион. Можно выделить несколько этапов становления и развития радикального исламизма:

1. Конец XIX в. – середина 1930-х гг. – возникновение первых исламистских организаций;
2. Середина 1930-х – конец 1940-х гг. – популяризация исламистских идей на Ближнем Востоке;
3. 1950-е – 1973 гг. – стигматизация и радикализация исламизма;
4. 1973–1979 гг. – начало идейного возрождения радикального исламизма;
5. 1979–2001 гг. – «исламское возрождение» радикального исламизма, обретение им материально-ресурсной и кадровой базы, а также опыта ведения боевых действий;
6. 2001 г. – по настоящее время – открытая конфронтация радикального исламизма с «дар аль-харб».

Среди причин «исламского возрождения» и популяризации идей радикального исламизма следует назвать: особенности ислама как религии; идеологический вакуум в ближневосточном регионе; увеличение доли молодежи; рост городского населения, выражающего активное недовольство действующей политической системой; рост образованности исламского населения; рост богатства нефтедобывающих стран; геополитические характеристики ближневосточного региона [2, с. 29].

Непосредственной причиной радикализации широких слоев мусульманского населения Ближнего Востока, в первую очередь молодежи, является осознание ими вследствие популяризации и

распространения информационно-коммуникационных технологий глубокого разрыва в уровне собственного благосостояния по сравнению с развитыми странами «золотого миллиарда» [1, с. 85-86].

Ключевым актором современного политического процесса, объединяющим наиболее радикальные слои населения, остается Исламское государство – салафитская международная экстремистская религиозно-политическая организация, созданная в 2006 году в качестве одного из филиалов Аль-Каиды в Ираке.

Целью Исламского государства является создание халифата – теократического исламского государства, объединяющего на основе шариатского права всю мусульманскую умму. Первостепенным направлением деятельности Исламского государства выступает борьба со светскими и проявляющими недостаточную активность на мусульманском поприще квазирелигиозными режимами в ближневосточных государствах.

Идеологическая доктрина Исламского государства в полной мере воспроизводит «классические» положения радикального исламизма о такфире и джихаде, обосновывая посредством ссылок на Коран и Сунну военные действия в первую очередь против единоверцев-суннитов, не придерживающихся салафитской трактовки ислама. В частности, рядом специально выпущенных фетв установлено, что мусульманину запрещено иметь публичные или частные сношения с кяфирами; в любой форме воспринимать интеллектуальные достижения, возникшие вне салафитского течения ислама; искать прямые или косвенные оправдания действий кяфиров или отступников, под которыми понимаются режимы арабских государств, предоставивших свою территорию для военных сил США и стран Запада, а также подчиненные им улемы [4, с. 149-150].

В 2011 г. с началом вооруженного конфликта в Сирии Исламское государство присоединилось к антиасадовской оппозиции, вступив в конфронтацию с правительственными силами и захватив провинцию Ракка, ставшую ядром будущего халифата.

В августе 2014 г. боевики Исламского государства начали интервенцию в Ирак, раздираемый религиозными конфликтами между суннитскими слоями населения и шиитским руководством страны, и захватили ряд крупных населенных пунктов, в том числе Мосул. Население занятых территорий, представлявшее собой амальгаму из курдов, мусульман-шиитов, езидов, христиан, подверглось репрессиям по этническому и конфессиональному признакам. Позже террористическая группировка провозгласила на захваченных территориях «Халифат», руководителем которого был объявлен Абу Бакр аль-Багдади.

С провозглашением «халифата» Исламское государство получило широкую поддержку от ряда салафитских групп вне Сирии и Ирака: «Боко Харам» в Нигерии, «Ансар Байт аль-Макдис» в Египте, «Джунд аль-Хилафа» в Алжире, «Бригада Укба бин Нафи» в Тунисе, а также ряда радикальных исламистских организаций Северного Кавказа, Ливана, Ливии, которые официально поклялись верности аль-Багдади и получили статус филиалов («провинций») Исламского государства [7, с. 451-452].

Успехи Исламского государства сошли на нет к середине 2015 г., когда «халифат» ослаб в результате боевых действий на нескольких фронтах – с курдскими вооруженными силами при поддержке стран Запада, правительственными иракскими и сирийскими армиями при авиационной поддержке Воздушно-космических сил Российской Федерации. В результате продолжительных боевых действий к марту 2020 г. на 98% территорий, входивших в состав «халифата», была восстановлена законная власть. Тем не менее, в этих странах сохраняются очаги напряженности, позволяющие говорить о рисках активизации салафитского религиозно-политического экстремизма. В частности, по данным Института экономики и мира ответственность за 10 из 20 наиболее смертоносных террористических атак 2021 г. несет Исламское государство или его филиалы [8].

В связи с вышеизложенным, следует сформулировать факторы успеха Исламского государства, среди которых отмечаются:

- поддержка широких слоев местного суннитского населения, у которого сложился образ ИГ как пронародных религиозных революционеров;

- основной костяк вооруженных сил Исламского государства, состоящий из ветеранов джихадистского движения, имеющих опыт ведения боевых действий и идеологической борьбы, в обязанности которых входит тактическое и стратегическое обеспечение действий Исламского государства, а также рекрутинговые функции;

- экономическая независимость организации, достигнутая в результате захвата ресурсоемких нефтеносных провинций Ирака;

- идеологический «вакуум», возникший в радикально исламистской среде в результате ослабления «Аль-Каиды», что выступило благоприятным условием для привлечения в Исламское государство радикализированных кадров [3, с. 103].

Таким образом, радикальный исламизм представляет собой комплекс идей и социальных практик, легитимирующих применение насилия для коренного преобразования политической системы исходя из специфической интерпретации требований нормативного наследия ислама. Среди основных идеологем радикального ислама выделяются

такфир, джихад, объединение мусульманских государств в рамках единого халифата, неприятие демократии как противоречащей теории ислама. Ключевым актором международного политического процесса, объединяющим наиболее радикальные слои населения, остается Исламское государство.

Библиографические ссылки

1. *Вавилов А. И.* «Исламское государство»: идеология, структура, военно-политическая деятельность // *Междунар. аналитика.* 2016. № 3. С. 85-96.
2. *Гринин Л.Е.* Исламизм: история и современность // *История и современность.* 2019. № 2. С. 3-35.
3. *Громов В.Г., Шонин И. Г.* Возникновение «Исламского государства»: факторы успеха // *Философия права.* 2017. № 1. С. 100-104.
4. *Добаев И.П.* Радикализация ислама в современной России. М. : Социально-гуманитарные знания, 2014.
5. *Игнатенко А.А.* Ислам и политика : сб. ст. М. :Ин-т религии и политики, 2004.
6. *Исаков А.С.* Дискурс исламизма // *Дискурс-Пи.* 2017. № 3-4. С. 276-282.
7. *Нечитайло Д.А.* Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика : дис. д-ра полит.наук : 23.00.01; Ин-т востоковедения РАН. М., 2017.
8. 2022 global terrorism index. Measuring the impact of terrorism. Relief Web. – 2022. [Electronic resource]. URL: <https://reliefweb.int/report/world/global-terrorism-index-2022>. (дата обращения: 20.03.2022).

КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Ли Цзинин

*аспирантка кафедры международных отношений,
факультета международных отношений БГУ, г. Минск, Беларусь
2179351079@qq.com*

В статье освещены основные формы и результаты сотрудничества Китая и России в гуманитарной сфере в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь». Представлены примеры усиления взаимодействия в области культуры между Китаем и Россией.

Ключевые слова: Китай; Россия; «Один пояс, один путь»; культурное сотрудничество.

CHINESE-RUSSIAN COOPERATION IN THE FIELD OF CULTURE IN THE CONTEXT OF THE INITIATIVE "ONE BELT, ONE ROAD"

Li Jingying

*graduate student of the Department of International Relations,
Faculty of International Relations of BSU, Minsk, Belarus
2179351079@qq.com*

The article highlights the main forms and results of cooperation between China and Russia in the humanitarian sphere in the context of the implementation of the "One Belt, One Road" initiative. Examples of strengthening interaction in the field of culture between China and Russia are presented.

Keywords: China; Russia; "One Belt, One Road"; cultural cooperation.

Неотъемлемым компонентом китайско-российских отношений в контексте инициативы «Один пояс, один путь» выступает гуманитарное сотрудничество, отдельным направлением которого является взаимодействие в сфере культуры. Расширение гуманитарных связей – важное направление китайско-российских отношений. Оно обусловлено существенными различиями китайской и российской культур, самобытным историческим развитием двух стран. Интенсификация двусторонних контактов в гуманитарной сфере началась в 2000-х гг., когда Китай и Россия создали комиссию по гуманитарному сотрудничеству. В начале 2010-х гг. китайско-российские гуманитарные

контакты приобрели комплексный и системный характер, охватив различные аспекты общественной жизни [1, с. 141].

Значительные различия китайской и российской культур могли усилить недопонимание и затруднить реализацию совместных взаимовыгодных проектов, в том числе в рамках инициативы «Одного пояса и одного пути», именно поэтому страны стали уделять особое внимание культурному взаимодействию. Фундаментом российско-китайского сотрудничества являются прямые контакты между профессиональными художественными коллективами, театрами, библиотеками, музеями, другими организациями культуры, культурные обмены и совместная подготовка кадров в сфере культуры и искусства, организация межрегиональных культурных мероприятий [1, с. 149].

С середины 2010-х гг. произошла интенсификация китайско-российского культурного взаимодействия. Подтверждением этому служат многочисленные мероприятия. Так, в октябре 2014 г. в Москве в рамках мирового турне прошли гастроли знаменитой труппы Пекинской оперы – национальной гордости Китая, внесенной ЮНЕСКО в список всемирного культурного наследия.

В 2016 г. в рамках инициативы «Пояса и пути» состоялся Китайско-российский фестиваль культуры и искусства, в Хабаровске прошел Фестиваль русско-китайской дружбы, основной целью которого была популяризация культурного наследия России и Китая и стимулирование туристских связей между двумя странами. В июле того же года в Иркутске в рамках перекрестных годов обмена между КНР и РФ состоялся специальный большой концерт с участием Китайского филармонического оркестра, Детского хора радио Китая и Иркутской областной филармонии.

Плодотворным годом в культурном плане стал 2017 г.: были проведены Дни Москвы в Пекине, Недели культуры «Познайте Китай – история провинции Цзилинь» в различных российских регионах, пекинская ярмарка «Дитань» в Москве.

В 2018 г. китайско-российские контакты в культурной области усилились: Пекинский оперный театр на Зимнем международном фестивале искусств Юрия Башмета в Сочи представил постановку «Легенда о нефритовой заколке по пьесе времен династии Мин. В Приморском крае прошли гастроли Национального балета Китая со спектаклем «Баядерка», а на Приморской сцене Мариинского театра свое мастерство продемонстрировала Ляонинская балетная труппа. В этом же году в Санкт-Петербурге был открыт Китайский культурный центр (второй Китайский культурный центр в России после аналогичного центра, открытого в 2012 г. в Москве), а также Музей Китайского

общества Санкт-Петербурга, ставший первым на Северо-Западе РФ музеем, посвященным истории взаимоотношений России и Китая. В музее представлены экспонаты, связанные с историей и деятельностью общества с 1990-х гг. до второй половины 2010-х гг.: картины, книги, фотографии, посуда, награды, холодное оружие, образцы редкой китайской водки в оригинальных футлярах. Одним из наиболее ценных музейных предметов – кинжал, подаренный военнослужащим китайской армии, принимавшим участие в Параде Победы на Красной площади в Москве в 2015 г. [2, с. 70].

На основе Программы мероприятий Российско-Китайской рабочей группы по сотрудничеству в области архивов на 2016–2020 гг. Федеральной архивной службой России и Государственным архивным управлением КНР был реализован ряд совместных мероприятий: историко-документальные выставки, обмен архивной информацией и специалистами, публикация архивных документов. Особенно актуальным российско-китайское взаимодействие по линии архивных ведомств стало в связи с совместным празднованием юбилея Победы во Второй мировой и Великой Отечественной войнах в 2015 г. [1, с. 154].

В 2014–2018 гг. в Китае вышли в прокат 18 российских фильмов, неоднократно проводились кинофестивали. В октябре 2016 г. в Пекине стартовали съемки документального фильма «Это Китай» – совместного проекта Пекинского центра распространения культуры «Чжунши яюнь», Международного радио Китая и российского международного информационного телеканала «Россия сегодня». Культурное сотрудничество продолжалось и в период пандемии COVID-19.

В рамках программы перевода и издания произведений российской и китайской литературы, запущенной в 2013 г., по состоянию на июль 2020 г. были опубликованы 44 произведения российских и китайских авторов [3, с. 72]. В декабре 2020 г. в Пекине прошла первая церемония вручения премии «Россия – Китай. Литературная дипломатия», направленная на содействие переводу и распространению русской литературы в Китае. Китайская онлайн-литература на платформе Rulate вышла на российский рынок.

В августе 2020 г. в Художественном музее Харбина состоялась российско-китайская выставка живописи маслом «Пейзажи Лунцзяна». В 2021 г. исполнилось 20 лет со времени подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР [4]. В честь юбилея в Санкт-Петербурге состоялся первый российско-китайский конкурс вокалистов «Созвучие», организатором которой стал Культурный центр Елены Образцовой. Институты Конфуция Новосибирского государственного технического университета и Санкт-Петербургского

государственного университета организовали фестиваль китайского кино «Китай, XX век. История глазами китайского кино».

Таким образом, китайско-российское сотрудничество в сфере культуры способствует раскрытию «культурного кода» народов, укреплению дружественных отношений и формированию доверия между странами. Успешность российско-китайского сотрудничества в области культуры подтверждают многочисленные мероприятия двух стран, но потенциал этого сотрудничества пока не раскрыт не в полной мере. В условиях обострения международной обстановки, волн пандемии COVID-19 необходим поиск новых сфер и направлений культурного взаимодействия и дальнейшее повышение его динамики и эффективности.

Библиографические ссылки

1. *Песцов С. К.* Стратегическое партнерство России и Китая: место и роль гуманитарного сотрудничества // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2020. Т. 29. №4. С. 137–165.

2. *Амосова А.А., Еремеева А.Д.* Российско-китайское сотрудничество: музейная деятельность и туризм // Вопросы музеологии. 2018. Т. 9. Вып. 1. С. 64–72.

3. Российско-китайский диалог: модель 2021: доклад № 70/2021 / [А.А.Маслов (рук.), А.В. КОРТУНОВ (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; РСМД. М.: НП РСМД, 2021.

4. Татьяна Голикова провела 22-е заседание Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству // Правительство Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/43812/>. (дата обращения: 06.05.2022).

ПЕРСПЕКТИВЫ ИДЕИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В XXI в.

О. В. Лушников

*Кандидат исторических наук, доцент, директор
Центра Евразийских исследований им. Г. В. Вернадского,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Россия
oleglushnikov@ya.ru*

Современная евразийская концепция, построенная с учетом новых социально-исторических, экономических, политических реалий, может стать основой системы ценностей и приоритетов, способствующей консолидации и реализации взаимовыгодной стратегии развития региона Центральной и Северной Евразии в новый центр геэкономике.

Ключевые слова: евразийская интеграция; Большая Евразия; геополитика; геэкономика; евразийство.

PROSPECTS OF THE IDEA OF EURASIAN INTEGRATION IN THE XXI CENTURY

O. V. Lushnikov

*Ph.D., associate professor, director of the G.V. Vernadski Center for Eurasian Studies,
Perm State Humanitarian and Pedagogic University, Perm, Russia
oleglushnikov@ya.ru*

The Eurasian concept, built with the new socio-historical, economic, political realities can become the basis of a system of values and priorities that will contribute to the consolidation and implementation of mutually beneficial strategy of development for the region of Central and Northern Eurasia in the new center of geo-Economics (along with the Euro-Atlantic and Asia-Pacific).

Keywords: Eurasian integration; greater Eurasia; geopolitics; geo-Economics; Eurasianism.

Геополитические и геэкономические вызовы Беларуси, России, Казахстану и другим странам евразийского пространства в XXI в., затрагивают многие сферы внешней и внутренней политики, экономики, демографии, культуры. Вопросы безопасности и сохранения идентичности в условиях трансформации мировой политической системы, потребности органичного устройства евразийского пространства, как гаранта международной стабильности, заставляют нас обратиться к

фундаментальным основаниям Евразийской цивилизации. Для стран евразийского пространства процесс интеграции – это вопрос судьбоносный: или мы станем «мостом» между Западом и Востоком, или наше жизненное пространство станет полем сражений между ними [1]. Решение поставленной задачи возможно на основе Евразийской идеи. Как цивилизационная основа объединения единого географического, этнокультурного и экономического пространства Евразии, она зародилась задолго до ее осмысления в общественно-политической мысли. На протяжении истории в среде евразийских народов складывались и преемственно закреплялись этнокультурные традиции, которые, имея зачастую различные истоки, постепенно формировали этнически существенные особенности, в той или иной мере, присущие всем евразийским народам.

Историческая практика великих держав Евразии (Монгольской и Российской империй, СССР) позволяет выделить следующие основы евразийской цивилизационной идеи: принципы безопасности, экономического процветания, ценность единой евразийской государственности и культуры, общенационального единства, сильной централизованной власти, сохранения этнокультурного своеобразия территорий и народов Евразии, принципы этно-конфессиональной толерантности.

Исследование и осмысление огромных пластов знаний истории, археологии, этнографии, исторической географии, этнологии, языкознания, помогло представителям евразийской общественно-политической мысли XX в. (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Н. Н. Алексеев, Л. Н. Гумилев и др.) выявить самобытность социально-этнической и психологической основы евразийской общности и сформировать целостную евразийскую цивилизационную концепцию (включающую географо-экономический, историко-культурный и политико-правовой аспекты) [2].

Лейтмотивом классической евразийской научной и общественно-политической мысли, стали цивилизационный подход, призыв к объективному отношению ко всем народам, населяющим Евразию, к учету сочетания европейского и азиатского начал в Евразии, этно-конфессиональной толерантности, и построения «общеевразийского дома».

Цивилизацию можно определить как культурно-историческую систему, объединяющую на суперэтническом уровне население, органически связанное с конкретной природно-пространственной средой. В основе цивилизации лежат три вида системообразующих связей: пространственные, простирающиеся на особенности природной среды,

ландшафта; временные, формирующие общность исторического бытия, традиций, исторической памяти, широко понимаемой культуры, языка; социальные и социально-психологические, цементирующие суперэтническую общность при помощи формирования сопоставимых ценностно-нормативных механизмов, субъективного осознания общности, самоидентификации людей [3, с. 108].

В соответствии с этим определением, Евразия, представляющая собой особую географическую, этническую, культурно-историческую целостность, появившуюся в результате многопланового этнополитического и культурно-исторического синтеза народов Востока и Запада, построенного на сочетании национальной самобытности с евразийской идентичностью и этноконфессиональной толерантностью, может быть классифицирована как культурно-историческая система – Евразийская цивилизация. Сохранение евразийского культурного кода обеспечит идентичность и преемственность развития народов Евразии в условиях вызовов XXI в.

Сегодня на новом уровне развиваются такие концепты классического евразийства как «цивилизационный культуроцентричный подход», «многополярность», «экономическая безопасность» (экономическое саморазвитие и континентальный экономический союз стран Евразии), дифференцированный частно-государственный подход в экономике, «хозяйнодержавие» (холизм, социальная ответственность бизнеса и экологизм), «гарантийное государство» (общество служения социальной справедливости), «идеократия» (приоритет вневременных традиционных религиозно-этико-гуманистических ценностей и общенациональных интересов), «общеевразийский дом» (пространство коллективной безопасности, где интегрирующая роль трансконтинентальных торговых путей, связывает в одну систему основные хозяйственные миры Востока и Запада).

На основе сравнительного анализа взглядов представителей рассмотренных направлений современного евразийства можно выявить следующие актуальные аспекты Евразийской идеи:

1) Самоидентификация России и стран ЕАЭС как особой цивилизационной общности, появившейся в результате многопланового этнополитического и культурно-исторического синтеза народов Востока и Запада, построенного на сочетании национальной самобытности с евразийской идентичностью и этноконфессиональной толерантностью. Воссоздание и развитие единого экономического, образовательного, культурного, и политического пространства, способствующего социальному и межнациональному миру, равноправному сотрудничеству и интеграции народов Евразии, на основе культурного плюрализма

(культуроцентризм, регионализм, федерализм) и уважения территориальной целостности и национального суверенитета стран (стратегия общевразийского дома «Евразии наций»).

2) Развитие цивилизационного многополярного мира, вместо глобального американоцентричного мирового порядка, поддерживающего через систему стратегических альянсов (ШОС, БРИКС, ЕАЭС, ОДКБ, БЕП и др.), экологическое, социокультурное и социально-политическое равновесие мира.

3) Признание единственно перспективным для Евразии самостоятельного развития, опирающегося на национально-культурные традиции, ценности (этико-гуманистический традиционализм, принципы верховенства закона и социальной справедливости) и опыт многовекового взаимодействия евразийских народов, дополненные постиндустриальной технологической модернизацией и созданием нового центра геоэкономики в Евразии (наряду с Евро-Атлантикой и Азиатско-Тихоокеанским регионом).

Сегодня идейное евразийское наследие получило новый импульс в проектах евразийской интеграции Евразийского Экономического союза (ЕАЭС) и макроконтинентальной экономической интеграции Большое Евразийское партнерство (БЕП) [4, с. 4].

ЕАЭС построен на основе принципов высказанных Президентом Казахстана Н. А. Назарбаевым еще в 1994 г. – верховенство национального суверенитета, уважения территориальной целостности, неприкосновенности политического режима, добровольности интеграции, поэтапности, готовности страны к участию, обоюдной выгоде государств, превосходства экономического начала процесса объединения над политическим, равноправия и коллективной защиты интересов.

Для развития России и стран ЕАЭС в качестве нового центра геоэкономики, министр по интеграции и макроэкономике Евразийского союза Евразийской Экономической комиссии, академик С. Ю. Глазьев считает важным: 1) создание системы стратегического планирования, способной выявлять перспективные направления экономического роста, а также направлять деятельность государственных институтов развития на их реализацию; 2) формирование каналов финансирования производственно-технологических комплексов нового технологического уклада и сфер потребления их продукции; 3) «настройку» макроэкономической политики на обеспечение благоприятных условий для осуществления научно-технической и инновационной деятельности [5].

По мнению экспертов (С. Ю. Глазьев, Е. Ю. Винокуров, И. Н. Тимофеев, С. Е. Караганов и др.), региональные интеграционные

проекты евразийского пространства должны стать не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Чтобы в условиях роста мировой экономической и политической нестабильности усилить эффект от интеграции, *необходимо* осуществить меры по развитию и освоению внутреннего евразийского пространства ЕАЭС (завершить формирование единого рынка товаров и услуг; максимально ликвидировать и/или унифицировать нетарифные барьеры внутри союза; эффективно координировать макроэкономическую политику, включая валютно-финансовые вопросы, развивать инфраструктуру, промышленную политику, АПК, рынок труда, единое пенсионное пространство, активизировать научное и образовательное сотрудничество) [6]; расширить количество участников Евразийского Союза, создать сеть зон свободной торговли и соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве (*ЕАЭС и КНР, ЕАЭС и АСЕАН, и др.*), выстроив отношения, в том числе, и с ключевыми торгово-инвестиционных партнерами [7].

Согласно расчетам экспертов, примерно к 2030 г. зона свободной торговли в рамках ШОС должна превратиться во Всеобъемлющее экономическое партнерство на базе интеграции ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и БРИКС. А к 2040 г. может быть образованно Большое Евразийское партнерство для всего континента [3].

Концепт единого пространства континентальной безопасности и развития основанного на принципах суверенного равенства, многополярности, уважении ко всем культурам, религиям и цивилизациям, инклюзивном и недискриминационном международном сотрудничестве, предотвращения распространения эпидемий, религиозного экстремизма и терроризма, и может стать одним из «становых хребтов» нового, более рационального и справедливого миропорядка – «Рах Euroasiatica».

Библиографические ссылки

1. *Панарин А. С.* Глобальное политическое прогнозирование. М., 2001.
2. *Лушников О.В.* Евразийская идея в России. Истоки и перспективы. Пермь: ЦЕИ ПГГПУ, 2019.
3. *Орлова И. Б.* Евразийская цивилизация. М.: Норма, 1998.
4. *Путин В. В.* Большая Евразия – проект, устремленный в будущее// Большая Евразия. 2018. № 1. С.4.
5. *Глазьев С. Ю.* Стратегия опережающего развития России. СПб., 2011.

6. *Винокуров Е. Ю., Либман А. А.* Евразийская континентальная интеграция. СПб, 2014.

7. Экономический пояс «Шелкового пути» и приоритеты совместного развития евразийских государств // Аналитический доклад Междунар. дискуссионного клуба «Валдай». Москва, Июнь 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://valdaiclub.com/publication/77920.html> (дата обращения: 05.04.2022).

8. *Караганов С. Е.* От поворота на Восток к Большой Евразии [Электронный ресурс]. URL: <http://globalaffairs.ru/pubcol/Ot-povorota-na-Vostok-k-Volshoi-Evrazii-18739>. (дата обращения: 05.04.2022).

РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ БИЗНЕС-СОТРУДНИЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

О. Ю. Невзоров

*Сотрудник Министерства экономического развития и инвестиций
Самарской области, Самара, Россия
newzorov@mail.ru*

В статье рассматриваются вопросы изучения рисков и возможностей для бизнес-сообщества в условиях Евразийского экономического союза. Выделена роль межрегионального бизнес-сотрудничества в ЕАЭС. Сформулированы рекомендации по его развитию на основе усиления промышленной кооперации приграничных производственных кластеров.

Ключевые слова: кластер; сотрудничество; интеграция; бизнес; ЕАЭС.

RUSSIAN-KAZAKHSTAN INTERREGIONAL BUSINESS COOPERATION IN THE CONDITIONS OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

O. Ju. Nevzorov

*Officer of the Ministry of Economic development and investments
Samara region, Samara, Russia
newzorov@mail.ru*

The article discusses the study of risks and for the business community in the context of the Eurasian Economic Union. The role of interregional business cooperation in the EAEU is highlighted. Recommendations on its development are formulated on the basis of strengthening industrial cooperation of border production clusters.

Keywords: cluster; cooperation; integration; business; EAEU.

По состоянию на 2022 г. бизнес-пространство Евразийского экономического союза охватывает более 180 млн. человек, являясь одним из крупнейших мировых рынков. Евразийская интеграция в формате ЕАЭС, в целом, достигла определённых экономических результатов, в том числе, и в новейшие кризисные годы. Главным количественным итогом является рост доли взаимной торговли в общем объёме торговли ЕАЭС. Основным качественным итогом интеграции для бизнеса заключается в увеличении значимости несырьевых товарных групп в структуре

взаимной торговли, в том числе машин и оборудования. По мнению автора, дальнейшему углублению евразийской интеграции может способствовать развитие межрегионального экономико-делового сотрудничества (бизнес-сотрудничества) между приграничными административными территориями стран ЕАЭС.

Интеграционные процессы в ЕАЭС протекают при наличии выраженной политической воли руководства стран Союза к экономической интеграции, т.е. по принципу интеграции сверху-вниз, осуществляемой на межгосударственном уровне. При этом доля поддержки интеграционного объединения среди граждан Союза в целом увеличивается. Среди рисков для ведения бизнеса в ЕАЭС отмечается низкий уровень кооперации всех уровней бизнеса, низкая доступность госзаказа (особенно для малого бизнеса ЕАЭС), высокий уровень кредитных ресурсов бизнеса, риски «двойного» налогообложения и т. д. Многие из рисков эффективно устраняет ЕЭК, снижая различные барьеры для ведения бизнеса и повышая его конкурентоспособность.

В свою очередь, развитие межрегионального бизнес-сотрудничества способно привести больше реального сектора экономики в интеграционный процесс. Представляется, что региональный уровень интеграции позволяет бизнесу самому выстраивать производственные и инвестиционные связи, которые, в сравнении с межгосударственными более прочны и эффективны, так как соответствуют реальным потребностям рынка и негосударственных акторов регионов. Таким образом, межрегиональное бизнес-сотрудничество по типу интеграции «снизу-вверх» в полной мере отвечает задаче интеграции в формате ЕАЭС по развитию региональных цепочек стоимости и региональной кооперации через создание трансграничных кластеров.

В текущий момент (первая половина 2022 г.) на пространстве ЕАЭС фактически отсутствуют действующие программы развития межрегионального инновационного бизнеса, а ведь это очень перспективное направление. В то же время, согласно программным документам государств-членов робототехника является приоритетным направлением развития промышленных комплексов для Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. Восстановление полномасштабного научного и производственного потенциала потребует значительных финансовых и интеллектуальных усилий и является актуальным для всех государств-членов. Возникает необходимость концентрации имеющихся ресурсов государств-членов и их максимально эффективного использования [1].

На основе экспертных заключений, выраженных на крупных международных форумах, наибольший потенциал межрегионального

бизнес-сотрудничества в ЕАЭС существует в приграничных областях России и Казахстана. Это один из ярких примеров и вот почему. Развитие межрегионального бизнес-сотрудничества России и Казахстана в рамках ЕАЭС исходит из объективных предпосылок такого процесса. Фундаментальные факторы углубления межрегионального бизнес-сотрудничества России и Казахстана заключаются в наличии одной из самых протяжённых сухопутных границ в мире (7512 км.); стремлении стран диверсифицировать экономику, обеспечив рост несырьевого сектора во взаимной торговле; а также в целом в сохранённой комплементарности и взаимозависимости производственных, энергетических и транспортно-логистических комплексов, доставшимся им в наследство от СССР.

Ярким примером межрегионального бизнес-сотрудничества призван стать Евразийский Инжиниринговый центр по станкостроению, расположенный в Казахстане, которой должен объединить инновационный потенциал государств-членов для обеспечения отрасли машиностроения средствами производства, оптимизации доступа промышленных предприятий государств-членов к имеющимся в государствах-членах технологиям, а также для использования возможностей стран для обеспечения доступа к наиболее современным мировым технологиям и разработкам. Работа центра должны быть нацелена также на внедрение современных инновационных технологий мирового уровня в производственные процессы машиностроительных предприятий государств-участников ЕАЭС, что обеспечит повышение конкурентоспособности этого сектора промышленности.

По итогам деятельности Инжинирингового центра планируется достижение следующих результатов:

- обеспечение равных условий доступа предприятий государств-членов к разработанным ИИЦС технологиям и инновационной продукции;

- увеличение доли высокотехнологичной продукции в общем объеме производства станочной продукции, в том числе комплектующих (числового программного управления, программного обеспечения, приводов), до 32 %;

- рост объема инвестиций в отрасль станкостроения и смежных отраслей и повышение затрат на технологические инновации (уровень затрат на инновации в Союзе в настоящее время в среднем составляет 1,35 % внутреннего валового продукта);

- рост кадрового потенциала в отрасли станкостроения и смежных отраслях, прежде всего в сфере проектирования средств производства,

обеспечение привлекательности работы в отрасли станкостроения для молодых специалистов;

– повышение уровня загрузки имеющихся и создаваемых мощностей [2].

Исходя из инициатив создания Евразийского инжинирингового центра, нами предлагается использовать кластерный подход. Еще в конце XIX в. Альфредом Маршаллом было отмечено, что близко располагающиеся предприятия формируют «промышленные округа», в которых возрастает интенсивность коммуникации между рабочими, что приводит к более быстрому распространению новых идей, улучшению производственного процесса, установлению более тесных социальных связей. Сто лет спустя с ростом глобализации, конкуренции и интенсивности инновационного развития, а также вместе с большим успехом таких региональных формаций, как, например, Кремниевая долина в Калифорнии, исследователи вновь вернулись к темам локализации, инноваций и регионального экономического развития.

Кластером, согласно одному из авторов концепции Майклу Портеру, является сконцентрированная на определенной территории группа взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, сервисных организаций, фирм из связанных отраслей и ассоциированных институтов в определенной сфере, которые как конкурируют, так и сотрудничают друг с другом. Некоторые исследователи выделяют промышленные кластеры, группы родственных взаимосвязанных отраслей промышленности и сферы услуг, и региональные (локальные) кластеры, группы географически сконцентрированных компаний. Географическая близость организаций повышает шансы «перетока» (знаний, технологий и обучения), что увеличивает конкурентоспособность организаций внутри кластера по отношению к компаниям из этой же отрасли, находящимся за пределами этой инновационной среды. Примерами успешной географической концентрации являются кластеры производителей: обуви на севере Италии, автомобилей на юге Германии, дорогостоящих часов в Женеве, фильмов в Голливуде, винный кластер в Калифорнии.

Реализацию кластерной инициативы зачастую обеспечивает кластерная организация, которая может быть некоммерческой ассоциацией, государственным институтом развития или компанией. В функционал такой структуры входят сбор и анализ информации о самом кластере и его участниках, организация совместных конференций, рабочих встреч и мероприятий для улучшения коммуникации и взаимодействия между участниками кластера, запуск совместных

проектов, программ, исследований по темам специализации компаний в кластере и многое другое.

Одним из ярких примеров развития межрегионального бизнес-сотрудничества ЕАЭС может стать создание перспективного межрегионального кластера по станкостроению (рис. 1).

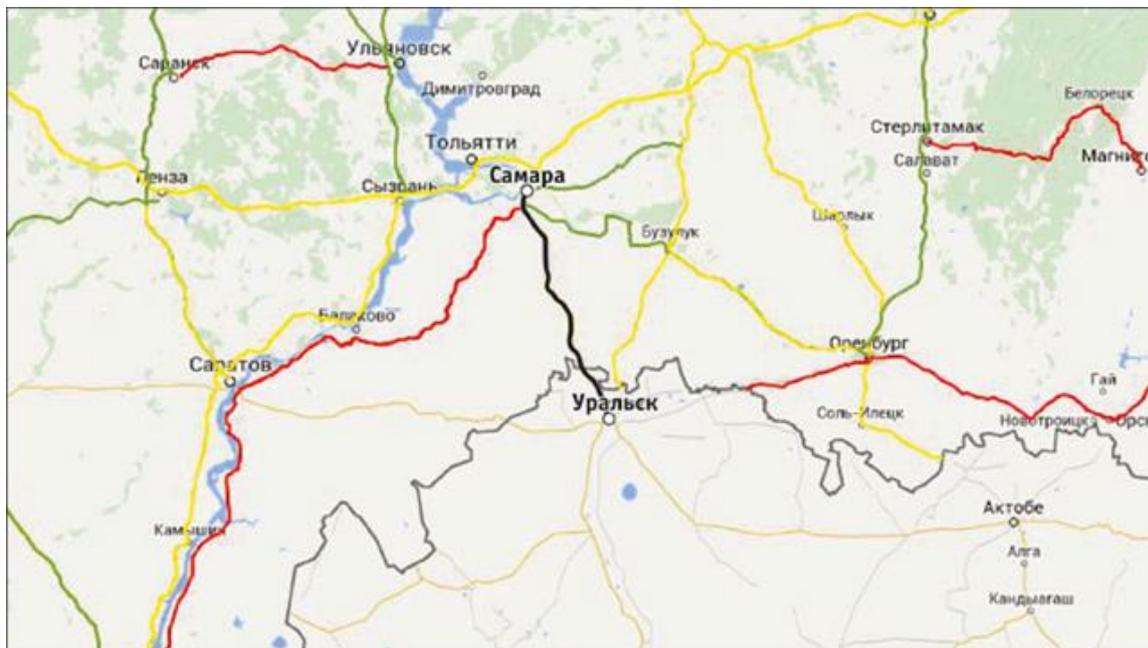

Рис. 1. Линия перспективного территориального расположения межрегионального кластера по станкостроению «Уральск-Самара».

Самарская область (РФ) и Западно-Казахстанская область (Казахстан) обладают мощным инновационно-промышленным потенциалом и компетенциями, в том числе по станкостроению. Малое расстояние между центрами регионов делает перспективной возможность создания здесь мощного межрегионального кластера ЕАЭС. В настоящий момент такие инициативы активно рассматриваются на уровне министерств промышленности двух стран и вышеуказанных регионов [3].

Важно заметить, что, несмотря на общую тенденцию сокращения станкостроительных предприятий, которая наблюдалась на протяжении последних двадцати лет, на рынке отечественного станкостроения остаются и даже возрождаются российские станкостроительные предприятия, как правило, за счет привлечения инвестиций, государственных заказов, кооперации и создания производственных кластеров, в том числе с зарубежными предприятиями [4].

Резюмируя, можно сделать вывод, что в контексте развития евразийской экономической интеграции углублению межрегионального бизнес-сотрудничества между странами, в частности, между Россией и

Казахстаном, будет способствовать развитие промышленной кооперации на базе приграничных производственных кластеров [5]. При этом важно сохранение национальных интересов и регулярного взаимодействия бизнеса и власти, поэтому, необходимо развитие как действующих (Деловой совет Евразийского экономического союза), так и создание принципиально новых евразийских деловых объединений и структур в ближайшее десятилетие. Расширение географии зоны свободной торговли с новыми странами, в будущем, безусловно, принесет самый значимый эффект для бизнеса ЕАЭС.

Библиографические ссылки

1. *Карлина А. А., Баранова Е. В.* Методика оценки инвестиционных проектов развития территории с точки зрения их общественной значимости // Вестн. Междунар. института рынка. 2019. № 2. С. 82-87.

2. *Невзоров О. Ю.* Евразийские технологические платформы: описание, направления, способы финансирования.– Евразийские исследования. [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasian-studies.org/archives/8263>. (дата обращения: 10.05.2022).

3. *Невзоров О. Ю.* Интегральная евразийская транспортная система как драйвер развития регионов ЕАЭС // Теоретико-методологические и практические проблемы интеграции, диверсификации и модернизации региональных промышленных комплексов: сборник материалов Международной науч.-практ. конф. / Под общ. ред. Н.М. Тюкавкина. Самара: АНО «Издательство СНЦ», 2017. С.134-139.

4. *Лепехин В. А.* Евразийство и евразийская интеграция: истоки, основы, принципы, проблемы и перспективы / Центр развития социально-гуманитарных проектов. М: НФСП, 2017.

5. Евразийский экономический союз. Монография. СПб.: Центр интеграционных исследований ЕАБР, 2017.

МОЛОДЁЖЬ КАК ГРУППА ИНТЕРЕСОВ КЛИМАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Г. А. Острога

*Старший преподаватель кафедры политологии
юридического факультета БГУ, г. Минск, Беларусь,
halina.mail@mail.ru*

Статья посвящена глобальной проблеме изменения климата и молодёжному климатическому движению ЕС. Автор обращает внимание на актуальность темы борьбы за климат среди современной молодёжи Европы и мира, что подтверждается также многочисленными исследованиями. В работе рассмотрены основные формы деятельности молодёжных движений в области защиты климата.

Ключевые слова: молодёжь; молодёжные движения; климатическая политика; ЕС; группы интересов.

YOUTH AS A GROUP OF INTERESTS IN THE CLIMATE POLICY OF THE EUROPEAN UNION

G. A. Ostroga

*Senior Lecturer of the Department of Political Science,
Faculty of Law, BSU, Minsk, Belarus,
halina.mail@mail.ru*

The article is devoted to the global problem of climate change and the youth climate movement of the EU. The author draws attention to the relevance of the theme of the struggle for climate among the modern youth of Europe and the world, which is also confirmed by numerous studies. The paper considers the main forms of activity of youth movements in the field of climate protection.

Keywords: youth; youth movements; climate policy; EU; interest groups.

В современной политике большую значимость приобретают негосударственные акторы. Особую роль среди них играют движения, возглавляемые молодыми лидерами. Последние десятилетия показали тенденцию увеличения заинтересованности как самого молодого поколения в политической жизни государств, так и активизацию в реализации молодёжной политики со стороны правительств. Стоит отметить растущий потенциал международных молодёжных организаций по содействию своим государствам в достижении поставленных целей и задач по самым актуальным направлениям политической повестки.

Сегодня молодёжь – это один из стратегических ресурсов государства, который способен стимулировать развитие инноваций и сам их создавать, воспроизводить интеллектуальные и материальные ресурсы. В современной Европе в условиях усиливающейся тенденции старения общества нагрузка на молодое поколение увеличивается. Согласно классификации ООН, к категории «молодёжь» принято относить людей в возрасте 15-24 лет [1]. В ЕС к данной категории населения относят молодых людей от 15 до 29 лет. Они, по данным Евростата на 1 января 2021 г., составляют всего 16,3 % от общей численности населения стран ЕС, или из 447, 3 млн. граждан только 73, 6 млн. являются «молодыми», как принято называть эту группу в Евросоюзе [2]. Молодое поколение стран ЕС немногочисленно и довольно уязвимо. Старение населения в регионе указывает на то, что требуется политика, ориентированная на будущее. По этой причине институты ЕС решили объявить 2022-й год Европейским Годом Молодёжи.

В ЕС весомое значение приобрели молодёжные движения, где молодые лидеры активно участвуют в работе различных государственных и консультативно-совещательных органов, комиссий и экспертных групп. Среди наиболее популярных направлений деятельности молодых активистов ЕС стоит отметить борьбу с негативными изменениями климата, что подтвердили и результаты опроса, проведённого накануне 2022 г., посвящённого Году Молодёжи. На вопрос какую тему вы считаете наиболее актуальной теме «изменение климата/ окружающая среда» отдали предпочтение 59,8 % опрошенных, на первом месте стояла тема «образование», ее выбрали 63,6% молодых респондентов [3]. Согласно исследованию социологической службы Еврокомиссии, проведённому среди молодёжи ЕС в 2019 г., приоритетными направлениями политики Евросоюза большинство опрошенных указали экологию и борьбу за защиту климата, образование (56%), создание новых рабочих мест (49%), улучшение системы здравоохранения (44,6 %).

Молодежь не только ЕС, но и всего мира пессимистично оценивает будущее человечества из-за глобальных изменений климата и считает, что правительства делают недостаточно для решения этой проблемы. Что подтверждает опрос, в котором приняли участие 10 тыс. респондентов в возрасте от 16 до 25 лет из Австралии, Бразилии, Великобритании, Индии, Нигерии, Португалии, США, Филиппин, Финляндии и Франции. Почти 60% опрошенных указали, что они «очень» или «чрезвычайно» обеспокоены изменением климата, а 45% заявили, что их чувства по этому вопросу влияют на их повседневную жизнь. Около двух третей респондентов утверждают, что их правительства предпринимают недостаточные усилия для предотвращения климатической катастрофы,

причем 58% ощущают, что власти «предают меня и/или будущие поколения». Три четверти принявших участие в опросе признались, что «будущее их пугает», а 56% считают, что «человечество обречено». «Тревожность наших детей является совершенно рациональной реакцией с учетом неадекватного ответа на изменение климата, который они видят со стороны своих правительств», – отмечает в этой связи К. Хикман из Университета Бата (University of Bath), одна из авторов исследования [5].

Многочисленные исследования подтверждают, что активная молодёжь ЕС приоритетным направлением определила борьбу с изменением климата и деятельность в области климатической политики, как на уровне союза, так и на национальном уровне. Молодое поколение объединённой Европы обладает возрастающей осведомленностью в экологических вопросах, энергией, знаниями. Молодёжь активно участвует в реализации образовательных программ, способствующих повышению уровня знаний в области изменения климата, в различных программах ЕС по адаптации к изменению климата и смягчению его последствий на местном, национальном, региональном уровнях.

Сегодня существует ряд организаций и движений, созданных молодежью ЕС, которые вступают во взаимодействие с официальными институтами, участвуют в международных конференциях по климату, способствуют вовлечению в движение молодых людей в проекты по борьбе с изменением климата на разных уровнях. Среди таких движений стоит упомянуть знаменитое движение «Пятницы ради будущего», основанное шведской эоактивисткой Гретой Тунберг, набравшее сегодня поистине международный масштаб, немецкую организацию «Климатический альянс», бельгийское движение «Молодёжь за климат», лидер которого Ануна де Вевер сказала: «Мы должны показывать властям, что мы можем взять на себя ответственность заботиться о нашем будущем, и что им следует сделать то же самое» [6].

Можно сделать вывод, что деятельность представителей молодежного климатического движения государств-членов ЕС фокусируется на таких областях как просвещение, повышение осведомленности в области изменения климата, повышение уровня экологической и климатической культуры среди населения, развитие и укрепление сотрудничества, создание сети организаций и связей, лоббирование, защита интересов и проведение массовых мероприятий, посвященных политике в области изменения климата.

Библиографические ссылки

1. Глобальные вопросы повестки дня. Молодежь. Существует ли определение молодежи? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/youth>. (дата обращения: 30.03.2022).
2. Соотношение детей и молодёжи в общей численности населения на 1 января по полу и возрасту. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/YTH_DEMO_020__custom_1363732/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=a1d37433-ada7-4f7b-a148-f0e27010d8c9. (дата обращения: 29.03.2022).
3. Онлайн-опрос Европейского года молодежи: подведены результаты [Электронный ресурс]. URL: <https://europa.eu/youth/d8/sites/default/files/inline-files/Co-creation%20survey%20report.pdf>. (дата обращения: 29.03.2022).
4. Сегодняшняя молодежь – мощный инструмент для построения лучшего будущего. [Электронный ресурс]. URL: https://europa.eu/youth/year-of-youth/young-journalists/youth-of-today-powerful-tool-shaping-better-tomorrow_en. (дата обращения: 30.03.2022).
5. Молодежь в мире пессимистично оценила будущее человечества из-за изменения климата. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/809146>. (дата обращения: 30.03.2022).
6. Лидер движения «Молодёжь за климат» Ануна де Вевер. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.euronews.com/my-europe/2019/03/07/climate-youth-anuna>. (дата обращения: 29.03.2022).

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

Л. В. Слуцкая

*Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии юридического факультета БГУ, Минск, Беларусь
slutskayalv@bsu.by*

В статье представлены теоретико-методологические подходы к понятию «этнополитический процесс». Выделены основные подходы к интерпретации понятия «этнополитический процесс»: конфликтологический, примордиалистский, конструктивистский. Определены особенности изучения этнополитических процессов в региональном аспекте.

Ключевые слова: политический процесс; этничность; этнополитические процессы; этнополитические конфликты.

ETHNO-POLITICAL PROCESSES: THE PROBLEM OF DEFINITION OF THE CONCEPT

L.V. Slutskaya

*D. in Historical Science, Associate Professor, Associate Professor of Department of Political Science, Law Faculty, Belarusian State University, Minsk, Belarus
slutskayalv@bsu.by*

The article presents theoretical and methodological approaches to the concept of "ethno-political process". The main approaches to the interpretation of the concept of "ethno-political process" are singled out: conflictological, primordialist, constructivist, as well as in the regional aspect.

Keywords: political process; ethnicity; ethnopolitical processes; ethnopolitical conflicts.

В начале XXI в. одной из черт политической действительности в мире стала активизация этнополитических процессов, которые характеризуются высокой степенью конфликтогенности, проявлением автономизма и сепаратизма. Все чаще региональные политические элиты используют этническую риторику для усиления националистических, автономистских и сепаратистских настроений: корсиканцы и бретонцы во Франции, каталонцы и баски в Испании, фламандцы в Бельгии, ирландцы и шотландцы в Великобритании и т.д. Ряд конфликтов на постсоветском

пространстве также имеют ярко выраженный этнический аспект: армяно-азербайджанский (Нагорный Карабах), грузино-абхазский, грузино-осетинский, приднестровский, киргизско-таджикский и др. Отдельно следует выделить межэтнические конфликты на Балканах: сербо-хорватский, сербо-албанский. «Все эти реалии обозначили появление нового феномена, именуемого политизацией этничности: этническое становится одним из главных факторов, определяющих деятельность большинства политических субъектов – государства, политических партий и движений, политических элит», – отмечает В. А. Ачкасова [1, с. 39].

Глобализационные процессы не привели к стиранию этнокультурных различий и формированию гармоничной архитектуры международных и региональных отношений. Более того, в условиях глобализации и европейской интеграции произошло усиление этничности и регионализации. Согласимся с мнением российских профессоров В. А. Тишкова и Ю.П. Шабаева, что «глобализация на современном этапе развития человеческого общества не ведет к вытеснению или замещению этничности, а способствует ее актуализации и политизации. Глобализация позволяет расширить политическое и информационное поле культурной партикулярности, она способствует превращению миноритарных этнических сообществ не просто в политически активных игроков, но и в международных акторов [2, с. 326].

В условиях усиления этнического фактора в политике интерес к исследованию подходов к понятию термина «этнополитический процесс» в политической науке вполне закономерен и свидетельствует об актуальности данной проблематики.

Понятие «этнополитические процессы» достаточно широко используется в научной литературе, при этом оно не имеет однозначной трактовки. Причина этого, по нашему мнению, связана с относительно недавним введением в научный оборот категории «этничность» (с 1970-х гг. в рамках постколониальных исследований). Еще в 1981 г. Французская ассоциация антропологов подчеркивала, что «изучение этничности воспринималось как нарушение табу французского представления о нации (единой и неделимой) и о гражданстве, не оставляя альтернативы в анализе отношений между французами разного этнического происхождения и иностранными иммигрантами. Вместо понятия этничности использовался арсенал эвфемизмов, служащих для описания этого явления» [3]. Развитие исследований «этничности» в рамках политической и социологической наук пришлось на конец 1980-х – начало 1990-х гг., что было связано с распадом социалистического блока и разворачиванием межэтнических конфликтов.

В русскоязычном научном дискурсе для описания сути этнополитических процессов применяется большое число категорий, которые имеют пересекающееся смысловое наполнение. Даже использование единой терминологии не является залогом единого смыслового наполнения применяемых понятий. «Попытки адекватно представить сложносоставную, гибридную природу новых социальных размежеваний и конфликтов, вспыхивающих в разных уголках мира, в обществах с разной политической культурой и уровнем благосостояния» привели к использованию «двусоставных характеристик, представленных сложными словами с этническими коннотациями – “этнополитический”, “этносоциальный”, “этнонациональный”, “этнокультурный”, “этнорелигиозный”, “этноконфессиональный”, “этнорасовый”, “этнолингвистический”, “этнотерриториальный” и пр.» [4, с.10]. В таком же контексте рассматриваются политические процессы, связанные с активным участием в них различных этнических групп. Определение этнополитического процесса в российских исследованиях одним из первых предложил Д.В. Драгунский: «это процесс взаимодействия достаточно больших групп населения, каждая из которых характеризуется, с одной стороны, определенно артикулированной этнической идентичностью, с другой – определенными (реально наличествующими или желаемыми) институтами суверенитета. Таким образом, выражаемые этими группами этнические требования немедленно становятся политическими (расширение суверенитета), а политические, экономические или гуманитарные требования приобретают этническую окраску, при их реализации используются механизмы этнической мобилизации и т.п.» [5, с. 40].

Несмотря на различие трактовок категории «этнополитический процесс» можно выделить ряд подходов.

Конфликтологический подход (его представители: Д. Ротшильд, Д. Горовиц) фокусируется на выявлении неравномерности социально-экономического развития, выступающего источником этномобилизации и превращения этнических общностей в самостоятельного субъекта политики.

В примордиалистском подходе (представители: М. Широкогоров, Ю. Бромлей, Р. Г. Абдулатипов), во многом совпадающем с предыдущим, этнополитический процесс трактуется как «столкновение этносов, борющихся за реализацию прав на самоопределение и выбор собственного пути социально-исторического развития» [6, с. 267-268].

С точки зрения конструктивистского подхода (представители: Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э.Хобсбаум, В. А. Тишков, А. Г. Здравомыслов, А. С. Панарин, Л. В. Савинов), этнополитический процесс предстает как

борьба политических элит, которые используют этнические группы в качестве инструмента достижения своих целей. Специалист в области этнополитики Л. В. Савинов рассматривает этнополитический процесс «как институционализацию политических интересов посредством этнической мобилизации и актуализации культурных различий «этнополитическими антрепренерами», выработки и принятия этнополитических решений, а также реализации программ и установок, направленных на достижение политических и иных целей» [7, с. 13].

Этнополитические процессы разворачиваются и в рамках конкретной страны, и в регионе, и на глобальном уровне. Соответственно, понятие «этнополитический процесс» рассматривается в региональном аспекте как «система взаимодействия различных групп населения, каждый из которых характеризуется, с одной стороны, отчетливо выраженной этнической идентичностью, а с другой – определенными институтами суверенитета» [8, с. 10]. Отдельно следует отметить трактовку этнополитического процесса как «вида социального процесса, который характеризуется изменением состояния социальной системы под воздействием факторов, включающих отношения между национальными общностями, а также этносами и государственными органами по поводу реализации интересов этнических групп и их притязаний на политическую власть» [9, с. 8]. Такой подход к понятию характерен для исследований влияния этнополитических процессов на национальную и пограничную безопасность (А. А. Тюканько, С. А. Антошкин, Л. Б. Кристаллинский).

Таким образом, отсутствие единства в трактовке категории «этнополитический процесс» в политической науке формирует широкое поле научных исследований данной проблематики и порождает трудности в понимании данного феномена. «Этнополитический процесс» интерпретируют с точки зрения конфликтологического, примордиалистского, конструктивистского подходов, а также в региональном аспекте.

Библиографические ссылки

1. *Ачкасов В. А.* Политическая мобилизация в этнических конфликтах // Вестник МГУ. Сер. 12 Политические науки. 2016. № 5. С. 37-49.

2. *Тишков В. А., Шабает Ю. П.* Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Московского университета, 2011.

3. *Théories de l'ethnicité, suivi de Les groupes ethniques et leurs frontières de F. Barth / Nassirou B.-A. Poutignat, Ph. et Streiff-Fenart, J.* Paris, PUF, 1995. [Электронный ресурс]. URL:

<https://journals.openedition.org/apad/610>. (дата обращения: 01.05.2022).

4. Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: ИМЭМО РАН, 2017.

5. *Драгунский Д.В.* Этнополитические процессы на постсоветском пространстве и реконструкция Северной Евразии // Полис. 1995. № 3. С. 40-47.

6. *Денисова Г.С., Радовель М.Р.* Этносоциология: учеб. пособие. Ростов-н/Д: Изд-во ООО «ЦВВР», 2000.

7. Анатомия этнополитики коллектив. моногр. / под науч. ред. Л. В. Савинова; РАНХиГС, Сиб. ин-т упр. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015.

8. *Барышная Н.А.* Этнополитические процессы на региональном уровне: анализ и управление: автореф. дис. канд. полит. наук: 23.00.02; Поволжский ин-т им. П.А. Столыпина филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и гос. службы при Президенте Российской Федерации». Саратов, 2007.

9. *Тюканько А.А.* Этнополитические процессы в России и их влияние на национальную безопасность (политологический анализ) автореф. дис. канд. полит. наук: 23.00.02; Пограничная академия ФСБ России. Москва, 2007.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНТЕГРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

К. Д. Щерба

*Выпускник аспирантуры МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
kd.shcherba@gmail.com*

Характерной особенностью XXI в. является переход к мировому экономическому, финансовому, информационному и гуманитарному пространству, обуславливающему преодолению государственных барьеров на пути движения информации, капиталов, товаров и услуг. Наибольшее значение в этих условиях приобретают различные международные интеграции и альянсы. В материалах кратко освещаются основные проблемы и перспективы развития таких интеграций в современном мире.

Ключевые слова: интеграция; международная интеграция; перспективы международной интеграции; проблемы международной интеграции; международные политические процессы; международная политика.

INTERNATIONAL INTEGRATIONS: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

K. D. Shcherba

*Graduate of the graduate school of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
kd.shcherba@gmail.com*

A characteristic feature of the XXI century is the transition to the global economic, financial, information and humanitarian space, which determines the overcoming of state barriers to the movement of information, capital, goods and services. Various international integrations and alliances are of the greatest importance in these conditions. Within the framework, the main problems and prospects for the development of such integrations in the modern world are briefly highlighted.

Keywords: integration; international integration; prospects of international integration; problems of international integration; international political processes; international politics.

Одним из инструментов противодействия угрозам глобальной безопасности в XXI в. является формирование устойчивых интеграций, объединяющих национальные экономические системы, близкие по географическому положению и уровню развития. Как отмечает исследователь Б. Хусаинов, «диалектика взаимодействия процессов глобализации и интеграции свидетельствует, что, с одной стороны, создание интеграционных объединений является естественной реакцией

на негативные последствия глобализации, особенно усиливающихся в условиях неопределенности мировой экономической системы, с другой – конкретным проявлением объективной тенденции к созданию целостной глобальной системы равноправного партнерства» [3].

Сущность региональной интеграции может быть задана через следующий набор параметров:

- формирование относительно гомогенного экономического пространства;
- свободная циркуляция факторов производства в условиях реально функционирующего общего рынка;
- совместное использование ресурсов с максимальной экономической и социальной эффективностью;
- проведение единой экономической, финансовой и социальной политики;
- унификация национального законодательства.

Исследуя признаки региональной интеграции, голландский экономист Ян Тинберген предложил различать два ее типа: «негативная интеграция» (де-факто) и «позитивная интеграция» (де-юре) [Цит. по: 1]. «Негативная интеграция» означает реальную экономическую интеграцию посредством торговли и инвестиций, предполагающую устранение дискриминации в сфере экономических правил и проводимой политики в рамках двухсторонних соглашений. «Позитивная интеграция» связана с переходом к наднациональным институтам, совместному принятию решений. Иными словами, региональная интеграция может быть интеграцией рынков (market-led), как в случае с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), или же развиваться под влиянием институциональных соглашений (institutionally-driven), как в случае с Европейским Союзом (ЕС), либо быть смешением этих двух моделей.

Региональная интеграция может также носить политический или экономический характер. Так, НАТО как военно-политический блок объединяет большинство стран Европы (включая Турцию), США и Канаду. НАТО достаточно активно расширяется, принимая в свои ряды новых участников (в 2017 г. членом альянса стала Черногория, а в 2020 г. – Северная Македония). Другой политический блок – Британское содружество наций – сегодня носит преимущественно декларативный характер. В прошлом году на геополитической карте возник новый военный альянс AUKUS, объединяющий США, Великобританию и Австралию.

Известная региональная интеграция экономического характера – Европейский Союз. Основными проблемами ЕС являются низкая эластичность рынка труда, значительный государственный долг,

миграционный кризис, проблемы равноправия в странах-участницах.

К числу значимых региональных интеграций в современном мире относится Евразийский экономический союз. Процессы межрегионального сотрудничества и интеграции на евразийском пространстве протекают в условиях вызовов как внешнеполитического, так и внутреннего характера. На развитие ЕАЭС большое влияние оказывают внешние силы, в первую очередь – западные страны [2]. Определенные вызовы для Евразийского экономического союза представляет консолидация с Китаем. В настоящее время Китай продвигает идею сотрудничества с ЕАЭС в рамках проекта Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). При этом он активно расширяет собственное экономическое присутствие на востоке, налаживает торговые связи, участвует в реализации крупных инфраструктурных проектов. Усиление позиций Китая в регионе ЕАЭС представляет вызов экономической и политической безопасности интеграционного объединения и требует научного внимания к данной тематике исследования.

Внутри ЕАЭС также имеются проблемы налаживания взаимодействия между странами-участницами, которые до настоящего момента не могут окончательно договориться о вопросах создания наднационального законодательства, укрепления наднациональных органов ЕАЭС, устранении около 60 препятствий и барьеров во взаимной торговле.

Несмотря на перечисленные политические проблемы и вызовы, Евразийский экономический союз становится значимым фигурантом мировой геополитики. Обладая значительным экономическим потенциалом и активно взаимодействуя с другими интеграционными объединениями и отдельными государствами, ЕАЭС оказывает непосредственное влияние на формирование нового мирового порядка.

Ключевые политические приоритеты международного сотрудничества ЕАЭС – углубление процессов интеграции внутри самого объединения, интеграция на постсоветском пространстве (сопряжение ЕАЭС и СНГ), сопряжение ЕАЭС, ШОС и АСЕАН, развитие многостороннего сотрудничества с Евросоюзом, а также создание зон свободной торговли и заключение соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве с заинтересованными странами Южной и Центральной Америки, Африки и Океании.

Итак, в настоящее время наибольшую устойчивость и эффективность в современном мире демонстрируют современные региональные интеграции, в рамках которых осуществляется плодотворное политическое, экономическое и культурное

сотрудничество, выработка единой политики в сфере обеспечения безопасности. Региональная интеграция позволяет преодолевать проблемы разобщенности мирового сообщества, ориентации на решение сиюминутных национальных проблем социально-экономического и политического характера.

В рамках интеграционных процессов высвобождаются значительные ресурсы для глобального прогнозирования, планирования и управления, обеспечивается преодоление профессиональной некомпетентности многих национальных лидеров, а также руководителей крупных промышленных корпораций, оказывающих непосредственное влияние на обеспечение глобальной безопасности. В то же время все региональные интеграции в той или иной степени сталкиваются с угрозами глобальной безопасности, которые связаны с агрессивной внешней политикой отдельных государств, распространением оружия массового поражения, международным терроризмом и информационной войной.

Значимой проблемой является также нарастание комплекса экологических и биосферных угроз глобального характера, обусловленных все более масштабной техногенной деятельностью человека. Результатом этой деятельности становится разрушение многих жизненно важных экосистем нашей планеты, а также изменение ее глобального климата. Деструктивные процессы наблюдаются и в мировом океане.

К кризису глобальной системы и отдельных региональных интеграций ведут также перемены в демографической сфере общества, обусловленные ростом общей численности населения, особенно в странах Азии и Африки, которые сегодня являются наименее развитыми и имеют низкий уровень образования. Миграция из этих стран служит фактором повышения уровня социальной напряженности в других регионах мира. Важнейшей проблемой является нарастание негативных тенденций в гуманитарной сфере общества, связанных с деградацией базовых духовных ценностей, потребительской ориентацией общественного сознания, утратой многих достижений мировой культуры, которая сегодня переживает системный кризис. Решение перечисленных проблем может быть достигнуто только за счет глобального партнерства, политического, экономического, социального и культурного взаимодействия разных государств внутри отдельных международных интеграций и в мире в целом.

Библиографические ссылки

1. Зувев В.Н. Методология классификации и оценки форм региональной интеграции // Евразийская Экономическая Интеграция. 2014. № 3 (24). С. 25-43.

2. Жильцов С.С. Евразийская интеграция: проблемы и перспективы // Вест. РУДН. Сер.: Политология. 2016. №1. С.7-15.

3. Хусаинов Б. Вызовы глобализации и усиление интеграционных процессов // 21-й век. 2013. № 3 (28). С.35-57.